

ТЗ02/7
Г 83

✓

С. Григорьевич

АМЕРИКАНСКАЯ

и

ЯПОНСКАЯ

ИНТЕРВЕНЦИЯ

**НА СОВЕТСКОМ
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

и

ЕЕ РАЗГРОМ

С. ГРИГОРЦЕВИЧ

АМЕРИКАНСКАЯ
И ЯПОНСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА СОВЕТСКОМ
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И ЕЕ РАЗГРОМ

(1918—1922 гг.)

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1957

ВВЕДЕНИЕ

Интервенция на Советском Дальнем Востоке была организована как объединенная интервенция стран Антанты, имевшая целью свержение власти рабочих и крестьян и восстановление капиталистических порядков. Решающую роль в ее проведении играли империалисты США и Японии.

Империалистическая Япония ввела на Советский Дальний Восток более чем сотысячную армию и, опираясь на своих ставленников Семенова и Калмыкова, добивалась превращения русского Дальнего Востока в колонию японского империализма.

Американские империалисты направили на эту окраину России десятитысячный экспедиционный корпус. Относительная немногочисленность войск американских интервентов восполнялась огромной активностью, которую проявляли американские империалисты на Советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. в экономической и политической областях.

Решающая роль США и Японии в проведении интервенций в Сибири отмечалась в решении совета премьеров стран Антанты в Лондоне от 13 декабря 1919 г. Обсудив вопрос о путях дальнейшей борьбы против Советской России, участники совещания приняли резолюцию, в которой, в частности, отмечалось: «Русская политика в том виде, в каком она принимается конференцией, может быть изложена следующим образом: не принимать на себя в будущем никаких обязательств, кроме тех, которые уже даны или, поскольку это относится к Сибири, могут быть приняты по соглашению между США и Японией в отношении помощи антибольшевистским элементам, будь

то в виде посылки войск, военных материалов или финансовой помощи»¹.

Изучение имеющихся материалов дает основание рассматривать интервенцию на Дальнем Востоке прежде всего как интервенцию американскую и японскую, несмотря на то, что серьезное участие в организации интервенции приняли также империалисты Англии и Франции.

Стремление свергнуть Советскую власть, объединявшее японских и североамериканских империалистов, ни в коей мере не снимало острых противоречий между ними в борьбе за господство над русским Дальним Востоком.

Так, правительство США принимало все возможные меры к тому, чтобы не допустить перехода обширных территорий дальневосточной окраины России в руки Японии. В свою очередь японские правящие круги препятствовали североамериканской экспансии на русском Дальнем Востоке. Все это не могло не ослаблять натиска империалистических держав на Советскую Россию с Востока.

Интервенция империалистов на Дальнем Востоке прошла два этапа.

Первый этап продолжался с апреля 1918 г. по апрель 1920 г. В это время интервенция носила объединенный характер. Империалисты рассматривали Дальний Восток прежде всего как плацдарм для похода интервенционистских и белогвардейских войск в Сибирь и за Урал с целью свержения Советской власти на территории всей России.

Особенностью интервенции на втором её этапе, в 1920—1922 гг., явилось то, что, потерпев поражение в попытках свержения Советской власти в России, империалисты сосредоточили усилия на борьбе за отторжение русского Дальнего Востока от Советской России. На этом этапе военную интервенцию на Дальнем Востоке осуществляла с согласия других империалистических стран и при их активной поддержке Япония.

Вывод основных сил американских войск с территории Советского Дальнего Востока (завершенный к апрелю 1920 г.) не означал прекращения американской

¹ «Papers relating to the Foreign Relations of the United States» («Foreign Relations»), т. IX, 1919, стр. 858.

интервенции. Правительство США продолжало грубо вмешиваться в дела Советского Дальнего Востока. При этом оно использовало экономическую, политическую и другие формы интервенции.

Подталкивая Японию на продолжение интервенции на Советском Дальнем Востоке в 1920—1922 гг., правящие круги США делали ставку на то, что война между Японией и Советской Россией приведет ко взаимному ослаблению Японии — главного империалистического соперника США на Дальнем Востоке — и Советской России. Провоцируя эту войну, правительство США рассчитывало использовать ее также для установления своего господства в Китае и на русском Дальнем Востоке.

Однако планы японских и американских империалистов по установлению своего господства на Советском Дальнем Востоке были сорваны. Империалистическая интервенция была разгромлена силами рабочих и крестьян. Эта победа стала возможна благодаря мудрой и дальновидной политике партии большевиков и Советского правительства.

В данной работе не ставится задача подробно осветить все вопросы истории русского Дальнего Востока в 1918—1922 гг. Основное содержание работы составляет освещение внешнеполитических вопросов, связанных с интервенцией империалистов на Дальнем Востоке и ее разгромом.

ГЛАВА I

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ С 1918 г. ДО АПРЕЛЯ 1920 г.

1. Подготовка и начало военной интервенции

Земли русского Дальнего Востока плодородны, их недра таят огромные запасы полезных ископаемых, рыбные богатства дальневосточных вод имеют мировое значение. Однако все эти богатства при царизме использовались крайне слабо вследствие экономической отсталости России.

Иностранные империалисты издавна стремились прибрать к своим рукам эту богатую окраину России. Экспансионистские действия империалистических держав на русском Дальнем Востоке активизировались после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. При этом особую активность проявляли империалисты США, захватнические замыслы которых отнюдь не ограничивались дальневосточной окраиной России.

Американские империалисты оказывали активную поддержку Временному правительству. Многомиллионные займы, предоставленные американской буржуазией Временному правительству, предназначались не только для продолжения империалистической войны и для подавления революционного движения в России, но и для экономического закабаления нашей страны, в первую очередь русского Дальнего Востока. За действиями американских империалистов на Дальнем Востоке ревниво следили японские правящие круги. В июле 1917 г. министр иностранных дел Японии Мотоно обратился через русского посла в Токио с запросом к Временному правительству о том, справедлив ли слух о предоставлении американцам прав на разработку горных богатств

в Приморской области и на Северном Сахалине. Мотоно заявил, что если бы данное «известие соответствовало действительности, то это произвело бы в Японии самое тяжелое впечатление»¹.

Американцы прилагали усилия к захвату железных дорог России, в первую очередь транссибирской магистрали и КВЖД. С этой целью в Россию была направлена многочисленная железнодорожная миссия Стivenса², многие члены которой были офицерами американской разведки.

Русский посол в Вашингтоне в телеграмме от 15 ноября 1917 г. сообщал во Владивосток: «Американское правительство посылает в Россию железнодорожный отряд, состоящий из 290 офицеров американской армии, при которых в качестве переводчиков, машинистов и столяров состоит 48 русских выходцев, нанятых в Америке»³. Этот отряд, возглавляемый полковником Эмерсоном, прибыл во Владивосток. Но там к этому времени победила Советская власть, и железнодорожному отряду пришлось выехать в Японию.

Одновременно представители правящих кругов США пропагандировали «покупку» Америкой Камчатки и Чукотского полуострова. Осенью 1917 г. в иностранной печати появилось сообщение о том, что между США и Временным правительством ведутся переговоры о передаче Камчатского полуострова США. В связи с этим в ноябре 1917 г. американский консул во Владивостоке для успокоения Японии, где это известие вызвало резкое недовольство, опубликовал телеграмму государственного секретаря США, в которой указывалось, что «слухи об уступке Соединенным Штатам Камчатского полуострова не имеют никакого основания. Некоторые займы и кредиты были устроены Соединенными Штатами для свободной России, основанные главным образом на доверии к русскому правительству...»⁴.

Несмотря на острую взаимную вражду, империалисты США и Японии, стремясь достичь хотя бы временной договоренности по вопросам политики в Китае и других

¹ «Голос Приморья», 11 апреля 1918 г.

² См. «Foreign Relations», Russia, т. III, 1918, стр. 200.

³ Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 245, оп. 1, д. 27, л. 49.

⁴ ЦГАДВ, ф. 245, оп. 1, д. 27, л. 49.

странах Дальнего Востока, заключили в ноябре 1917 г. соглашение (известное как «соглашение Лансинг — Исии»), представлявшее собой попытку пойти на взаимные уступки в колониальных делах. Его предполагалось использовать впоследствии и для борьбы против Советской России.

Победа Октябрьской социалистической революции в центре, а затем и на окраинах России вызвала ненависть у американских миллиардеров, определяющих политику США. По их указке в США развернулась яростная антисоветская кампания. Председатель Компартии США У. Фостер писал: «Ни в какой другой стране кампания антисоветской клеветы не заходила так далеко, не велась с такой злобой, как в Соединенных Штатах Америки»¹.

Американские империалисты в своей дальневосточной политике наталкивались на серьезное противодействие правящих кругов Японии, которые в 1917 г. также резко усилили экспансию на русском Дальнем Востоке. Осуществление захватнических планов империалистической Японии облегчалось географической близостью Японии к дальневосточной окраине России. Весной 1917 г. в связи с усилившейся после февральской революции борьбой трудящихся масс против иностранного засилья на Дальнем Востоке японский генеральный консул во Владивостоке потребовал от представителей Временного правительства установления порядка, угрожая, что в противном случае это может явиться «поводом к столкновению обоих народов»². Японская агентура спровоцировала инциденты в Харбине, Владивостоке, Иркутске и использовала их для подготовки интервенции и вмешательства во внутренние дела России.

В японских газетах с апреля 1917 г. стали появляться заметки, в которых в ложном свете освещались события на русском Дальнем Востоке.

Одновременно все больший и больший размах приобретала пропаганда «необходимости продвижения Японии на азиатский материк», «исторического призвания японского народа» и т. д.

¹ У. Фостер, Очерк политической истории Америки, М. 1953, стр. 517.

² ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 193, л. 207.

Действительную подоплеку этих выступлений японских правящих кругов раскрывает газета «Владиво-Ниппо»: «Японская политика на Дальнем Востоке обуславливается экономическими интересами; преимущественное значение для японцев имеют лесные, угольные и рыбные богатства»¹.

Когда в центре России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, японское правительство вступило в переговоры с державами Антанты об интервенции на Дальнем Востоке. При этом оно добивалось, чтобы проведение интервенции в Сибири было поручено одной только Японии. В первой половине декабря 1917 г. английский посол в Японии вел переговоры с японским правительством о мерах, которые собирались принять страны Антанты для защиты складов военных материалов во Владивостоке и в случае необходимости для контроля над сибирскими железными дорогами².

Японское правительство в качестве компенсации за грабительскую войну против Советской России требовало признания специальных интересов Японии в Китае и исключительных прав на эксплуатацию природных богатств русского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Правительства Англии и Франции пошли навстречу этим притязаниям империалистической Японии.

Вместе с тем они высказались за немедленное развертывание интервенции. Ллойд Джордж писал: «В декабре 1917 г. мы запросили Японию и Соединенные Штаты, считают ли они желательной оккупацию Владивостока и установление контроля над Сибирской железной дорогой»³.

Правительство США стремилось использовать вооруженные силы Японии для борьбы против Советской России. Но в то же время правящие круги США считали, что если проведение интервенции будет поручено только одной Японии, то от этого могут пострадать американские «интересы» в Сибири. Поэтому правительство США выдвинуло проект «общесоюзной» интервенции. Государственный департамент 8 февраля 1918 г. сообщил в британское посольство в Вашингтоне точку зрения

¹ Газета «Владиво-Ниппо» (орган осведомительного отдела японской армии), 17 марта 1921 г.

² См. «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 84.

³ Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, М. 1937, стр. 86.

правительства США на интервенцию в Сибири, указав, что любая военная экспедиция в Сибири или оккупация всей или части транссибирской железной дороги должна осуществляться на основе международного сотрудничества, а «не какой-либо отдельной державой, действующей по мандату других»¹.

В этой связи полковник Хауз, личный советник президента Вильсона, писал: «Еще более важным шагом было бы, однако, продвижение через Сибирь сил, состоящих преимущественно из японцев и американцев. Общесоюзный характер этих сил был бы им придан главным образом США, хотя британские и, вероятно, также французские и итальянские отряды могли бы сопровождать их. Американский контингент мог бы состоять главным образом из технических частей, особенно механического транспорта, единиц связи, железнодорожных войск, а также одной полной дивизии»².

В это время на русском Дальнем Востоке происходили события величайшего исторического значения. По примеру трудящихся масс Центральной России рабочие Дальнего Востока под руководством партии большевиков в союзе с трудовым крестьянством взяли власть в свои руки. 12 декабря 1917 г. была свергнута власть представителей Временного правительства во Владивостоке, а 19 декабря — в Хабаровске. К январю — февралю 1918 г. власть Советов установилась на всем русском Дальнем Востоке. Победа социалистической революции на этой окраине России оказала большое революционизирующее воздействие на борьбу народов Азии за свое национальное и социальное освобождение.

Боязнь утраты господства в колониальных и зависимых странах Восточной Азии, а также стремление сохранить свои капиталовложения на русском Дальнем Востоке вызывали резко враждебное отношение империалистов к установлению Советской власти на этой окраине России.

Империалисты перешли к открыто агрессивным действиям против Советской республики. 24 ноября 1917 г. американский крейсер «Бруклин» вошел во Владивостокский порт. На корабле прибыл американский адмирал

¹ «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 42.

² «Архив полковника Хауза», т. III, М. 1939, стр. 284.

Найт, пытавшийся угрозами помешать установлению Советской власти во Владивостоке. В декабре 1917 г. правительство США вынуждено было по требованию Владивостокского Совета временно вывести крейсер из Владивостокского порта.

Однако в январе 1918 г. во Владивостокский порт были введены японские крейсеры «Ивами» и «Асахи», английский крейсер «Суффольк», а 1 марта 1918 г. — американский крейсер «Бруклин».

Но никакие угрозы империалистов не могли воспрепятствовать победе социалистической революции на Дальнем Востоке.

В этих условиях империалисты стали прилагать все усилия к расширению интервенции. Активную роль в этом деле сыграли американские, японские, английские дипломатические представители на Дальнем Востоке.

Японский генеральный консул в Харбине Сато в личных переговорах с управляющим КВЖД заявил, что он «уполномочен своим правительством вызвать японские войска в любой момент, когда это, по мнению консульства, представится необходимым для сохранения порядка и безопасности японцев, проживающих в полосе дороги»¹.

16 января американский и английский консулы во Владивостоке в совместном письме на имя земской управы писали, что «политическая ситуация в настоящий момент дает право правительствам союзных стран, включая Японию, принять предохранительные меры, которые они сочтут необходимыми для защиты своих интересов, если последним будет грозить явная опасность»². 6 марта 1918 г. консул США во Владивостоке Колдвелл доносил в государственный департамент о том, что американские коммерсанты в Сибири якобы подвергались притеснениям³. Многочисленные протесты консулов против мнимых нарушений прав и интересов иностранцев во Владивостоке, Харбине и других городах использовались прессой империалистических государств для обработки общественного мнения «своих стран в пользу необходимости интервенции.

¹ «Харбинский вестник», 19 ноября 1917 г.

² «Известия Владивостокского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», 4(17) января 1918 г.

³ «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 70—71.

С февраля 1918 г. в японской печати усиливается антисоветская кампания, обсуждается вопрос о вводе японских войск на русский Дальний Восток. Японский официоз в Маньчжурии — газета «Норт Чайна дейли мейл» в феврале 1918 г. писала, что Япония готова к действию и может взять «в свои руки распоряжение всем, что питает большевизм и германизм в Сибири, от Владивостока до Иркутска». В этой же газете указывалось на желательность того, чтобы русские, т. е. белогвардейцы, попросили японской помощи¹.

12 марта 1918 г. английское правительство предложило Японии начать вооруженное вторжение в Россию с целью установления контроля над Сибирью вплоть до Урала².

26 марта 1918 г. вопрос о посылке войск в Сибирь обсуждался на заседании японского парламента, где министр иностранных дел Мотоно заявил о готовности Японии принять «экстренные меры» и о том, что японское правительство ведет переговоры об интервенции с другими державами. «Относительно целей войны мы уже достигли единодушия с союзниками и готовы оказать им значительную услугу»³.

Большинство английских и французских газет высказывалось за посылку японских войск в Сибирь. Так, самая большая английская газета в Китае «Пекин Тяньцзин таймс», ссылаясь на мнение министра иностранных дел Англии Бальфура, писала о якобы существовавшей угрозе немецкого нашествия в Сибирь и о том, что ввод японских войск оживит деятельность контрреволюционных элементов в России. «Весть о том, что Япония идет на помощь, объявленная с достаточной тактичностью и полным разъяснением всех оснований, по которым союзники и Япония решаются на такое вмешательство, склонит по крайней мере хоть часть русского населения к борьбе до последнего против германского порабощения»⁴.

Однако правящие круги США, стоявшие за объединенную интервенцию империалистических держав, не под-

¹ См. «North China Daily Mail», 23 февраля 1918 г.

² См. «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 75—77.

³ «Вестник Маньчжурии», 3 апреля 1918 г.

⁴ «Peking and Tientsing Times», 19 марта 1918 г.

держали Японию в ее стремлении быстрее ввести свои крупные военные силы в Сибирь. Так, газета «Вашингтон таймс» в феврале 1918 г. поместила статью под заголовком «Японский вопрос», в которой советовала Японии послать войска «для быстрейшего сокрушения Германии» не в Сибирь, а на европейский театр военных действий, т. е. во Францию¹.

В ноте президента США Вильсона «Относительно японской экспедиции в Сибирь» от 5 марта 1918 г., направленной странам Антанты и Японии, правительство США прямо не возражало против интервенции, но требовало, чтобы были «даны наиболее определенные гарантии, что Япония предпримет интервенцию в качестве союзника России» (читай: русской контрреволюции. — С. Г.) и подчинится решениям мирной конференции о судьбах Сибири².

Правительство США, не имея свободных сил в связи с напряженным положением на германском фронте, стремилось несколько оттянуть посылку крупных отрядов японских войск на Дальний Восток. Оно хотело, чтобы интервенцию осуществили не только японские, но и американские и другие союзные войска. Вместе с тем своими заявлениями о существовавшей будто бы угрозе «германского вторжения» в Сибирь, о чем говорилось в ноте Вильсона, американская дипломатия стремилась подготовить общественное мнение США к посылке американских войск в Сибирь. Кроме того, разглагольствуя о «защите русских интересов» и о якобы дружественном отношении правительства США к России, она хотела нажить политический капитал в глазах русского и американского народов.

Союзная конференция в Лондоне, на которой присутствовали премьер-министры и министры иностранных дел Франции, Италии и Великобритании, 16 марта 1918 г. решила направить президенту США Вильсону сообщение участников конференции об ускорении японской интервенции в Сибири, написанное министром иностранных дел Англии Бальфуром.

Бальфур, доказывая необходимость японской интервенции, писал Вильсону: «И с точки зрения человеческого

¹ См. «Washington Times», 13 февраля 1918 г.

² См. «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 294.

материала, и с точки зрения транспорта Япония может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка, Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске. Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии... по мнению конференции, никакие шаги по выполнению этой программы не могут быть предприняты без активной поддержки Соединенных Штатов. Без этой поддержки было бы бесполезно обращаться к японскому правительству»¹.

В период подготовки интервенции в марте 1918 г. в Верховном военном совете Антанты было высказано предположение, что «если Япония просит компенсаций за употребленные ею усилия, то можно успокоить ее, дав ей возможность оккупировать небольшую часть Восточной Сибири.

Вполне вероятно, что Япония, во всяком случае, получит часть Сибири, и это обстоятельство может помешать ей стремиться к экспансии где-либо в другом месте»². Однако правящие круги США, сами давно и настойчиво боровшиеся за господство на Дальнем Востоке, не хотели согласиться на интервенцию на условиях, при которых признавались бы территориальные притязания Японии. Между Англией и Францией, с одной стороны, и США, с другой — обострились противоречия по вопросу об интервенции, которые задержали посылку крупных военных сил империалистов на Советский Дальний Восток на 3—4 месяца.

Однако правительство США не стало возражать против высадки небольшого отряда японских войск во Владивостоке, для того чтобы получить базу для развертывания интервенции в будущем. Япония, используя в качестве предлога организованное японской агентурой 4 апреля 1918 г. убийство двух японцев во Владивостоке, начала высадку своих войск.

5—6 апреля 1918 г. во Владивосток было введено несколько сот японских солдат и небольшой отряд английской морской пехоты. В опубликованном заявлении японского контр-адмирала Като говорилось, что войска введены для «защиты жизни и имущества подданных

¹ *Ллойд Джордж*, Военные мемуары, т. VI, стр. 88.

² *Грэвс*, Американская авантюра в Сибири (1918—1920), М. 1932, стр. 48.

японской империи» и не направлены против интересов России¹.

В коллективном заявлении, подписанном всеми иностранными консулами во Владивостоке, указывалось, что японские войска будут выведены из Владивостока лишь тогда, когда будет устранена угроза жизни и имуществу иностранных подданных². Это означало оккупацию Владивостока на неопределенный срок. Стремясь замаскировать захватническую и контрреволюционную сущность своей интервенции, империалисты стремились создать видимость невмешательства во внутренние дела России.

До конца июня 1918 г. во Владивостоке продолжала существовать Советская власть. Однако при поддержке интервентов оживилась деятельность сил внутренней контрреволюции, которая ждала момента для свержения Советской власти.

Интервенция на Дальнем Востоке создала серьезную опасность для Советской России. Советское правительство в своем сообщении о японском выступлении во Владивостоке заявило: «...давно подготавливавшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян. Буржуазная Япония выступает как смертельный враг Советской республики»³.

Правительство США продолжало выступать против ввода более крупных сил японских войск на русский Дальний Восток. 11 мая 1918 г. государственный секретарь США Лансинг в беседе с представителем Англии лордом Ридингом указал, что интервенция в Мурманске и Архангельске со стороны США встречает более благоприятное отношение, чем интервенция в Сибири⁴.

Вопрос об интервенции в Сибири в более крупных масштабах был поставлен империалистами после контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса на линии Сибирской железной дороги. При поддержке местных контрреволюционных организаций отряды чехословаков, начав мятеж 25 мая 1918 г., захватили Челябинск,

¹ См. «Вестник Маньчжурии», 3 апреля 1918 г.

² См. «Вестник Маньчжурии», 23 апреля 1918 г.

³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 68.

⁴ См. «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 160.

Новониколаевск (Новосибирск), Мариинск. Распространяясь на восток, контрреволюционный мятеж докатился до Владивостока. 29 июня отряд чехословаков занял Владивосток. Во всех городах, занятых контрреволюционными чехословацкими отрядами, Советская власть была свергнута и был установлен жестокий террористический режим.

Чехословацкий мятеж, по планам англо-французских и японо-американских империалистов, был лишь первым этапом разработанного империалистами плана захвата Москвы с востока и срыва Брестского мира.

Чехословаки при поддержке русских контрреволюционеров заняли Сибирскую железную дорогу, обеспечивая тем самым переброску войск интервентов с Дальнего Востока в Сибирь и за Урал. Вскоре после начала чехословацкого мятежа американский консул в Москве де Витт Пуль (как сообщал специальный корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Владивостока) по телеграфу уведомил командование чехословацких войск, что «впредь до новых распоряжений союзники рекомендуют им из политических соображений сохранять ныне занимаемые позиции... Желательно, чтобы они в первую очередь добились контроля над Сибирской железной дорогой, а кроме того, если эти задачи совместимы, сохранили контроль над территорией, ныне им подчиненной»¹.

После того как контрреволюционные войска заняли линию Сибирской железной дороги, империалисты стали торопиться с посылкой в Сибирь более крупных интервенционистских войск. Ллойд Джордж писал: «На заседании Верховного военного Совета в Версале 2 июля мы приняли длинный меморандум к президенту Вильсону, в котором было обрисовано положение вещей в Сибири и приводились мотивы, которые заставили нас начать интервенцию.

Меморандум заканчивался обращением к президенту с просьбой одобрить предлагаемые нами мероприятия и дать нам возможность осуществить их, пока не будет слишком поздно»².

В такой обстановке правительство США решилось на совместную с Японией интервенцию в Сибири, тем более что создавалась опасность самостоятельного выступления

¹ «New York Times», 1 января 1919 г.

² Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, стр. 96—97.

Японию. Консул США в Харбине Мозер в конце мая 1918 г. сообщил в государственный департамент о своей беседе с Колчаком. Последний заявил, что контрреволюционные силы в России не в состоянии свергнуть Советскую власть без помощи иностранных держав и если другие союзники откажут в поддержке, то они (лидеры контрреволюции. — С. Г.) вынуждены будут принять условия Японии¹.

6 июля 1918 г. на совещании у президента Вильсона, на котором присутствовали государственный секретарь, военный министр и другие представители американского правительства, было принято решение о том, чтобы США и Япония послали в Сибирь по 7 тыс. солдат. Основной целью военной экспедиции провозглашалась «охрана линии коммуникации чехословаков» от Владивостока до Иркутска². В этот же день представители союзного командования во Владивостоке опубликовали объявление, подписанное адмиралом американского флота Найтом, вице-адмиралом японского флота Като, а также представителем Франции. Сообщалось, что город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав и что военные силы и полиция будут усилены за счет союзных вооруженных сил. Это было прямое заявление о предстоящем вводе военных сил империалистов.

Решив послать свои войска на Советский Дальний Восток, правительство США обратилось к Японии с предложением координировать свои действия. Предложение США обсуждалось на заседании японского дипломатического совета 16 и 17 июля 1918 г. В ноте, направленной американскому правительству по поводу совместного вооруженного выступления в Сибири, японское министерство иностранных дел отметило:

«1. ...Количество войск, посылаемых Японией, отнюдь не должно быть одинаково с количеством войск, посылаемых США.

2. Для обеспечения свободного продвижения войск должны быть заняты японскими войсками некоторые важные пункты Сибири.

3. Япония не может согласиться на эвакуацию войск.

¹ См. «Foreign Relations, Russia, K. II, 1918, стр. 168.

² См. там же, стр. 262—263.

если после оказания помощи чехословакам в Сибири не восстановится порядок.

4. Мобилизация войск и выступление будет решено тотчас же, как только будут закончены все формальности, связанные с ответом Америки»¹.

Правительство США, добиваясь быстрее начала совместной интервенции, не стало открыто возражать против этих притязаний Японии, хотя государственный департамент соглашался на увеличение численности японских войск, направляемых на Советский Дальний Восток, лишь до 10—12 тыс. человек².

В официальной декларации правительства США, опубликованной во Владивостоке 7 августа 1918 г., о целях интервенции было заявлено: «Соединенные Штаты и Япония являются единственными державами, которые сейчас в состоянии действовать в Сибири с достаточными силами... Правительство Соединенных Штатов поэтому предложило правительству Японии, чтобы каждое из этих двух правительств послало бы отряд в несколько тысяч человек во Владивосток...»³.

В этой декларации далее говорилось, что американские войска вступили на Дальний Восток якобы для охраны чехословаков, что американское правительство «не намеревается вмешиваться в политические или державные права России или вмешиваться в ее внутренние дела и даже в местные дела на той ограниченной площади, которую ее военные силы могут быть вынуждены занять, равно как грозить неприкосновенности русской территории впоследствии...»⁴.

В заявлении японского правительства, опубликованном в начале августа во Владивостоке, было написано: «Японское правительство, желая пойти навстречу предложениям американского правительства, а также действовать в согласии с союзниками по этой экспедиции, решило немедленно приступить к посылке необходимых войск для этой цели»⁵.

¹ «Голос Приморья», 13(26) июля и 14(27) июля 1918 г. (Сообщение корреспондента «Голоса Приморья» из Токио.)

² «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», Госполитиздат, 1951, стр. 282.

³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 396.

⁴ Там же.

⁵ ЦГАДВ, ф. Р-200, оп. 1, д. 13, л. 169.

В официальных декларациях американского, японского и английского правительств к русскому народу контрреволюционные и захватнические цели интервенции прикрывались лживыми фразами о защите чехословаков и охране военного имущества союзников.

Первоначально было установлено, что американское и японское правительства пошлют в Сибирь и на Дальний Восток ограниченные контингенты своих войск. Но впоследствии они отправили гораздо большие контингенты. 3 и 4 августа 1918 г. во Владивостоке началась высадка крупных войсковых частей интервентов. В короткий срок Япония ввела на Дальний Восток семидесятитысячную армию.

16 августа 1918 г. во Владивосток прибыл 27-й американский пехотный полк, а через несколько дней — 31-й пехотный полк, направленные с Филиппин; кроме того, из США было послано 5 тыс. солдат 8-й дивизии. Уже в августе 1918 г. американские экспедиционные войска принимали участие в боях против красных войск на Уссурийском фронте¹. В общей сложности США послали около 10 тыс. человек, меньшие контингенты войск были посланы Англией, Францией и другими державами.

2. Развертывание японской и американской интервенции на Дальнем Востоке

В лагере интервентов сразу же после высадки их войск начались разногласия. Об этом свидетельствовала, например, неудачная попытка создать единое командование интервенционистскими войсками на Дальнем Востоке. Англия и Франция выдвигали в качестве главнокомандующего союзными войсками японского генерала Отани. 18 августа 1918 г. Отани издал приказ о подчинении ему экспедиционных войск всех других держав². Однако против этого приказа выступили представители США, поддержанные Италией, и единое командование установить не удалось.

¹ См. *Вильям Грэвз*, *Колчак, Америка и Япония (интервенция Америки в Сибири)*, М. 1932, стр. 13.

² См. там же.

В январе 1919 г. представители Англии, Франции, Чехословакии и США заключили соглашение, по которому французский генерал Жанен назначался главным командующим союзными войсками, действовавшими в Сибири к западу от Байкала. В связи с этим Япония поставила вопрос о том, чтобы союзные и белогвардейские отряды, действующие к востоку от Байкала, были подчинены японскому генералу Отани¹. Но и в этот раз японские интервенты не имели успеха, прежде всего из-за противодействия США.

В борьбе против Советской России империалисты на Дальнем Востоке, как и всюду, использовали все враждебные Советской власти элементы, стремившиеся к восстановлению власти помещиков и капиталистов в России. Монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры, кулачество и казачья верхушка сотрудничали с интервентами и при их активной поддержке развязали гражданскую войну против революционных рабочих и крестьян.

На Дальнем Востоке, особенно в полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии, в короткий срок собралось значительное число контрреволюционеров, бежавших из России в Сибирь (помещиков и капиталистов, реакционно настроенных офицеров, лидеров буржуазно-помещичьих и эсеро-меньшевистских партий и т. п.).

Враг советского народа, есаул Забайкальского казачьего войска Семенов, став японским агентом, при большой материальной помощи Японии² и некоторой помощи Франции сформировал к январю 1918 г. четырехтысячный контрреволюционный отряд, базировавшийся на станции Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги. Перед отрядом Семенова, начавшим кровавые набеги на Забайкалье, империалисты поставили задачу занять Читу и тем самым отрезать Дальний Восток от Советской России.

На другом конце Китайско-Восточной железной дороги, около станции Пограничная (т. е. недалеко от Владивостока), при поддержке Японии формировался из

¹ См. «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах», Центрархив, М. 1934, стр. 39.

² О связях Семенова с японскими империалистами см.: «Правда», 28 августа 1946 г.; М. Губельман, Лазо, М. 1947, стр. 50, 58.

офицерства и уссурийского казачества бандитский отряд есаула Калмыкова.

В Харбине был создан при поддержке англичан отряд полковника Орлова¹, в котором к весне 1918 г. было до 2 тыс. человек².

В Харбине же находилось связанное с американцами «правительство Автономной Сибири», созданное в конце января 1918 г. в городе Томске сибирскими областниками в основном из эсеров во главе с П. Дербером³. Лидеры областников, добивавшиеся отделения Сибири от Советской России, установили связь с послом США в Петрограде Френсисом и заручились поддержкой американского правительства.

8 февраля 1918 г. Френсис в телеграмме на имя государственного секретаря писал: «Сибирь с населением в 18 млн. человек и площадью в 2 раза больше нашей, с плодородными почвами, богатая минералами и лесами, собирается создать отдельное управление...» Затем Френсис сообщал, что «представители» Сибири выразили желание установить тесные торговые связи с Соединенными Штатами и «приветствуют американский капитал». Посол США обещал сибирскому правительству устроить американский заем, «если правительство будет создано на соответствующей основе», и послать своего представителя на совещание, созываемое сибирскими областниками⁴.

Эсеровское временное «правительство Автономной Сибири»⁵ поддерживало регулярную связь с государственным

¹ См. «Допрос Колчака», Центрархив, Л. 1925, стр. 113.

² В феврале 1918 г. в Харбине под руководством управляющего КВЖД генерала Хорвата был создан белогвардейский «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания», тесно связанный с представителями Антанты. В марте 1918 г. по распоряжению английского правительства в Харбин был направлен адмирал Колчак, побывавший в конце 1917 г. в США. От имени английского правительства Колчаку рекомендовалось «ехать на Дальний Восток и начать там свою деятельность». Прибыв в Харбин, Колчак начал формировать на линии КВЖД вооруженные силы для борьбы против Советской России (см. «Допрос Колчака», Центрархив, Л. 1925, стр. 106).

³ См. «Как возникли временная областная Сибирская дума и временное правительство Автономной Сибири», изд. информационного отдела Временного правительства Автономной Сибири, б/д.

⁴ См. «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 43—44.

⁵ «Правительство Автономной Сибири», или «сибирское временное правительство», в марте 1918 г. переехало в Харбин и Влади-

департаментом США через командующего азиатской эскадрой США адмирала Найта.

24 марта 1918 г. Л. А. Устругов — «министр» путей сообщения «правительства Автономной Сибири» и «главноуполномоченный» для переговоров с представителями иностранных держав — писал адмиралу Найту: правительство Автономной Сибири делегировало из Харбина трех своих членов и поручило им «сообщить вам, адмирал, все просимые вами сведения относительно условий в Сибири, а равно относительно сформированного Сибирского правительства»¹.

Эсеры связывали все свои расчеты на захват власти с интервенцией США. Об этом красноречиво свидетельствовала телеграмма лидеров «правительства Автономной Сибири» Дербера и Морарского Устругову от 28 марта 1918 г. В случае «разоружения большевиков (во) Владивостоке полагаем немедленно занять Никольск, предложить союзникам поставить заслон против Хабаровска»². Далее в телеграмме говорилось: «Американский консул настаивает (на) обращении (за) помощью (к) Штатам»³.

Это обращение нужно было правительству США для того, чтобы скрыть от общественного мнения империалистический характер интервенции и оправдать в глазах американского народа посылку американских войск в Сибирь.

«Правительство Автономной Сибири» не замедлило направить телеграмму президенту США Вильсону, в которой заявлялось: «Принимая всецело на себя борьбу с большевизмом... Сибирское правительство, уверенное в благоприятном отношении к нему американского народа, ждет, что Штаты тотчас примут меры к тому, чтобы международный отряд во Владивостоке согласовывал свою деятельность с Сибирским правительством. Сибирское правительство, учитывая полезную работу американской железнодорожной миссии, предполагает

восток, где существовало полулегально. А 29 июня 1918 г. в связи с захватом Владивостока контрреволюционными чехословацкими войсками стало открыто претендовать на власть. Представители США во Владивостоке поддержали это «правительство».

¹ «Красный архив» № 4(29), 1928 г., стр. 97.

² Там же, стр. 119.

³ Там же.

просить Штаты оказать ему в налаживании транспорта реальную техническую поддержку на началах, которые будут выработаны Сибирским правительством совместно с правительством Штатов»¹.

Стремясь объединить силы русской контрреволюции, представители США одобрили попытку эсера Дербера² включить в состав своего «правительства» монархистов Хорвата и Колчака. Адмирал Колчак прямо заявил, что «правительство Автономной Сибири» имеет «право рассчитывать на поддержку Америки, так как по ее инициативе и создано это правительство»³.

До осени 1918 г. на территории Дальнего Востока и Сибири, кроме «правительства Автономной Сибири», существовало несколько белогвардейско-эсеровских правительств, которые враждовали друг с другом. Каждое из этих правительств поддерживала обычно какая-либо одна империалистическая держава. Противоречия между контрреволюционными правительствами Дальнего Востока и Сибири отражали противоречия между их империалистическими хозяевами.

В октябре 1918 г. представитель Англии довел до сведения государственного секретаря США Лансинга, что английское правительство признает любое соглашение, которое будет достигнуто между США и Японией, как наиболее заинтересованными сторонами, об установлении фактического контроля в Сибири⁴.

Весной и летом 1918 г., для того чтобы дезорганизовать народные массы, отколоть от большевиков крестьян-середняков, интервенты и белогвардейцы вели борьбу против Советской власти под фальшивым лозунгом восстановления «демократии», защиты Учредительного собрания. Но, после того как Советская власть на территории Дальнего Востока и Сибири была свергнута, интервенты перестали маскироваться и в союзе с самыми реакционными кругами белогвардейщины активно готовили

¹ «Красный архив» № 4(29), 1928 г., стр. 120.

² Население Советского Дальнего Востока узнало о предательской деятельности «правительства Автономной Сибири» в апреле 1918 г., когда органами Советской власти были арестованы некоторые его члены, а документы, разоблачившие связи этого «правительства» с американскими империалистами, опубликованы в большевистской газете «Красное знамя».

³ См. «Наше слово», 25 мая 1918 г.

⁴ См. «Foreign Relations», Russia, т. III, 1918, стр. 272.

установление военной диктатуры и подбирали соответствующую кандидатуру¹.

Когда в результате военного переворота в Омске в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г. правительство директории было свергнуто, а адмирал Колчак при поддержке представителей империалистических держав, прежде всего Англии и США, был провозглашен «верховным правителем России», генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Сибири Гаррис приветствовал установление колчаковской диктатуры².

Власть колчаковской администрации формально распространялась и на Дальний Восток³, хотя здесь фактически хозяйничали ставленники Японии Семенов и Калмыков. На Дальнем Востоке, как и во всей Сибири, был установлен террористический режим буржуазно-помещичьей диктатуры.

Несмотря на наличие соглашения о совместной интервенции, в лагере империалистов имелись серьезные противоречия. Они ослабляли натиск империалистических государств на Советскую Россию в годы интервенции.

Японские империалисты, начав интервенцию в больших масштабах, строили далеко идущие планы территориальных захватов и установления своего господства на Советском Дальнем Востоке. Это, по их мнению, также должно было облегчить для Японии захват Маньчжурии и Монголии.

В 1919 г. особый дипломатический уполномоченный Японии при армии Колчака — Като поставил в известность ставленника японского империализма Семенова о том, «что Япония добивается отторжения северной части Сахалина, а затем и захвата советской территории вплоть

¹ В августе 1917 г., во время пребывания Колчака в Лондоне, начальник морского генерального штаба Англии генерал Холль заявил Колчаку: «Вас может спасти только военная диктатура» (см. «Допрос Колчака», стр. 94).

² См. «Допрос Колчака», стр. 186—187.

³ 3 ноября 1918 г. временное «правительство Автономной Сибири» опубликовало декларацию о передаче всей власти на территории Сибири «Уфимской директории». Власть последней была ликвидирована в результате колчаковского переворота. Генерал Хорват, объявивший себя 9 июня 1918 г. «всероссийским временным правителем», к этому времени распустил свой «деловой кабинет» и признал власть Колчака.

до Урала». Япония, по заявлению Като, намечала расширение своей территории за счет создания так называемого «буферного государства»¹. При этом пост главы правительства «буферного государства» был обещан Семенову.

В августе 1918 г. японские войска заняли Николаевск-на-Амуре и Де-Кастри. На наиболее крупные станции Уссурийской и Амурской железных дорог были введены японские гарнизоны. Японское командование стремилось сохранить в своих руках контроль над железными дорогами Дальнего Востока. Японские представители вели переговоры с правительством Директории² относительно занятия железнодорожной магистрали до Урала. «...Соглашение между Японией и Директорией, отдававшее первой всю железную дорогу до Урала, было только что подписано или было накануне подписания, когда Директория пала»³.

В сентябре 1918 г. начался ввод японских войск в Забайкалье, численность которых вскоре достигла 40 тыс. Вводом войск в Забайкалье Япония поставила под свой контроль Сибирскую железнодорожную магистраль, заняв ее центральный участок. Белогвардейские части атамана Семенова при содействии Японии заняли Читу. Это в значительной мере укрепило позиции Японии на Дальнем Востоке.

После колчаковского переворота атаман Семенов по указке Японии отказался признать власть «верховного правителя» России. Впоследствии Семенов внешне подчинился Колчаку, но выполнял лишь те распоряжения колчаковского правительства, против которых не возражали представители Японии. Опираясь на своих агентов — Семенова, Калмыкова, Гамова и др., Япония упорно проводила политику обособления Дальнего Востока от России. Япония стремилась не допустить создания любого, даже белогвардейского, правительства, власть которого распространялась бы на всю Сибирь. Она поощряла

¹ «Борьба за Советы в Забайкалье». Сборник статей, материалов и документов, Чита 1947, стр. 335.

² Так называлось контрреволюционное правительство, созданное при поддержке интервентов в сентябре 1918 г. в Уфе. Директория была разогнана 18 ноября 1918 г. Колчаком в городе Омске, куда она переехала в связи с наступлением Красной Армии.

³ Д. Уорд, Союзная интервенция в Сибири, М. 1923, стр. 163.

борьбу между белогвардейскими атаманами, считая, что при таких условиях они будут более покорными.

Империалисты Японии не жалели сил и средств для организации интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Японское осведомительное бюро сообщило следующие данные о «помощи», оказанной Японией России. «За время августа 1918 г. по октябрь 1919 г. в Сибирь прибыло всего 120 тыс. японских офицеров и нижних чинов...»¹ За это же время 1919 г. Япония затратила на вооружение белогвардейских армий Семенова и др. 160 млн. иен. Японское военное министерство передало русским белогвардейским армиям 30 орудий, 50 тыс. снарядов, 20 тыс. винтовок, 40 млн. патронов, 100 пулеметов и 1 млн. патронов к ним; было передано обмундирование для 30 тыс. солдат. Одновременно с этим японское осведомительное бюро сообщало о том, что на дело «благотворительной помощи было израсходовано около 1 млн. иен и затрачены значительные суммы на оказание помощи чехословацкой армии»².

В отличие от государств Антанты империалистическая Япония в своей борьбе против Советской власти ограничивала свои действия лишь территорией Сибири и Дальнего Востока. В октябре 1918 г. британское правительство предложило Японии послать дополнительные войска для отправки их на волжский фронт. Однако японское правительство отклонило это предложение; оно стремилось обеспечить в первую очередь свои империалистические интересы на Дальнем Востоке и считало, что отправка японских войск на Запад ослабит позиции Японии в Приморье и Забайкалье и приведет к усилению позиций Америки³. По этой же причине Япония неизменно оказывала поддержку Семенову в противовес Колчаку.

В ноте от 21 декабря 1918 г. представителям держав Антанты в Сибири управляющий колчаковским министерством иностранных дел Сукин писал, что вследствие рез-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 4, л. 61.

² Там же, л. 61—62.

³ В августе 1919 г. союзники и колчаковское правительство обратились к Японии с просьбой послать две дивизии своих войск к западу от Байкала и для «охраны» железной дороги. Не желая расплывать свои силы и ослаблять свои позиции на Дальнем Востоке, японское правительство отказалось от этого под тем предлогом, что посылка войск к западу от Байкала «будет непонятна для общественного мнения» Японии («Красный архив», т. 6(31), 1928 г., стр. 65).

ких выступлений командира 5-го корпуса атамана Семенова против Колчака было отдано распоряжение о его смещении с занимаемой должности, но японцы не дали возможности осуществить это распоряжение¹.

Империалисты Антанты, обещавшие Японии компенсацию за участие в интервенции, не могли этого сделать, да и не имели здесь достаточно сил, чтобы оказать соответствующее давление на Японию. Атаман Семенов продолжал хозяйничать в Забайкалье, действуя всецело в интересах Японии.

2 апреля 1919 г. Сукин писал в Париж Сазонову, что Семенов по-прежнему действует в интересах Японии. «Имеются свидетельские показания о соглашении, заключенном Семеновым с Японией, представляющем в распоряжение последней все золотые прииски Забайкалья... факт его (Семенова. — С. Г.) связанности с Японией не подлежит сомнению и открыто признан ею самой. Какая бы то ни было уступка с нашей стороны в этом вопросе достигла бы целей только при полном уходе Семенова из Забайкалья. Однако Япония, по-видимому, настаивает на сохранении его на Востоке, в новой, легализованной форме. С другой стороны, зависимость, в которой мы находимся от помощи Японии на Дальнем Востоке при выступлении там большевиков не позволяет нам обострять на почве семеновского вопроса отношения с Японией. Сделанная нами еще в декабре прошлого года попытка перенести этот вопрос в область международных отношений и заручиться содействием союзников показала нежелание последних делать какие бы то ни было категорические представления Японии по этому вопросу»².

¹ «Вестник народного комиссариата по иностранным делам» № 1—3, 1922 г., стр. 122. Мотивом для издания приказа о снятии Семенова с должности явилось то, что Семенов задержал эшелоны с боеприпасами, которые направляли союзники Колчаку, и прервал телеграфную связь с Владивостоком. Это было сделано, несомненно, по указанию Японии, которая стремилась использовать Семенова для того, чтобы оказать давление на представителей США и Англии, так как в это время велись переговоры об установлении контроля интервентов над железными дорогами Сибири. Японский генерал, командовавший японскими войсками в Забайкалье, заявил, что он силой оружия воспрепятствует вводу колчаковских войск в район Читы (см. «Допрос Колчака», стр. 195).

² «Вестник народного комиссариата по иностранным делам» № 1—3, 1922 г., стр. 124—125.

Противоречия, имевшие место между японскими и американскими интервентами в 1918 г., временами в отдельных пунктах достигали такой остроты, что происходили вооруженные стычки между японскими и американскими солдатами, а также между семеновцами и американцами. Полковник Морроу, один из командиров американской экспедиционной армии на Дальнем Востоке, позднее указывал на такие факты в печати¹.

В ноябре 1918 г. государственный секретарь США Лансинг направил японскому правительству протест против попыток Японии захватить в свои руки экономические ресурсы Восточной Сибири и Северной Маньчжурии и большой концентрации японских войск на данных территориях².

С этого времени Япония вынуждена была больше считаться с требованиями США и Англии, военные силы которых высвободились после победы над Германией. Под нажимом США японское правительство вынуждено было пойти на временные уступки. 3 января 1919 г. начальник штаба японской армии во Владивостоке опубликовал «Объявление» о том, что «Япония в скором времени предполагает отозвать из края почти половину войск»³. Правда, здесь же говорилось, что «в случае пожелания и просьбы русских властей японское командование готово оказать содействие в подавлении беспорядков, производимых большевиками и другими элементами и вне района, занимаемого ныне японскими войсками»⁴.

Японское правительство не пошло на значительное уменьшение количества своих оккупационных войск на Советском Дальнем Востоке, однако вынуждено было согласовать свои важнейшие действия с правительством США.

В начале мая 1919 г. военный министр Японии генерал Танака дал завтрак в знак благодарности послу США в Японии Моррису за работу, проделанную последним по установлению «дружественных и сердечных взаимоотношений между японскими и американскими армиями в Сибири». При обмене речами Танака отметил, что «Америка и Япония — две наиболее глубоко заинте-

¹ См. «New York Times», 9 апреля 1922 г.

² См. «Foreign Relations», Russia, т. II, 1918, стр. 434.

³ «Далекая окраина», 4 января 1919 г.

⁴ Там же.

ресованные в Сибири нации, пославшие в эту страну самые большие экспедиционные силы». Выступая с ответным словом, Моррис говорил о необходимости сотрудничества между США и Японией в вопросах осуществления интервенции¹.

В середине 1919 г., выступая с сообщением о взаимоотношениях между японскими и американскими войсками, военный министр Японии генерал Танака заявил: «Циркулируют слухи, что между японскими и американскими войсками в Сибири происходят некоторые недоразумения, на самом же деле нет ничего такого, что нарушило бы дружеские отношения, существующие между войсками обеих стран. Правда, было несколько простых недоразумений, происшедших главным образом от трудностей в языке и разницы в обычаях, но в настоящее время между названными войсками царит совершенное понимание и они работают в полном контакте»².

Это свидетельствовало о стремлении японского правительства как-то сгладить противоречия между ним и его американским соперником.

Что же касается империалистов США, то их роль в борьбе против Советской власти и в организации интервенции в Сибири продолжала возрастать. Это объяснялось все усиливавшейся экономической зависимостью стран Антанты от Соединенных Штатов, которые взяли на себя финансирование антисоветской интервенции. В феврале 1919 г. Ллойд Джордж, излагая планы продолжения борьбы против Советской России с использованием белогвардейцев, поставил вопрос о том, чтобы расходы на помощь белогвардейцам и интервенцию покрывали США. Он говорил: «Франция, безусловно, не может платить, мы (англичане), я уверен, тоже не можем. Возьмет ли Америка эти расходы на себя?»³. По соглашению с Англией и Францией США обязались снабжать вооружением колчаковскую армию⁴.

США все более и более усиливали свое влияние на колчаковское правительство. Рост этого влияния был пропорционален увеличению их военной и иной помощи Колчаку.

¹ См. «Эхо», 24 мая 1919 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-347, оп. 1, д. 18, л. 4.

³ «Архив полковника Хауза», т. IV, М. 1944, стр. 269.

⁴ См. «Foreign Relations», Russia, 1919, стр. 425.

Поставляя оружие, снаряжение и другие материалы Колчаку, правительство США использовало для этого целый ряд организаций, и прежде всего Военно-торговый совет, созданный во время войны. В начале августа 1918 г. президент Вильсон одобрил план оказания экономической помощи контрреволюции в России, выполнение которого было поручено Военно-торговому совету. По этому плану разрешались поставки американских товаров во Владивосток для распределения и продажи в России под контролем Военно-торгового совета. Товары для продажи должны были поступать из двух источников: 1) частный капитал, 2) фонд в 5 млн. долл., который ассигновал президент в качестве оборотного капитала. Для стимулирования торговли с Соединенными Штатами был разрешен экспорт товаров с территории, занятой интервентами и белогвардейцами¹.

В качестве одного из каналов снабжения колчаковцев использовался американский Красный крест. Генерал Грэвс писал: «Я не имею возможности установить, какого размера достигла помощь Красного креста военным силам Колчака, но я слышал во время моего пребывания в Сибири, что общая сумма выразилась в нескольких миллионах долларов»...². «Американский Красный крест в Сибири действовал как агент по снабжению Колчака»³.

Поставками различного характера в больших масштабах занималось «Экспортно-импортное общество американской комиссии Всероссийского земского союза», главное правление которого находилось в Нью-Йорке, а отделения — в Иокогаме и Владивостоке.

Например, 6 июля 1919 г. «Экспортно-импортным обществом» был принят заказ на поставку из США для колчаковской армии 50 аэропланов-истребителей, 100 аэропланов-разведчиков, 100 авиамоторов, 100 броневых автомобилей, 588 легковых автомобилей, 1400 грузовых автомобилей, 320 тыс. пудов бензина и т. д.⁴ Владивостокское отделение американского «Нэйшнл сити бэнк»⁵

¹ См. «Foreign Relations», Russia, т. III, 1918, стр. 150—151.

² Грэвс, Американская авантюра в Сибири, стр. 231.

³ Там же, стр. 150.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-228, оп. 1, д. 1, л. 15—20.

⁵ Кроме отделения «Нэйшнл сити бэнк» во Владивостоке, американские капиталисты готовились открыть в Сибири отделения еще

открыло кредиты для закупки нужного колчаковцам вооружения и снабжения из расчета « $1/2\%$ комиссии и 8% интересов за все время со дня выдачи денег банком до обратного их получения»¹.

Со своей стороны колчаковское правительство также проявляло активность в деле закупки различного рода продукции в США. Так, представитель русского «добровольного флота» в Сан-Франциско писал в октябре 1919 г. о том, что специальная комиссия из Омска прибыла в Сан-Франциско и Нью-Йорк и закупила массу товаров для России².

В июле 1919 г. в Омск был направлен посол США в Японии Моррис.

Моррис прибыл в Омск с генералом Грэвсом и провел ряд совещаний с руководителями колчаковского правительства и представителями иностранных держав³. 18 августа 1919 г. в беседе с министрами правительства Колчака Моррис заявил, что «главные затруднения правительства (колчаковского. — С. Г.) в экономике, а не в военных неудачах. Никакое другое правительство не справится с задачами, пока не будет разрешен экономический вопрос, а он не может быть разрешен без помощи извне. План помощи разработан здесь представителями всех держав и сообщен их правительствам. Всего Сибири нужен кредит в 200 млн. долл., из коих 90 млн. — на армию»⁴.

Министр внутренних дел колчаковского правительства В. Н. Пепеляев записал в своем дневнике: «...пребывание здесь Морриса — это, может быть, завершение периода в наших отношениях с союзниками и начало нового»⁵. Один из деятелей колчаковской администрации на Дальнем Востоке в августе 1919 г. писал: «Америке

двух американских банков: «Меркантиль Оверсиз К⁰» и «Чайна — Джапан — Трэдинг К⁰». Оба эти банка были тесно связаны с одной из крупнейших американских монополий — «Гаранти траст К⁰». (См. «Записку», составленную 10 февраля 1919 г. агентом Министерства торговли и промышленности Российского посольства в Вашингтоне Медзыховским. Рукопись хранится в библиотеке ЦГАДВ.)

¹ ЦГАДВ, ф. Р-228, оп. 1, д. 1, л. 20.

² ЦГАДВ, ф. Р-30, оп. 1, д. 879, л. 28.

³ См. «Foreign Relations», Russia, 1919, стр. 409.

⁴ «Красный архив», т. 6(31), 1928 г., стр. 67.

⁵ Там же.

придется нас обувать и одевать. Это заставляет нас задуматься и надо обратить взоры именно туда»¹.

Таким оборотом дел не были довольны английские империалисты.

22 сентября 1919 г. английский уполномоченный в Сибири генерал Нокс заявил Пепеляеву, что он получил от У. Черчилля инструкцию «поддерживать исключительно» верховного правителя (т. е. Колчака. — С. Г.) и выразил крайнее недовольство американской политикой в Сибири².

Добившись усиления своего влияния на колчаковское правительство, правящие круги США активизируют свою контрреволюционную деятельность в Сибири.

6 августа 1919 г. Моррис сообщил в Вашингтон, что «если не произойдет какого-нибудь серьезного ослабления, еще не обнаруженного в большевистских рядах, которое бы приостановило их продвижение, Колчак и его коллеги будут вынуждены покинуть Омск в ближайшем будущем...»³ В связи с отступлением белогвардейцев союзные представители в Омске посоветовали Колчаку отправить золотой запас России, захваченный колчаковцами, во Владивосток, но Колчак отказался⁴.

Получив сообщение об этом, государственный секретарь США Лансинг потребовал, чтобы американский представитель при Колчаке Гаррис срочно поговорил с Колчаком, не согласится ли последний вывезти золотой запас под защитой дипломатической миссии США в Китай, под гарантию американского правительства вернуть золото «политически устойчивому правительству России». Лансинг указывал, что если колчаковцы потеряют золото, то державы не будут заинтересованы в оказании помощи Колчаку, и его власть над Россией падет⁵. Однако захватить золото и использовать его для борьбы против Советской России американским империалистам не удалось.

Осенью 1919 г., выступая с речами в пользу ратификации Версальского мирного договора, президент США Вильсон неизменно подчеркивал свое враждебное отношение к Советской России, о чем специально были

¹ ЦГАДВ, ф. Р-54, оп. 1, д. 32, л. 267.

² «Красный архив», т. 6(31), 1928 г., стр. 74—75.

³ «Foreign Relations», Russia, 1919, стр. 212.

⁴ См. там же, стр. 214.

⁵ См. там же, стр. 214—215.

информированы государственным департаментом американские представители в Сибири¹.

Надеясь приостановить наступление Красной Армии, правительство США осенью 1919 г. усилило поставки оружия, обмундирования и боеприпасов колчаковцам². Колчак выразил благодарность правительству США за энергичную и решительную поддержку³.

О большой помощи колчаковским армиям со стороны США свидетельствует телеграмма государственного секретаря США Лансинга от 21 октября 1919 г. американскому представителю в межсоюзном железнодорожном комитете Стивенсу, в которой Лансинг выражает надежду на падение Советской власти в связи с наступлением Деникина в Европейской России и пишет, что в связи с этим «чрезвычайно важно поддержать Колчака. С этой целью в Вашингтоне сделано все возможное»⁴.

Правительство США до самого последнего момента оказывало помощь Колчаку. 12 декабря 1919 г. во Владивосток прибыл американский офицер, прикомандированный к генеральному консулу Гаррису. Этот офицер имел в своем распоряжении документ, в котором говорилось: «Американские войска находятся в Сибири, прежде всего, для оказания поддержки Колчаку путем обеспечения для него свободного движения по всей Сибирской железной дороге»⁵. «Государственный секретарь Соединенных Штатов 17 декабря 1919 г. выразил пожелание, чтобы адмирал Колчак продолжал оставаться во главе правительства в Сибири»⁶.

Но этому пожеланию не суждено было осуществиться.

Героическая Красная Армия и сибирские партизаны разгромили войска Колчака.

* *
*

Вооруженная интервенция против Советского Дальнего Востока сопровождалась захватом империалистами ключевых позиций народного хозяйства края. Так, по инициативе американцев, после длительных споров, пред-

¹ См. «Foreign Relations», Russia, 1919, стр. 119—120.

² См. там же, стр. 435.

³ См. там же, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 536.

⁵ *Грэвс*, Американская авантюра в Сибири, стр. 209.

⁶ Там же, стр. 207.

ставители США и Японии выработали соглашение об установлении межсоюзного контроля над железными дорогами Сибири и КВЖД¹. По этому соглашению, подписанному в марте 1919 г., управление дорогами осуществлял межсоюзный железнодорожный комитет, в который были назначены представители государств, принимавших участие в интервенции на Дальнем Востоке.

Председателем комитета был назначен министр путей сообщения колчаковского правительства Л. А. Устругов, бывший ранее министром тесно связанного с американцами «правительства Автономной Сибири».

Вопросы организации эксплуатации железных дорог решал технический совет, подчиненный межсоюзному железнодорожному комитету. Во главе технического совета был поставлен американский инженер Д. Стивенс. Используя аппарат межсоюзного железнодорожного комитета и многочисленных американских железнодорожных специалистов, засылка которых в Россию началась еще в период Временного правительства, правящие круги США фактически подчинили себе в 1919 г. железные дороги Дальнего Востока и КВЖД.

Американские гарнизоны были использованы для «охраны» Уссурийской железной дороги — от Владивостока до Никольска-Уссурийского и от станции Спасск до станции Усури. На Забайкальской железной дороге под американскую «охрану» был отдан участок от Верхнеудинска до Байкала. Кроме того, американские войска заняли железнодорожную ветку от Владивостока до Сучанских угольных копей². Названные участки железной дороги находились под непосредственным контролем американских войск.

В июне 1918 г. по предложению полковника Хауза было принято решение создать «комиссию помощи русским», задуманную как часть плана интервенции³. Г. Гувер, которому было предложено возглавить комиссию, пришел в восторг от этого предложения⁴. Комиссия Гувера мыслилась как центр, координирующий деятель-

¹ См. «Красный архив», т. 6(37), 1929 г., стр. 92.

² Американцы придавали особое значение установлению своего господства над Сучанскими копиями, рассматривая их как источник снабжения углем железных дорог и флота.

³ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 286.

⁴ См. там же, стр. 287.

ность всей американской агентуры в России, и как орудие экономического проникновения. По инструкциям «комиссия помощи русским» должна была согласовывать деятельность американских организаций в России, «вроде Красного креста, ассоциации христианской молодежи» и т. п.

О захватнических планах США в отношении Дальнего Востока писал в своем докладе, направленном на юг России генералу Алексееву, белогвардейский генерал Степанов: «В общем все более и более выясняется, что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а вернее ради своих собственных выгод. России никому не нужно. Установление у нас определенной твердой правительственной власти противоречит интересам господ союзников, желающих хозяйничать самостоятельно... Американцы часто много говорят о необходимости обеспечить за собой право на постройку железной дороги через Камчатку на Иркутск (кажется) с эксплуатацией прилежащего района. Вопрос этот не новый и возникал уже до войны»¹.

Особый интерес у американских монополий вызывали пункты, которые лежали на кратчайшем пути из Аляски в Восточную Сибирь и Приамурский край. Они хотели построить морскую базу около Петропавловска-на-Камчатке. Американские империалисты планировали постройку крупного порта в Охотском море в районе Аяна и постройку железной дороги от Аяна до центра Якутской области. Монополии США предполагали с участием «Нью-Йорк сити бэнк» взять концессию в районе озер Кизи и Кади, чтобы прорыть канал и соединить эти озера через реку Амур с Татарским проливом, построив удобную гавань на озере. По данным Дальревкома, «американское морское ведомство вело переговоры с существовавшими правительствами о взятии бухты Уллис в долгосрочную аренду с обязательством постройки порта, удобного для океанских судов, ряда складов и соединения бухты с железнодорожной магистралью. Главное условие — предоставление прав экс-территориальности.

Договор предполагалось заключить по типу Порт-Артурского. Смета была составлена на 20 млн. долл.»².

¹ А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. III, стр. 108—109.

² ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1547, л. 375—376.

В июне 1918 г. английский инженер Г. Перкинс подал прошение в Приморскую областную управу о предоставлении ему концессии на постройку железной дороги от залива Посъета до китайской границы в направлении на маньчжурский город Хуньчунь. Заявление Перкинса не было рассмотрено в связи с начавшейся интервенцией на Дальнем Востоке. В феврале 1919 г. американский капиталист Честер Пюрингтон, действовавший на русском Дальнем Востоке с конца XIX в., подал заявление на имя управляющего Приморской областью, в котором указывал, что он выступает как «преемник Перкинса» и просит предоставить ему на 99 лет концессию на постройку железной дороги от Посъета на Хуньчунь и на сооружение порта в Посъете¹. Ходатайство Пюрингтона было активно поддержано английским консулом во Владивостоке. Если бы английским или американским монополистам удалось получить эту концессию, то они не только захватили бы самый южный, почти незамерзающий порт России на Дальнем Востоке, но и получили бы базу для экономического и политического проникновения в Маньчжурию².

В 1918 г. партия американских специалистов производила обследование возможностей заготовок и вывоза леса с территории Приморья³. В Нью-Йорке в 1918 г. была создана так называемая «Сибирская навигационная и экспортная корпорация». Она имела несколько отделений в США и открыла свои отделения в Омске, Ново-Николаевске и Владивостоке.

В 1918—1920 гг. эта корпорация, по сообщению ее представителя, занималась «разведкой экономики Сибири», направив своих специалистов в различные районы Дальнего Востока и Сибири. Корпорация ассигновала 1 млн. долл. для проведения «обследования» и готовилась открыть ряд предприятий⁴.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-245, оп. 1, д. 6, л. 1.

² Япония весьма подозрительно относилась к проекту концессии на строительство железной дороги американско-английским капиталом. Японская дипломатическая миссия в Омске потребовала от колчаковского правительства дать заверение, что просимая концессия не будет предоставлена «без согласования вопроса с японским правительством» (см. «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах», Центрархив, М. 1934, стр. 37—38).

³ См. «Голос Приморья», 17 мая 1918 г.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-206, оп. 1, д. 8, л. 22—23.

Американские дельцы в период интервенции на Дальнем Востоке развили большую активность по скупке пушнины, сырой кожи, щетины, конского волоса и т. п. Их агенты действовали на территории от Тихого океана до Урала. У русских купцов скупались за бесценок, например, пушнина, кожсырье и т. д.

Чтобы получить хотя бы приблизительное представление о количестве вывозимого сырья и пушнины с Дальнего Востока и Сибири в США, мы подсчитали количество некоторых товаров, вывезенных в период с 15 августа 1919 г. по 15 ноября 1919 г., т. е. за три месяца, в США по разрешению комитета по внешней торговле: шкурок лисы — 9610 штук, шкурок горностая — 48 242 штуки, шкурок колонка — 34 306 штук, шкурок хорька — 49 592 штуки, шкурок белки — 1 184 094 штуки плюс 103 пуда, шкурок соболя — 2122 штуки, шкурок песца — 6859 штук, шкурок зайца — 430 090 штук плюс 1854 пуда, козьих шкур — 17 643 штуки, кож телячьих и жеребка — 91 050 штук, кож разных — 26 436 пудов, шерсти овечьей — 45 093 пуда¹.

Кроме того, за этот же период было дано разрешение на вывоз в США: пушнины, неучтенной по штукам и пудам, на 271 тыс. долл., пушнины разной — 250 пудов и 152 093 штуки.

В меньших количествах вывозились шкурки сурка и котика, клыки моржа, шкуры белого медведя и нерпы.

Необходимо учитывать также и то, что в большинстве случаев сырье и пушнина, вывозившиеся с русского Дальнего Востока в Японию, переотправлялись из Японии в США. Представитель комитета по внешней торговле доносил 15 октября 1919 г. из Японии: «Русское сырье скупается во Владивостоке и, привезенное в Японию, перепродается там без всякой предварительной обработки на 40—50% дороже владивостокских цен. Это относится ко всякому сырью, особенно к пушнине... нужно сказать, что большинство русского сырья в настоящее время из Японии отправляется в Америку»².

¹ ЦГАДВ, ф. Р-51, оп. 1, д. 32, л. 2—57.

² ЦГАДВ, ф. Р-51, оп. 1, д. 6, л. 244—245. В 1918—1922 гг. вся добыча пушнины и продукты промысла морских зверей с Камчатки вывозились в США или Японию. «Всего на Камчатке в эти годы добывалось пушнины и продуктов промысла морских зверей примерно на 2 млн. руб. золотом» (ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 330, л. 31).

Большие доходы получали капиталисты Америки за счет продажи товаров, ввозимых из США, в том числе спиртных напитков¹.

В случае отсутствия валюты у их контрагентов предпринимчивые янки шли на прямой товарообмен. Насколько выгодна им была такого рода торговля показывает, например, следующий факт. В начале 1920 г. американское акционерное общество «Кнапп и Бакстер» продало «Союзу сибирских кредитных союзов» 79 жатвенных машин за 10 тыс. пудов льняного семени². Особенно широкие спекулятивные операции американские дельцы вели в Приморье. Следует при этом отметить, что большинство американских товаров ввозилось беспошлинно под флагом военных грузов.

Американский монополистический капитал предпринимал попытки к захвату в свои руки всей внешней торговли Сибири и Дальнего Востока.

Так, американское общество внутренней и внешней торговли — «Юровэта» (Нью-Йорк), — отделения которого имелись в европейских странах, в Южной Америке, в Японии, в Китае и других местах, в мае 1919 г. предложило представителям колчаковского правительства «проект развития торговли между Сибирью и Соединенными Штатами». В связи с тем, что в России валюта неустойчивая, компания предлагала вести торговлю путем товарообмена через международную торговую организацию, функции которой готова была взять на себя «Юровэта». «Юровэта» охотно предложила бы свой опыт, организацию и все другие средства, имеющиеся в ее распоряжении, на помощь сибирскому деловому миру, если бы настоящий проект встретил официальную или даже неофициальную поддержку со стороны русского правительства... Для «Юровэты» является излишним утверждать, что она в высшей степени заинтересована в развитии сибирских богатств³.

В начале 1920 г. представитель «Нью-Йоркской национальной торгово-промышленной корпорации» Янсон О. Я.⁴

¹ Так, например, лишь одна фирма «Олаф Свенсон» ввезла в 1917—1919 гг. только на Камчатку (весьма мало населенную) товаров на сумму 278 894 долл. (ЦГАДВ, ф. Р-384, оп. 3, д. 53, л. 93).

² Там же, ф. Р-51, оп. 1, д. 39, л. 55.

³ ЦГАДВ, ф. Р-51, оп. 1, д. 6, л. 5.

⁴ Янсон О. Я. был норвежским консулом во Владивостоке и одновременно представителем вышеупомянутой корпорации.

сделал следующее предложение Владивостокскому комитету по ввозу и вывозу¹: «Мы согласны дать денежные суммы авансом под всякого рода товары для продажи в Америке... Мы также согласны произвести операции над товарами в качестве ваших агентов по продаже на основании комиссии от 5 до 10%. Мы далее предлагаем свои услуги для закупки товаров в Америке и отправки их в Россию в какой-либо порт, указанный вами...». Затем перечислялись владельцы и директора «Нью-Йоркской народной торгово-промышленной корпорации»: Перси А. Рокфеллер — от «Стандарт ойл К^о»; Самуил М. Робертс — вице-президент «Нейшнл сити бэнк»; Е. Розенбаум — от «Розенбаум Грэн К^о»; фирма «Армэр Грэн К^о»².

От имени корпорации Янсон О. Я. предложил передать «Нью-Йоркской народной торгово-промышленной корпорации» всю наличность скопившихся во Владивостоке грузов (металлы, проволоку, селитру и др.) с целью немедленного вывоза и продажи их за границей³.

Одним из важных каналов обогащения монополистов США служил межсоюзный железнодорожный комитет. Закупки межсоюзного железнодорожного комитета были освобождены от всякого рода пошлин и сборов. Это обогащало владельцев паровозостроительных и рельсопрокатных заводов, поставлявших по заказам закупочной комиссии межсоюзного комитета материалы для русских железных дорог, в том числе и для КВЖД. «По самым скромным расчетам, одни пошлины за ввозимые материалы должны были составить свыше полутора миллиона рублей»⁴; эта сверхприбыль шла в карманы американских империалистов.

По данным министерства торговли США, в 1919 г. в Сибирь было ввезено американских товаров на

¹ Комитет по внешней торговле, учрежденный колчаковским правительством 19 апреля 1919 г., 30 марта 1920 г. был упразднен земским правительством и взамен его был образован комитет по ввозу и вывозу.

² ЦГАДВ, ф. Р-54, оп. 1, д. 20, л. 60—61.

³ ЦГАДВ, ф. Р-54, оп. 1, д. 20, л. 74. Чтобы представить размеры предлагаемой операции, необходимо учесть, что по состоянию на 1 ноября 1922 г., т. е. после распродажи значительного количества грузов меркуловцами, на складах Владивостокской таможни находилось около 2 млн. пудов невостребованного груза (ЦГАДВ, ф. Р-1, оп. 1, д. 9, л. 78).

⁴ П. Ивангородский, К вопросу о КВЖД, «Сибирские огни» № 3, 1925 г., стр. 173.

54 678 672 долл., а в Европейскую Россию — на 28 млн. долл.¹.

Особенно сильно американские дельцы наживались на военных поставках Колчаку, за которые колчаковское правительство расплачивалось за счет фондов русского золотого запаса, захваченного колчаковцами. Ведущую роль здесь играло «Экспортно-импортное общество американской комиссии Всероссийского земского союза».

Стремление американских капиталистов к бесконтрольному хозяйничанию на восточной окраине России вызывало резкое недовольство в Японии и беспокойство у русских капиталистов и колчаковских властей. Японская газета «Мансю Ници-Ници» писала, что «Соединенные Штаты желают исключить Японию из будущих своих домогательств на Сибирь»².

Агент русского добровольного флота в Сан-Франциско Лауб в октябре 1919 г. писал во Владивосток: «Сан-Франциско представляет из себя центр всех промышленных, торговых и политических кругов американского запада, где чрезвычайно чутко прислушиваются ко всему, что происходит по ту сторону Тихого океана — в Сибири, Китае и Японии... Надо жить здесь, чтобы понять психологию американского коммерсанта, рассматривающего вопросы сближения между Сибирью и Соединенными Штатами в несколько иной форме, чем это следовало бы быть»³. В ряде других донесений дипломатических и иных белогвардейских представителей в США отмечается резкое усиление экспансии американского капитала в Сибири и на Дальнем Востоке.

* *
*

Интервенция на Советском Дальнем Востоке оказалась прибыльным делом и для значительных кругов японской буржуазии. Империалистические монополии, вроде «Мицуи», «Мицубиси», отдельные капиталисты, получавшие прибыли от широко развернувшейся хищнической эксплуатации природных богатств Советского Дальнего Востока, от производства и поставок снаряжения,

¹ См. «Дальневосточное обозрение», 26 февраля 1920 г.

² «Вестник Маньчжурии», 16 мая 1918 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-30, оп. 1, д. 879, л. 9, 27.

продовольствия и вооружения для оккупационных войск, были ярыми сторонниками продолжения интервенции.

Японская буржуазия использовала оккупацию Советского Дальнего Востока для хищнической эксплуатации лесных, горных, рыбных и пушных богатств, от которой она получала огромные барыши.

Японские монополии стремились использовать интервенцию для того, чтобы превратить Дальний Восток в рынок сбыта своих товаров. Причем японские капиталисты использовали недостаток промышленных товаров на русском Дальнем Востоке, вызванный империалистической, а затем гражданской войной, и вывозили, как правило, самые низкосортные товары, не находившие сбыта на других рынках¹.

Японская буржуазия вкладывала свои капиталы преимущественно в те отрасли торговли и промышленности, которые давали большую и скорую прибыль. Это в первую очередь хищническая рыбная ловля, рубка и вывоз леса, скупка сырья и пушнины.

На вывозе сырья и пушнины японские капиталисты получали особенно высокие прибыли. За годы интервенции с Дальнего Востока в Японию было вывезено большое количество леса. Лес (преимущественно кедр и осиновая чурка) вывозился в Японию главным образом через порт Николаевск-на-Амуре.

В 1918—1919 гг. японские капиталисты почти полностью захватили в свои руки рыбопромышленность Дальнего Востока. Добычей рыбы в охотско-камчатских водах и водах Приморья занимались четыре самых крупных рыбопромышленных акционерных общества, находившиеся под покровительством японского правительства: «Ничиро-гио-гио», «Камчатка-гио-гио», «Цуцуми гейроку», «Хокуйю-гио-гио» («Мицубиси»). Названные общества оказывали большое влияние на японское правительство и, когда требовалось, при поддержке военной силы захватывали лучшие рыболовные участки и хищнически истребляли рыбные богатства в русских дальневосточных водах. Весной 1919 г. японское правительство

¹ По японским сведениям, ввоз из Японии в Сибирь в 1916 г. составлял 117,7 млн. иен, а в 1917 г. — 74,2 млн. (см. «Голос Приморья», 25 апреля 1919 г.).

специально рассмотрело вопрос о мерах дальнейшего развития рыбных промыслов у русского побережья¹.

Японские монополии стремились использовать интервенцию для захвата и эксплуатации рудных, каменно-угольных, лесных и других природных богатств Дальнего Востока и Забайкалья. В июне 1919 г. японская фирма «Полное товарищество Фудзито Гуми в Осака» подала заявление в управление земледелия и государственных имуществ колчаковского правительства. Фирма просила разрешения на устройство в Хинганском районе Амурской области, на реке Бире (вблизи линии Амурской железной дороги), фабрики по выработке бумажной массы. Фирма предполагала ежегодно перерабатывать на фабрике не менее 5 млн. кубических футов ели и пихты и готова была затратить на постройку фабрики 5 млн. иен. Колчаковские власти дали разрешение на постройку этой фабрики².

В январе 1920 г. между семеновцами и японцами был подписан договор на разведку каменного угля, железных и медных руд в Забайкалье³.

Общество «Ничиро-Дзицугие Тооси Кумиай» получило исключительное право на разведку железных и медных руд и каменного угля на территории в 5 тыс. квадратных верст. Причем на разведанных участках вышеназванное общество получило право «добывать железные и медные руды и каменный уголь, выплавлять чугуны и медь и выделывать железо и сталь всех сортов, а также выпускать чугунные, стальные изделия всякого рода»⁴.

В декабре 1919 г. был подписан также договор об организации в Забайкалье японского лесопромышленного общества для устройства писчебумажной фабрики, деревообделочных заводов, лесопильных заводов, спичечной фабрики и пр. Для финансирования лесных разработок и постройки фабрик и заводов общество создало в Японии акционерную компанию с капиталом в 2500 тыс. иен⁵.

¹ См. «Japan Advertiser», 15 мая 1919 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-208, оп. 1, д. 46, л. 248—256.

³ Договор этот был подписан начальником походного штаба атамана дальневосточных казачьих войск генерал-майором Афанасьевым и представителем группы японских капиталистов японо-русского промышленного общества «Ничиро-Дзицугие Тооси Кумиай» японским подданным Токикума Мори.

⁴ «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 320—322.

⁵ Там же, стр. 316—319.

Японские империалисты начинали осуществлять свои далеко идущие планы по эксплуатации природных богатств и внедрению в экономику Дальнего Востока.

Использовали интервенцию для своего обогащения японские чиновники и военщина, которые наживались главным образом путем прямого грабежа в оккупированных районах.

На русском Дальнем Востоке интервенты по существу установили колониальный режим. Во Владивостоке было учреждено совещание дипломатических представителей союзников, которое присвоило себе функции военной власти. Так, например, 31 августа 1918 г. совещание дипломатических представителей, на котором присутствовали: представитель Англии — Чарльз Элиот, Франции — граф де Мартель, Японии — Мацудайра, приняло решение о том, что командующие белогвардейскими отрядами должны назначаться только с согласия интервентов. В решении этого совещания было прямо записано: «Союзники не могут принять назначения, сделанные тем или иным правительством или партией без предварительного согласия союзников»¹.

Интервенция принесла неисчислимые бедствия и разорение населению русского Дальнего Востока, где был установлен режим террора и насилий. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Так, 22 марта 1919 г. японский отряд разрушил орудийным огнем, а затем сжег село Ивановку, Амурской области; в этом селе было убито около 300 человек, в том числе женщины и дети².

27 января 1920 г. японский экспедиционный отряд подошел к селению Князеволконскому, Хабаровского уезда, и открыл по селу орудийный огонь, которым было разрушено здание волостной земской управы. Прекратив орудийную стрельбу, японский отряд вошел в село и начал пулеметный обстрел улиц. Японские солдаты произвели поголовный обыск, бесчинствовали, насильовали женщин и девушек, жгли дома, грабили имущество мирных жителей. Ущерб, причиненный поджогами в селе Князеволконском, был исчислен в 2 062 800 руб.³

¹ «Красный архив», т. 5 (36), 1929 г., стр. 44.

² См. Г. Рейхберг, Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке, М. 1940, стр. 92—93.

³ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 4, л. 96, 97. Акт Хабаровской уездной земской управы.

С еще большей жестокостью бесчинствовали интервенты и белогвардейцы в городах, рабочих поселках, на станциях и разъездах железной дороги. В городе Хабаровске, где зверствовал Калмыков совместно с японцами, было расстреляно, замучено, изрублено шашками более 5 тыс. человек.

На разъезде № 37 Амурской железной дороги японские оккупанты ограбили всех рабочих и служащих, забрали их имущество до белья включительно. Ограбление сопровождалось угрозами убить, и малейшая попытка остановить грабеж вызывала избиение. Японские захватчики насильовали женщин и даже малолетних девочек. Затем согнали всех жителей разъезда, включая старух и беременных женщин, и заставили грузить на паровоз дрова и воду, подгоняя ударами палок. Японцы жестоко избивали всех, не отвечающих на вопрос, где большевики¹.

В городе Благовещенске 26 марта 1919 г. японские жандармы взяли из областной благовещенской тюрьмы 18 арестованных, советских и партийных работников, и без всякого суда и следствия зверски изрубили их саблями недалеко от тюрьмы у ям, из которых брали глину для изготовления кирпича. Двум из обреченных случайно удалось спастись, и они рассказали о страшном злодеянии японской жандармерии².

Ведя борьбу с партизанским движением, американские войска, как и войска японских империалистов, жгли села и деревни, убивали и грабили мирное население. Так, например, американцы (около 200 человек) — 50 кавалеристов, остальные пехотинцы — напали на село Новицкое, открыли стрельбу по улицам села, убили начальника партизанского отряда товарища Коржова, который нес раненого крестьянина³.

В деревне Казанке американцы подожгли все дома, где ранее были расквартированы партизанские учреждения. Они сожгли здесь школу. Второе школьное здание разрушили огнем горных орудий. Всего здесь они сожгли 14 домов. В селе Бровничи американцы вырубали плодо-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 4, л. 91.

² См. «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 2, Владивосток 1924, стр. 174—197.

³ «Революция на Дальнем Востоке», вып. 1, М. — П. 1923, стр. 245.

вые сады, разоряли огороды, забирали из ящиков белье, одежду, серебряные вещи, били посуду, резали свиней, гусей, кур, забирали лошадей и т. д.

В начале 1919 г. американский отряд ворвался в небольшой поселок, расположенный неподалеку от станции Свягино. Здесь интервенты учинили зверскую расправу над партизаном Николаем Мясниковым, которому сперва отрубили уши, нос, затем ноги и руки, изрубив, таким образом, живого на куски¹.

Нравы, насаждавшиеся американскими интервентами, характеризует, например, такой факт. Начальник общесоюзной милиции во Владивостоке американский полковник Джонсон в сентябре 1919 г. избил редактора газеты «Голос Приморья» и обещал учинить самосуд над членами редакции за то, что газета поместила статьи, в которых разоблачался наглый произвол американцев и их грубое отношение к населению².

Правящие круги США тщательно маскировали империалистическую сущность своей политики на русском Дальнем Востоке, пытаясь изобразить ее как «гуманную» в отличие от открыто захватнической и грубой политики империалистической Японии. Американские интервенты прилагали много усилий к тому, чтобы духовно поработить народные массы Дальнего Востока. С этой целью велась широкая пропаганда «американских идей», «американского образа жизни». Ею занимались агенты «Христианского союза молодых людей», «Христианского союза молодых женщин», католической организации «Рыцари Колумба», агенты баптистских миссионерских обществ и т. п. Эта агентура, располагавшая крупными денежными средствами, тратила большие суммы на подкупы, на субсидии проамериканским организациям и т. д. Уполномоченный гетмана Скоропадского в своем докладе о положении на Дальнем Востоке писал, что проамериканская партия, получая громадные денежные субсидии от американцев, в свое время сумела пустить свои корни довольно глубоко³.

¹ См. «В боях за Советское Приморье», Владивосток 1951, стр. 26.

² См. В. Болдырев, Директория, Колчак, интервенты, Ново-Николаевск 1925, стр. 544.

³ ЦГАДВ, ф. Р-200, оп. 1, д. 11, л. 3.

Во Владивостоке было организовано американское правительственное бюро печати, в городах Сибири и Дальнего Востока действовали агенты отделения комитета общественного осведомления, находившегося в Вашингтоне. Комитет этот был учрежден распоряжением президента Вильсона от 14 апреля 1917 г., причем его представляли государственный секретарь, военный министр и председатель комитета Джордж Кирль¹. Главный руководитель комитета осведомления правительства США в Сибири Нортон заявил в феврале 1919 г., что «работа информационных отделений США в Сибири стоила колоссальных денежных затрат»² и что взамен их организуются информационные отделы при американских консульствах.

Американские организации массовыми тиражами издавали антисоветскую литературу. Одновременно с этим американское правительственное бюро печати во Владивостоке всячески популяризировало пресловутую «американскую демократию», писало о благих намерениях американских интервентов»³. Американцы субсидировали ряд газет, издававшихся в Сибири, и вели через них проамериканскую пропаганду⁴. В качестве примера «деятельности» американских организаций в Сибири можно сослаться на «Христианский союз молодых людей». Активная деятельность этого союза началась еще до Великой Октябрьской социалистической революции, когда правительство Керенского предоставило этому союзу ряд льгот, в том числе право бесплатной перевозки грузов⁵. В ок-

¹ См. «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 3, Владивосток 1925, стр. 149.

² «Далекая окраина», 14 февраля 1919 г.

³ Например, американской агентурой в Сибири в 1918—1919 гг. широко распространялась изданная на русском языке брошюра «Речи президента Вильсона». На обложке брошюры крупным шрифтом были напечатаны следующие фразы: «Цель Америки — освобождение всего мира от милитаризма, создание демократического мира и установление Лиги народов. Экземпляры этой брошюры могут быть получены у американских консулов во Владивостоке, Иркутске, Ново-Николаевске и Екатеринбурге». В брошюру были включены специально подобранные пропагандистские речи президента Вильсона, преследовавшие цель замаскировать империалистические цели США в первой мировой войне и в период подготовки Версальского договора.

⁴ См. «Голос Приморья», 17(14) мая 1918 г.

⁵ «Известия Приморского губернского архивного бюро», т. 1, вып. 3, Владивосток 1923, стр. 41.

тябре 1918 г. во Владивостоке под руководством уполномоченных американского союза было организовано русское отделение «Христианского союза молодых людей» — общество «Маяк». Открыто проамериканская деятельность союза встревожила даже колчаковское правительство, которое приняло меры к ограничению деятельности «Христианского союза молодых людей».

Вместе с японскими и американскими интервентами убивали, пытали, мучили и грабили мирное население белогвардейцы — колчаковцы, семеновцы, калмыковцы и другие бандиты разных чинов и рангов. Очень часто белогвардейцы и интервенты объединялись в общие карательные отряды и совместно творили свое кровавое дело. Так, на станции Ерофей Павлович в 1918—1919 гг. были подвергнуты репрессиям со стороны белых и интервентов 134 человека, из них 15 человек были убиты, а остальные наказаны шомполами, плетьюми, накачивались водой и подверглись другим пыткам¹.

Одновременно с истреблением советских патриотов, не желавших мириться с иноземным гнетом и кровавым режимом, установленным оккупантами и белогвардейцами, интервенты преднамеренно разрушали важнейшие отрасли хозяйства, грабили достояние русского народа.

Режим насилия и террора, установленный японскими и американскими интервентами и белогвардейцами, не спас их от поражения. Под руководством партии большевиков рабочие и крестьяне Дальнего Востока и Сибири поднялись на борьбу за Советскую власть, за свободу и независимость.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 72, л. 215—255.

ГЛАВА II

ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ. ПОРАЖЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОЙ ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Трудящимся Дальнего Востока с первых дней установления Советской власти пришлось вести упорную повседневную борьбу за сохранение власти Советов. Силы контрреволюции, получая активную поддержку из-за границы, сделали несколько попыток свержения Советской власти на Дальнем Востоке еще до развертывания интервенции.

В январе 1918 г. в Забайкалье вторгся белогвардейский отряд атамана Семенова. В марте 1918 г. в Благовещенске подняли антисоветский мятеж около 5 тыс. белогвардейцев во главе с атаманом Гамовым. В восстании приняли участие японцы, проживавшие в Амурской области, причем вооруженным отрядом японцев-резидентов руководил полковник японской армии, засланный в Благовещенск под видом торговца. Однако благодаря энергичным действиям дальневосточных большевистских организаций отряды Красной гвардии, революционные рабочие и матросы Амурской речной флотилии подавили контрреволюционное восстание в недельный срок. Разгромленные мятежники бежали на территорию Китая в город Сахалин¹.

В апреле 1918 г., после того как японцы высадили свои войска во Владивостоке, в наступление на Читу перешли банды атамана Семенова. В Приморье в мае 1918 г. начали наступление в районе станций Пограничная и Гродеково с территории Маньчжурии белогвардейские

¹ См. Г. Рейхберг, Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке, стр. 44—50.

отряды Калмыкова и Орлова. Над Советской Россией на Дальнем Востоке нависла серьезная опасность.

В сообщении Советского правительства от 5 апреля 1918 г. о японском выступлении во Владивостоке трудящиеся призывались к самоотверженной борьбе против интервентов и белогвардейцев. «С Востока идет новое страшное испытание. ...Отпор японскому вторжению, беспощадная борьба с их агентами и пособниками внутри страны есть вопрос жизни и смерти для Советской республики, для трудовых масс всей России»¹.

ЦИК Советов Сибири (Центросибирь)², находившийся в Иркутске, в связи с высадкой японского десанта 5 апреля принял воззвание к трудящимся Сибири, призывая их на борьбу с интервенцией. Решением Центросибири вся Сибирь объявлялась на военном положении. Всем уездным и губернским Советам Сибири было предложено создать военно-революционные штабы и вооруженные силы для борьбы против империалистов и белогвардейцев³.

По решению Центросибири в городах Западной и Восточной Сибири формировались красногвардейские отряды и направлялись в Забайкалье для борьбы против семеновцев. В конце апреля 1918 г. из Омска и Благовещенска и других городов Сибири и Дальнего Востока на помощь Забайкальскому фронту прибыли хорошо вооруженные отряды численностью до 5 тыс. бойцов.

Под руководством большевистской организации Забайкалья создавались революционные отряды из казаков и крестьян. В середине апреля 1918 г. сформировался первый повстанческий кавалерийский полк из беднейшей части казачества и крестьян.

В начале мая 1918 г. Забайкальский областной исполнительный комитет принял решение объявить город Читу и часть линии Забайкальской и Амурской железных дорог на осадном положении и передать всю власть в Забайкальской области Военно-революционному штабу Забайкалья, наделив его чрезвычайными полномочиями⁴.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 68.

² Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Советов Сибири — был образован в ноябре 1917 г. на I съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири.

³ См. В. В. Рябиков, Центросибирь, Новосибирск 1949, стр. 248.

⁴ См. «Забайкальский рабочий», 10 мая 1918 г.

Военно-революционный штаб Забайкалья¹ принял постановление об обязательной мобилизации в Красную Армию пяти призывных возрастов, что дало возможность значительно усилить боевую мощь революционных войск. Рабочие Читинских железнодорожных мастерских оборудовали бронепоезд. Выступили на фронт отряды, сформированные в Чите из членов Совета и советских работников, и отряды Красной Гвардии. Рабочие Черновских копей и железнодорожники послали на борьбу с Семеновым значительное число красногвардейцев.

Были приняты энергичные меры для укрепления дисциплины революционных войск и повышения их боеспособности. Командующим Забайкальским фронтом был назначен Сергей Лазо. Под его командованием красногвардейцы с середины мая по конец июля 1918 г. нанесли несколько крупных поражений семеновским бандам. Семеновские части бежали в Маньчжурию, где при помощи Японии стали готовиться к новым нападениям.

В Приморье, на Гродековском фронте, отряды Красной Гвардии, посланные из Владивостока, Сучана и Хабаровска, разбили белогвардейские банды Калмыкова и Орлова. Благодаря этой победе была временно устранена угроза белогвардейского нападения на Никольск-Уссурийский и Владивосток с линии КВЖД.

Но к этому времени, как отмечалось, империалисты Антанты подготовили антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. Белочехословаки, поддержанные белогвардейцами и кулацко-эсеровскими мятежниками, захватили линию Сибирской железной дороги и тем самым обеспечили дальнейшее развертывание интервенции. На линиях Амурской и большей части Уссурийской железной дороги чехословацких войск не было, так как их эшелоны направлялись во Владивосток по КВЖД.

Под руководством Дальневосточного краевого комитета партии большевиков партийные и советские организации Дальнего Востока деятельно готовились к отпору интервентам. Особое внимание уделялось Красной Армии

¹ По данным Г. В. Грунина, Читинский областной исполнительный комитет 11 апреля 1918 г. объявил город Читку и Забайкальскую железную дорогу на осадном положении и временно передал всю власть в Забайкалье Военно-революционному комитету в составе: Д. Шилова, И. Бутина и Н. Матвеева (см. «Борьба за Советы в Забайкалье», Чита 1947, стр. 12).

и Красной Гвардии. 9 июня 1918 г. Дальсовнарком¹ дал распоряжение об объявлении территории бывшего Приамурского военного округа на военном положении и мобилизации революционных сил. «Вся железнодорожная, уездная и городская милиция поступает в распоряжение районных военных комиссариатов. Поручается Советам на местах немедленно организовать Красную Гвардию; в городах и деревнях организовать повсеместно вербовку волонтеров из среды трудящихся в возрасте от 18 лет»². Хабаровская партийная организация приняла решение о мобилизации всех коммунистов для борьбы с врагами.

В городах большевистские организации создавали боевые партийные дружины, проходившие военное обучение. Во второй половине июня 1918 г. состоявшееся в Благовещенске пленарное заседание членов Совета Амурской Автономной Социалистической Республики³ постановило по предложению большевиков: «Признать необходимым немедленное обязательное обучение военному делу всех трудящихся города и деревни, организацию их в боевые и тактические отряды, и по первому кличу Совета все отряды обязаны встать под красные знамена Советской республики, чтобы дать достойный отпор наемникам буржуазии, пытающимся отнять завоевания рабочих и крестьян»⁴.

Партийные и советские организации Дальнего Востока не успели осуществить все мероприятия, намеченные для укрепления обороноспособности. 29 июня 1918 г. командование чехословацких войск при поддержке интервентов совершило контрреволюционный переворот во Владивостоке⁵. 8 июля 1918 г. чехословаки заняли Никольск-Уссурийский.

¹ Дальсовнарком находился в городе Хабаровске.

² ЦГАДВ, ф. Р-1155, оп. 1, д. 17, л. 15.

³ Образование Амурской Автономной Социалистической Республики, входящей в состав РСФСР, было провозглашено 10 апреля 1918 г. объединенным съездом трудящихся Амурской области.

⁴ «Протоколы заседаний исполнительного комитета Совета трудящихся Амурской Автономной Социалистической Республики с 17 июня по 28 июня 1918 г.», стр. 18.

⁵ К этому времени во Владивостоке было сосредоточено более 15 тыс. чехословацких солдат и офицеров. Необходимо отметить, что часть революционно настроенных чехословацких солдат во Владивостоке отказалась выступить против Советской власти. Некоторые из них затем приняли участие в боях против интервентов и белогвардейцев на стороне Красной Гвардии.

Красногвардейские и красноармейские отряды, отступившие из Владивостока и Никольска-Уссурийского, создали Уссурийский фронт. Этот фронт преградил интервентам путь на Хабаровск и в Амурскую область. Местные большевистские организации напрягали все силы для укрепления Уссурийского фронта. В Хабаровске и других городах и на золотых приисках Амура из рабочих-добровольцев создавались отряды Красной Гвардии и спешно отправлялись на фронт. Цементирующим ядром этих отрядов являлись коммунисты. 30 июня 1918 г. хабаровская партийная организация РКП(б) объявила себя мобилизованной и, сформировав партийный вооруженный отряд, призвала трудящихся Хабаровска готовиться к боям против захватчиков¹. На рабочих и профсоюзных собраниях Хабаровска, Владивостока и других городов Дальнего Востока намечались конкретные меры для увеличения вооруженных сил Советов.

Из членов партии были созданы агитационные группы, которые направлялись в деревню для проведения разъяснительной работы и организации отрядов Красной Гвардии. Бедняцкие массы крестьянства и большая часть середняков поддержали рабочих и активно выступили на защиту Советской власти. В Амурской области в начале июля 1918 г. в Красную Гвардию записалось более 3 тыс. крестьян-добровольцев. Дальневосточные организации большевиков и Дальневосточный краевой штаб Красной Армии повели большую работу по укреплению Уссурийского фронта. Спешно были оборудованы бронепоезда, укомплектованные моряками Амурской речной флотилии. Бойцы Уссурийского фронта, общая численность которых составляла 12 тыс. человек, не только приостановили наступление интервентов и белогвардейцев в районе станции Усури, но 1 августа сами перешли в наступление и начали продвигаться к Владивостоку². В ответ на это империалисты бросили на Уссурийский фронт, кроме чехословаков, крупные части японских и американских войск. Лишь после упорных боев превос-

¹ «Дальневосточные известия», 4 июля 1918 г.

² Участник интервенции английский полковник Уорд писал, что в это время положение белогвардейцев и чехословаков на Уссурийском фронте «можно было признать критическим». См. *Д. Уорд*, Союзная интервенция в Сибири, М. 1923, стр. 30.

ходящим силам интервентов удалось 4 сентября 1918 г. занять город Хабаровск.

В Забайкалье обстановка для Советской власти также сложилась тяжелая. Центросибирь под нажимом чехословаков 11 июля 1918 г. завершила эвакуацию советских организаций и войск из Иркутска и переехала в Верхнеудинск. В Забайкалье, кроме чехословаков, вновь вступили из Маньчжурии поддержанные японцами белогвардейские части атамана Семенова. 20 августа чехословаки заняли Верхнеудинск, а 26 августа советские войска вынуждены были отступить из Читы. Кольцо контрреволюции сжималось. Активную поддержку интервентам оказали меньшевики и эсеры, которые активизировали борьбу против большевиков в Советах и среди населения, особенно сельского. Меньшевики и эсеры использовали то обстоятельство, что Советская власть за короткий период своего существования не успела показать сибирским крестьянам своих преимуществ. Революционный союз рабочих и крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке еще не успел укрепиться. В. И. Ленин в ноябре 1919 г. говорил: «Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам»¹.

Подобное положение привело к тому, что основная масса крестьян-середняков Сибири и Дальнего Востока колебалась и выжидала. Используя это, белогвардейцы, меньшевики и эсеры поднимали на борьбу против Советской власти кулачество и казачью верхушку и стремились совместно с анархистами дезорганизовать усилия большевиков, направленные на организацию отпора интервентам. Советы Дальнего Востока в этот период не обладали достаточным количеством вооруженных сил для того, чтобы в открытых боях разгромить силы контрреволюции. Необходимо было изменить метод борьбы. Собранный 25 августа 1918 г. V чрезвычайный краевой съезд Советов Дальнего Востока признал необходимым готовиться к «партизанской системе ведения войны»².

28 августа 1918 г. на станции Урульга Забайкальской железной дороги состоялась конференция руководящих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 113.

² «Дальневосточные известия» № 160, 1918 г.

партийных и советских работников и представителей Красной Армии, созванная Центральным исполнительным комитетом Советов Сибири. Обсудив создавшуюся обстановку, Урульгинская конференция приняла решение перейти к новым методам борьбы¹.

Согласно решению конференции советские учреждения прекратили легальную работу. Конференция признала необходимым проведение упорной и организованной работы среди трудовых масс. Отступившие из Хабаровска и Забайкалья в Амурскую область отряды советских войск ушли в тайгу, где организовали партизанские отряды. Несмотря на жестокий террор и преследования, коммунисты в условиях подполья организовывали массы для продолжения борьбы, вселяли в народ уверенность в конечной победе Советской власти, указывая, что поражение Советов на Дальнем Востоке является временным.

Советская власть во многих деревнях и селах, особенно отдаленных от железной дороги, продолжала фактически существовать. По указанию партийных органов в ряде деревень были созданы сельские революционные комитеты, которые в случае необходимости переходили на нелегальное положение. Часто сельские революционные комитеты, даже при наличии белогвардейских властей, были хозяевами положения на местах и оказывали огромную помощь партизанам, снабжая их продовольствием и организуя трудящихся на срыв мероприятий интервентов и белогвардейцев.

Советское правительство ни на минуту не забывало о том тяжелом положении, в котором очутилось население Сибири и Дальнего Востока, и приняло все меры для разгрома Колчака и изгнания интервентов².

¹ См. «Дальистпарт», Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 2, стр. 115—116.

² По воле партии вся жизнь страны была перестроена на военный лад и подчинена интересам борьбы против интервенции и контрреволюции. 2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил Советскую Россию единым военным лагерем. Все силы и средства страны Советов были мобилизованы для вооруженной борьбы с захватчиками. 30 ноября 1918 г. ВЦИК постановил создать Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с В. И. Лениным. Совет обороны осуществлял руководство Красной Армией и мобилизацией всех ресурсов страны для нужд обороны.

Центральный Комитет РКП(б) в тяжелых условиях интервенции и гражданской войны продолжал осуществлять руководство деятельностью партийных организаций в областях, занятых вражескими войсками, и поддерживал связь с большевистским подпольем в Сибири и на Дальнем Востоке.

23 ноября 1918 г. состоялась II Всесибирская подпольная конференция большевистских организаций в Томске. В резолюции о текущем моменте и тактических задачах партии конференция призвала к подготовке восстаний против власти Колчака, к организации политических стачек протеста в городах против колчаковской диктатуры.

«Ставя своей главной задачей организацию восстания для свержения буржуазной диктатуры и продолжения социалистической революции, О[бластной] К[омитет] РКП решительно отвергает какую бы то ни было работу в органах управления и в органах власти, какое бы то ни было участие в выборных кампаниях и всевозможных так называемых демократических учреждениях, призывает к полному бойкоту их и разоблачает весь гнусный обман этих легальных прикрытий буржуазной диктатуры»¹.

Борьба за изгнание интервентов с Дальнего Востока, начавшаяся с первых дней интервенции, не прекращалась до установления Советской власти на всей его территории.

Большевики явились организаторами партизанского движения на Дальнем Востоке, которое оказало большую помощь Красной Армии в ее борьбе с колчаковскими войсками и интервентами.

Политика колчаковского правительства, сотрудничавшего с интервентами, защищавшего интересы помещиков и капиталистов, привела к тому, что все более широкие слои трудящихся масс понимали ее антинародный характер. Быстро стало назревать массовое недовольство реакционным режимом. В городах и на линии железной дороги большевики и большевистски настроенные рабочие направляли стихийные выступления рабочих в русло организованной борьбы.

Произвол интервентов и колчаковских властей, опиравшихся на кулачество, грабежи и насилия вызывали

¹ Владимир Молотов, Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.), Омск 1949, стр. 88.

отпор со стороны трудового крестьянства. В городах и селах всех областей Дальнего Востока с октября 1918 г. рабочие и беднейшее крестьянство стали создавать вооруженные отряды партизан, вскоре превратившиеся в грозную силу.

Боевая деятельность партизанских отрядов направлялась создававшимися под руководством большевиков уездными военно-революционными штабами. В январе 1919 г. был образован Дальневосточный областной комитет РКП(б), который руководил революционной борьбой трудящихся.

Большую роль в революционной борьбе сыграли забастовки рабочих, парализовавшие тылы интервентов и белогвардейцев. Забастовки происходили под руководством подпольных большевистских организаций. 31 марта 1919 г. началась забастовка рабочих военного порта и минного городка Владивостока. Рабочие отказались выполнять заказы для белой армии и потребовали увеличения заработной платы. Бастующих поддержало большинство рабочих Владивостока, объединенных в профсоюзы. Забастовка была подавлена силой оружия.

В мае 1919 г. под руководством большевистского комитета прошла забастовка сучанских горняков. Стачечники выдвинули лозунги: «Долой интервентов!», «Ни одной тонны угля Колчаку!» По указанию областного комитета РКП(б) стачка была приурочена к началу крупных операций партизан в Приморье. Сучанская стачка дала сильный толчок к разворачиванию массовой борьбы. Много рабочих во время стачки ушло в партизанские отряды¹.

В июне — июле того же года прошел ряд крупных забастовок в Приморье. В июне забастовали рабочие железнодорожного депо Владивостока и Уссурийской железной дороги. Их поддержали рабочие военного порта. 11 июля забастовали все моряки Добровольного флота. 13 июля прекратили работу железнодорожники КВЖД. Стачка, руководимая Дальневосточным областным комитетом РКП(б), протекала организованно. Колчаковские власти объявили Приморскую область на военном положении. В рабочих кварталах Владивостока происходили повальные обыски, многие рабочие были расстреляны.

¹ «Красный архив», т. 3 (82), 1937 г., стр. 49.

Но, несмотря на исключительно жестокий террор, белогвардейцам и интервентам не удалось сразу сломить стачечников. Стачка длилась более месяца. Эта забастовка сыграла большую роль в разложении белогвардейского тыла и в организации революционных сил.

Большевики осуществляли руководство забастовками через профсоюзные организации. За время существования Советской власти профсоюзы окрепли, численно выросли. Однако после установления колчаковской диктатуры профсоюзные организации подвергались всевозможным преследованиям, и часть из них перешла на нелегальное положение, многие из активных работников профсоюзов были арестованы и расстреляны. Несмотря на это, профсоюзы боролись за улучшение крайне тяжелого положения рабочих и принимали активное участие в политической борьбе. Когда условия не позволяли прибегнуть к стачке, профсоюзы прибегали к саботажу. Этот метод борьбы против колчаковцев и интервентов использовали рабочие судостроительного механического завода во Владивостоке, железнодорожники, горняки Сучана, срывавшие мероприятия колчаковцев по снабжению армии.

Коммунисты Дальнего Востока провели огромную работу по объединению разрозненных партизанских выступлений и по подготовке вооруженного восстания. В районы и села были направлены партийные работники и революционно настроенные рабочие, которые проводили большую политическую работу среди крестьянства. Партизанская борьба была составной частью борьбы всего советского народа против интервентов и белогвардейцев и сыграла большую роль в обеспечении победы Советской власти на Дальнем Востоке. Партизаны своей самоотверженной борьбой завоевали глубокую любовь и активную поддержку трудящихся. Население деревень снабжало партизан продовольствием, скрывало от карателей места расположения партизанских отрядов. Трудящееся крестьянство смотрело на партизан, как на защитников народа от интервентов. В начале 1919 г. в партизанские отряды ушло почти все взрослое мужское население десятков деревень и сел Приморской, Амурской и Забайкальской областей.

Методы партизанской борьбы и задачи партизанского движения были определены в специальном решении

III Всесибирской подпольной конференции большевиков, состоявшейся в Омске в марте 1919 г. На этой конференции присутствовали представители дальневосточных партийных организаций.

Конференция обсудила вопросы о текущем моменте, о тактике, о практической подготовке восстания и др. В решении конференции указывалось, что центр тяжести работы подпольных организаций следует перенести на руководство партизанским движением. Были разработаны инструкции об организации деревенских комитетов, партизанских отрядов, намечены меры по усилению агитационной работы среди рабочих, крестьян и солдат. Подпольным партийным комитетам рекомендовалось выделять ответственных лиц по приобретению оружия и боеприпасов для партизанских отрядов¹.

Решения конференции стали программой борьбы для подпольных большевистских организаций Сибири и Дальнего Востока.

Непосредственным руководителем партизанского движения в Приморье был Дальневосточный областной комитет РКП(б), находившийся во Владивостоке на нелегальном положении. Областной большевистский комитет выпускал листовки и воззвания с призывом к рабочим и крестьянам срывать мобилизацию в колчаковскую армию. Этот призыв находил живой отклик среди трудящихся, не хотевших служить в колчаковской армии. В марте 1919 г. значительное количество мобилизованной колчаковцами молодежи Приморской области ушло домой. Сельские сходы многих сел, несмотря на зверства карательных отрядов, принимали решения о том, чтобы молодежь не являлась на колчаковские призывные пункты. Спасавшихся от колчаковской мобилизации людей направляли в сопки в партизанские отряды. Большевики владивостокской подпольной организации, преодолевая огромные трудности и повседневно рискуя жизнью, организовали снабжение партизан оружием и боеприпасами. На Сучанском и Тетюхинском рудниках рабочие тайно изготовляли снаряды и патроны. Отсюда же партизанам доставлялся динамит.

¹ См. *Владимир Молотов, Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.)*, стр. 99—103.

Усилиями большевиков партизанское движение все более и более крепло и разрасталось. С весны 1919 г. партизаны Сучанской долины вели крупные бои с японцами, американцами и колчаковцами, отвлекли на себя до 3,5 тыс. солдат неприятеля и лишили интервентов возможности использовать сучанский уголь¹. В июне 1919 г. партизаны у деревни Романовки, Шкотовского района, наголову разбили американский отряд. Только в июне американские войска потеряли на Сучанской железнодорожной ветке более 200 человек убитыми и ранеными.

В мае партизанские отряды Приамурья нанесли поражение гарнизону интервентов и белогвардейцев на станциях Верино и Хор.

Против партизан были брошены крупные силы интервентов и белогвардейцев. По всему Приамурью начались крупные бои, которые длились целый месяц. Партизаны нанесли крупные потери противнику, но и сами потеряли не менее 30% бойцов².

7 января 1919 г. началось восстание в селе Мозаново, Амурской области, направленное против бесчинствовавшего здесь японского отряда. К восставшим присоединилось около 1 тыс. вооруженных партизан из ближайших сел, которые заняли Мозаново и объявили Советскую власть восстановленной. Советская власть просуществовала в Мозановской волости три дня³.

В феврале 1919 г. японское командование предприняло крупную карательную экспедицию против амурских партизан, концентрировавшихся в районе села Ивановки. 17 февраля в бою недалеко от Ивановки партизаны разгромили японский отряд, в котором из 500 человек в живых осталось 78. Был убит и командир отряда майор Хори.

Большую роль в дальнейшем развертывании партизанского движения на Дальнем Востоке сыграли постановление Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля

¹ В письме Дальневосточного областного комитета РКП(б) от 29 августа 1919 г. указывалось, что действия партизан на линии железной дороги мешали снабжению армии Колчака и сковывали силы белогвардейских и иностранных войск (см. «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах», Центрархив, М. 1934, стр. 83).

² «Борьба за Советы на Дальнем Востоке», М. 1932, стр. 7.

³ См. С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, М—Х 1933, стр. 97

1919 г. «О развертывании партизанского движения в Сибири»¹ и постановление Дальневосточного комитета РКП(б) «О текущем моменте и политике коммунистов на Дальнем Востоке» от 22 июня 1919 г.²

В августе 1919 г. был созван съезд партизан Амурской области, на котором избран областной партизанский штаб. Штаб занялся укреплением старых и формированием новых партизанских отрядов, принял меры по поднятию их боевых качеств. Амурская область была разделена на четыре партизанских района во главе с районными штабами. Основной формой боевой организации партизан был признан отдельный партизанский отряд. В случае необходимости отряды объединялись районными штабами для проведения крупных операций. Партизаны установили связь с подпольной большевистской организацией Благовещенска.

С конца августа 1919 г. партизаны приступили к широким операциям на Амурской железной дороге (было взорвано 400 мостов и других железнодорожных сооружений) и фактически парализовали ее работу, чем оказали большую поддержку Красной Армии. Все попытки интервентов и белогвардейцев уничтожить партизанские отряды, действовавшие на линии железной дороги, потерпели полный провал. В 1919 г. в борьбе с партизанами Амурской области японцы потеряли более 3 тыс. солдат и офицеров убитыми, ранеными и обмороженными³.

Крестьянство Дальнего Востока все активнее выступало на борьбу за восстановление Советской власти, за изгнание интервентов и белогвардейцев. 16 декабря 1919 г. в селе Ромны, Тарбоготаевской волости, состоялся седьмой областной съезд трудящихся Амурской области. В резолюции по текущему моменту съезд постановил: добиваться всеми мерами удаления с территории Дальнего Востока японских войск.

К концу 1919 г. в Забайкалье партизаны имели восемь кавалерийских и два пехотных полка. К началу 1920 г. после ряда успешных боев партизаны очистили от японцев и белогвардейцев почти все Восточное Забайкалье. Партизанские отряды Восточного Забайкалья на-

¹ См. «Правда», 16 января 1935 г.

² См. С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 121.

³ См. «Исторический журнал» № 6, 1937 г., стр. 66.

считывали 25 тыс. бойцов. «Почти вся территория между реками Шилка, Аргунь и Маньчжурской веткой находилась в это время в руках партизан»¹.

Для борьбы с забайкальскими партизанами, концентрировавшимися в районе села Богдаты, японское командование в сентябре 1919 г. направило 2 тыс. пехоты и 6 тыс. кавалерии японских и белогвардейских войск. Село Богдаты являлось важным стратегическим пунктом и базой партизан Восточного Забайкалья. Все попытки семеновцев и японцев уничтожить партизан, концентрировавшихся в районе Богдаты, предпринятые весной и летом 1919 г., потерпели провал. Поэтому сентябрьское наступление было подготовлено особенно тщательно.

Японское командование и белогвардейцы ставили своей задачей окружить Богдаты, расположенную в глухой тайге, и уничтожить до 3 тыс. партизан, базировавшихся в районе Богдаты, восстановить прерванное партизанами паромное сообщение по реке Шилке и уничтожить другие, менее крупные партизанские отряды и тем самым ликвидировать партизанское движение в Восточном Забайкалье.

Однако японские и белогвардейские генералы просчитались. Несмотря на недостаток вооружения и боеприпасов, партизаны в тяжелых и упорных боях, длившихся с 27 по 30 сентября, нанесли противнику большой урон. Только японцы потеряли 300 человек убитыми и несколько сот ранеными. Партизаны прорвали вражеское кольцо окружения и отступили. Японские интервенты временно заняли село Богдаты. Но отступившие партизанские отряды пополнились новыми бойцами. Сформировался отряд железнодорожных рабочих численностью около 1 тыс. человек, ставший одним из наиболее дисциплинированных и боеспособных отрядов Забайкалья. В конце ноября 1919 г. партизаны вновь заняли Богдаты и к началу 1920 г. расширили район своих боевых операций от реки Аргуни до линии Амурской железной дороги.

Представители партизанских отрядов совместно с представителями подпольных организаций вели агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих, крестьян и белогвардейских солдат, разъясняя антинародный характер политики интервентов и колчаковского правительства.

¹ «Борьба за Советы в Забайкалье», стр. 28.

С сентября 1919 г. участились случаи перехода колчаковских и семеновских солдат и казаков на сторону красных. Широкие массы крестьян более активно включались в партизанскую борьбу. В районах, освобожденных от интервентов и белогвардейцев, восстанавливалась Советская власть. К осени 1919 г. во всех областях Дальнего Востока имелись районы, где в тылу у колчаковской армии была восстановлена Советская власть.

Так постепенно накапливались и укреплялись силы народа, поднявшегося на борьбу за свои интересы, за власть Советов.

Все более широким слоем трудящихся масс Дальнего Востока становилось понятно, что только разгром и изгнание интервентов и белогвардейцев дадут возможность восстановить мир на Дальнем Востоке и устранить нищету и разруху. В активной вооруженной борьбе против интервентов на Дальнем Востоке участвовали вместе с русскими трудящиеся украинцы¹, бурят-монголы, нанайцы (гольды), нивхи (гиляки) и другие народы. Нанайцы и другие народности, проживавшие на Амуре, оказывали большую помощь партизанам благодаря хорошему знанию глухих мест тайги².

Сила партизанского движения определялась прежде всего его глубокими связями с народом и тем, что им повседневно руководила большевистская партия, которая объединяла отдельные действия партизанских отрядов для борьбы против интервентов и белогвардейцев, направляла удары партизанских отрядов на наиболее уязвимые места противника, координировала деятельность партизанских отрядов с действиями Красной Армии. К началу 1920 г. революционные рабочие и крестьяне Дальнего Востока имели значительные вооруженные силы в лице партизанских отрядов и готовы были вступить в решительную борьбу с целью изгнания интервентов, свержения колчаковской диктатуры и оказания еще большей помощи наступающей Красной Армии.

Падение власти Колчака на Дальнем Востоке было предопределено разгромом его сил на Урале и в Сибири Красной Армией.

¹ В Южном Приморье и некоторых других районах Дальнего Востока процент украинцев был весьма значительным.

² ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1147, л. 329.

Под командованием М. В. Фрунзе южная группа войск Красной Армии в апреле 1919 г. перешла в решительное наступление против колчаковских сил. 1 июля Красная Армия освободила Пермь, 14 июля — Екатеринбург, 25 июля — Челябинск, 14 ноября — Омск.

После освобождения Омска частями Красной Армии отступление колчаковских войск превратилось в беспорядочное бегство. На линию Сибирской железнодорожной магистрали вышли сибирские партизаны, которые оказали большую помощь Красной Армии, преследуя отступающих на Восток колчаковцев и интервентов. 7 января 1920 г. Красная Армия освободила Красноярск. 21 января 1920 г. власть в Иркутске перешла в руки Иркутского военно-революционного комитета¹.

Успехи Красной Армии в борьбе против колчаковских войск облегчались прогрессирующей неустойчивостью последних. Рядовые армии Колчака, набранные в основном из крестьян, не хотели сражаться за интересы русских и иностранных эксплуататоров. На настроении солдат сказывалось глубокое недовольство широких трудящихся масс Сибири буржуазно-помещичьей диктатурой. Большую роль играла разъяснительная работа, которую проводили среди мобилизованных в белогвардейскую армию большевики. Все это, вместе взятое, усиливало дезертирство, приводило к снижению боеспособности армии Колчака.

Успехи Красной Армии способствовали усилению подъема партизанского движения. В декабре 1919 г. при областном комитете РКП(б) был создан военно-революционный штаб во главе с С. Лазо. Штаб развернул агитационную работу среди солдат в колчаковской армии, в результате которой произошли восстания в ряде гарнизонов. Так, 28 декабря произошло восстание белогвардейского гарнизона в Шкотово, солдаты которого соединились с партизанами Сучанского и Никольско-Уссурийского районов. Белогвардейские власти решили в декабре 1919 г. мобилизовать для подавления восстаний 10 старших возрастов казаков. Однако эта попытка не удалась. Казаки также стали уходить к партизанам. Белогвардейская диктатура доживала последние дни.

¹ 15 января 1920 г. в Иркутске Колчак был арестован, а 7 февраля 1920 г. расстрелян по постановлению Иркутского военно-революционного комитета.

В декабре 1918 — январе 1920 г. Дальневосточный областной комитет РКП(б) вел усиленную работу по укреплению партизанских отрядов и подготовке переворота в гарнизонах белогвардейских войск. 25 января 1920 г. Дальневосточный областной комитет РКП(б) принял постановление вести организацию переворота под лозунгом перехода власти к областному земству¹. В воззвании Дальневосточного областного военно-революционного штаба большевиков к солдатам и офицерам владивостокского гарнизона от 25 января 1920 г. заявлялось, что, несмотря на стремление солдат бороться за восстановление Советской власти, этого нельзя добиться ввиду присутствия войск интервентов².

В это время произошел ряд новых восстаний в колчаковских частях. 26 января 1920 г. партизаны заняли Никольск-Уссурийский. 30 января 1920 г. Дальневосточный областной комитет РКП(б) в воззвании к рабочим и солдатам сообщил, что он следит за развивающимися событиями и в нужный момент призовет рабочих и солдат к восстанию. Одновременно с этим еще раз указывалось, что в силу международных условий в городах Дальнего Востока нельзя вести восстание под советскими лозунгами. Об этом красноречиво говорило опубликованное 30 января 1920 г. во Владивостоке и других городах Дальнего Востока объявление японского командования. В нем в целях маскировки истинных целей японского империализма лицемерно заявлялось, что «японское командование гарантирует поддержание порядка для беспрепятственного проезда чешских войск на родину». В объявлении также указывалось на необходимость не допускать вооруженных столкновений, беспорядков, порчи железных дорог, не оказывать сопротивления союзному командованию, а также в политическом отношении не признавать большевизм. В случае нежелания выполнять вышеизложенные условия японское командование угрожало принять меры по своему усмотрению³. В этой обстановке Дальневосточный комитет выдвинул лозунг передачи власти областной земской управе.

31 января 1920 г. во Владивостоке началось восстание. Город заняли революционные войска и партизаны. Став-

¹ См. «Красный архив», т. 3 (82), 1937 г., стр. 60.

² См. там же, стр. 71.

³ «Дальний Восток», 31 января 1920 г.

ленник Колчака генерал Розанов бежал под защиту японцев. Власть перешла к областной земской управе. Японцы вынуждены были объявить о своем «нейтралитете». В Благовещенске 5 февраля 1920 г. власть перешла в руки Советов. 16 февраля 1920 г. Хабаровск был занят революционными войсками, которые вместе с партизанами выбивали белогвардейцев из их последних опорных пунктов.

Между тем среди буржуазии и правительства Антанты, осуществлявшей антисоветскую интервенцию, стали наблюдаться некоторые колебания. Часть из них видела, что в их войсках, находившихся в России, шел процесс революционизирования. Так, в 1919 г. в результате большевистской агитации в войсках интервентов на Дальнем Востоке отмечались революционные выступления. Усилилось разложение японских, американских, английских и других интервенционистских войск¹. Продолжение интервенции в России, требовавшей огромных сил и средств, чревато было опасностью перенесения революции в страны Антанты, где все более и более росло движение масс в поддержку Советской России.

Неспокойно было и в «тылах» империализма. Победы Красной Армии над войсками интервентов вселяли в трудящихся колониальных и зависимых стран уверенность в возможности успешной борьбы против империалистического гнета.

После Октябрьской революции резко усилилось революционное антиимпериалистическое движение в Китае и Корее.

Глубокое впечатление на китайский народ произвела политика дружбы и равноправия, которую проводило Советское правительство по отношению к Китаю с первых дней существования Советской власти. В июле 1919 г. правительство Советской России в специальной декларации известило китайский народ о своем отказе от привилегий, которые имела царская Россия в Китае, и предложило китайскому правительству заключить договор на основе полного равенства. Китайские солдаты, направленные реакционным пекинским правительством во Владивосток, Хабаровск и Забайкалье, не хотели воевать против русских рабочих и крестьян.

¹ См. «Исторический журнал» № 6, 1937 г.

Более того, тысячи китайцев, проживавших на русском Дальнем Востоке, вступили в партизанские отряды Красной Гвардии и вели борьбу с интервентами и белогвардейцами.

Революционная борьба трудящихся России и, в частности, трудящихся Дальнего Востока оказала большое влияние на корейский народ. В марте 1919 г. в Корее начались народные восстания против японских колонизаторов.

Значительная часть трудящихся корейцев, проживавших на русском Дальнем Востоке, принимала активное участие в боях против интервентов и белогвардейцев¹.

Корейские революционеры помогали разоблачать японских шпионов и провокаторов. Значительное количество китайцев и корейцев сражалось в интернациональных красногвардейских частях. Многие из них затем вернулись на родину и продолжали там революционную работу. Число корейцев, сражавшихся в рядах революционных войск и в партизанских отрядах Советского Дальнего Востока, достигало 3 тыс. человек².

В конце ноября 1919 г. военный министр Японии генерал Танака настаивал на немедленной посылке дополнительных японских войск на Советский Дальний Восток, заявляя, что «Япония много сырья получает из Сибири. Распространение большевизма в Сибири коснулось бы Японии и Кореи, в последней теперь брожение умов»³. Поэтому Япония, по мнению Танака, должна была «единолично охранять Забайкалье». Однако между членами японского правительства возникли разногласия по поводу посылки подкреплений в Сибирь, кроме того, японское правительство должно было согласовать этот вопрос с правительством США, так как по решению совета премьеров стран Антанты от 13 декабря 1919 г. вопрос о посылке войск в Сибирь, а также о помощи белогвардейцам в этом районе мог быть решен лишь по соглашению между США и Японией⁴.

Япония не могла решиться на продолжение интервенции, не получив хотя бы моральной поддержки США и других держав. Посол США в Японии Моррис 24 ноября

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1, оп. 4, д. 20, л. 5.

² ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 610, л. 1.

³ «North China star», 27 ноября 1919 г.

⁴ См. «Foreign Relations», т. IX, 1919, стр. 857—858.

1919 г. писал государственному секретарю о том, что японское правительство не чувствует себя готовым вынести общественные и финансовые тяжести, которые связаны с созданием зоны безопасности к востоку от Байкала, и что «мировое мнение чрезвычайно затруднит в конечном счете присвоение такой зоны Японией в качестве вознаграждения за ее усилия»¹.

Японское осведомительное бюро во Владивостоке 25 декабря 1919 г. опубликовало сообщение о том, что японское правительство согласилось с политикой союзников с оговоркой, что оно «будет следовать ее принципам до известного предела в зависимости от положения дел в Сибири»².

22 декабря 1919 г., как сообщало японское осведомительное бюро, вопрос об интервенции на Дальнем Востоке обсуждал дипломатический совет Японии, высказавшийся против вывода японских войск из Сибири. Что касается посылки подкреплений японским экспедиционным силам, то совет решил дожидаться ответа правительства США на ранее сделанный японским правительством запрос: не возражают ли США против отправки новых частей японской армии на русский Дальний Восток³. В связи с данным запросом посол США в Токио Моррис заявил, что он разделяет мнение японского правительства «о необходимости посылки дополнительных японских войск в Сибирь и надеется получить благоприятный ответ своего правительства»⁴.

Американская дипломатия в это время поощряет Японию к продолжению интервенции. Американский дипломат генерал Шерриль, выступая с речью на банкете в Токио, советовал Японии отказаться от своего мандата на Маршалские и Каролинские острова и добиваться санкции США и Англии на расширение сферы своего влияния в Восточной Сибири⁵. По сообщению японского

¹ «Foreign Relations», Russia, 1919, стр. 601.

² «Эхо», 25 декабря 1919 г.

³ См. там же.

⁴ «Эхо», 18 декабря 1919 г.

⁵ В 1920 г. в мартовском номере журнала «Seribners magasine» Ч. Шерриль опубликовал статью, в которой писал о том, что «Япония нуждается в новых территориях для естественного прироста населения», которые могут быть захвачены Японией на континенте лишь в результате войны против России.

осведомительного бюро, переговоры между государственным секретарем Лансингом и японским послом в Вашингтоне Сидехара об интервенции на Дальнем Востоке шли в дружественном тоне. Японское правительство довело до сведения США, что Япония сохранит свои войска в Сибири и будет действовать в полном согласии с Америкой¹.

Что касается правительств США, Англии и Франции, то они перед лицом роста революционного движения в этих странах отказались от непосредственной вооруженной борьбы против Советской России. В своих планах задушить рабоче-крестьянскую власть они делают теперь основную ставку на Польшу, Японию, Финляндию и другие государства, граничащие с Россией, а также на недобитые силы внутренней контрреволюции. Показательно в этой связи письмо видного деятеля русской контрреволюции Маклакова, написанное им из Парижа генералу Деникину в начале 1920 г. В нем он, в частности, отмечал, что западные державы стремятся «допустить Германию и Японию покончить с большевизмом, предоставив им за это серьезные экономические выгоды в России»².

27 декабря 1919 г. командующий американскими экспедиционными войсками генерал Грэвс телеграфировал военному департаменту: «Безопасность американских войск требует их концентрации, в результате чего нами должна быть оставлена часть участка»³.

В ответ на это 29 декабря Грэвс получил телеграмму: «Вам сообщается весьма конфиденциально, что в течение ближайших дней надлежит ожидать получение приказа об эвакуации всего нашего отряда. Сохраняйте это в строгом секрете до получения вами приказа»⁴.

В ноте американского правительства японскому правительству, датированной 10 января 1920 г., указывалось, что правительство США не считает возможным послать новые значительные подкрепления на Дальний Восток. Наличное количество американских войск, не обеспечивая успеха, может создать серьезные осложнения и повлечь за собой бесцельные для США жертвы.

¹ См. «Эхо», 31 декабря 1919 г.

² А. И. Деникин, Очерки русской смуты, т. V, стр. 185.

³ Грэвс, Американская авантюра в Сибири, стр. 212.

⁴ Там же.

В силу этих обстоятельств правительство США решило эвакуировать свои войска приблизительно 10 февраля 1920 г. и одновременно с этим отозвать американских железнодорожных экспертов. Таким образом, правительство США признало провал собственной политики прямой вооруженной интервенции на Дальнем Востоке.

В конце января 1920 г. с заявлением об эвакуации американских войск из Сибири выступил военный министр США Бэкер, который говорил, что «долг союзников привести большевиков к смирению тем же путем, что и Германию, но так как это в данный момент невыполнимо, то Соединенные Штаты совершенно отзовут свои войска из Сибири... Этот поступок не выказывает ни одобрения, ни порицания японскому предложению увеличить войска в Сибири, дабы помешать большевистскому проникновению на Дальний Восток»¹. А в заявлении правительства США от 30 января о выводе американских войск из Сибири прямо указывалось, что США не будут противодействовать японским мероприятиям «для достижения целей, ради которых американское и японское правительства» начали интервенцию в Сибири².

1 апреля 1920 г. американские войска в основном окончили свою эвакуацию из Владивостока, однако на рейде у Владивостока остался американский крейсер, а на Русском острове — вооруженный американский отряд. К этому же времени были эвакуированы английские, чехословацкие, французские, итальянские и другие интервенционистские войска, за исключением японских.

Выводом американских, английских войск и войск других империалистических держав с территории Советского Дальнего Востока кончается первый этап интервенции, когда на Дальнем Востоке и в Сибири действовали войска нескольких держав.

Империалистическая Япония, располагавшая на Дальнем Востоке более значительными вооруженными силами, чем другие державы, не отказалась от военной интервенции и не вывела войск с Советского Дальнего Востока.

В декабре 1919 г., когда разгромленные Красной Армией остатки колчаковских войск беспорядочно отступали на восток, японское командование приняло ряд мер для

¹ «Дальний Восток», 29 января 1920 г.

² См. «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 501.

того, чтобы обеспечить своему ставленнику Семенову видимость «законности» его власти и распространить власть семеновского «правительства» на весь Дальний Восток. Направленный к Колчаку представитель атамана Семенова полковник Сырбаярский на приеме у Колчака 21 декабря 1919 г., а затем в докладах от 22 и 23 декабря на имя Колчака упорно добивался назначения Семенова главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока¹. Колчак вначале медлил с назначением Семенова, но колебания Колчака не могли долго продолжаться, ибо он с остатками своих войск вступил в Забайкалье, где реальная власть находилась в руках японцев и их ставленника Семенова.

5 января 1920 г. в Нижнеудинске Колчак подписал указ о передаче «Верховной Всероссийской власти» главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину и предоставлении всей полноты власти на российской восточной окраине атаману Семенову. «В 1920 году Семенов, по указу Колчака, принял на себя командование всеми вооруженными силами Российской восточной окраины и договорился с японскими захватчиками об отторжении от России Советского Приморья и передачи его японцам...»²

Поражение вооруженных сил Колчака, рост партизанского движения на Дальнем Востоке, дальнейшее укрепление Советской России заставили японских империалистов в декабре 1919 г. и в январе 1920 г. выступить с рядом «миролюбивых» деклараций о «невмешательстве» во внутренние дела русских и т. п. Но эти декларации были сделаны с целью маскировки подготовлявшегося нового разбойничьего нападения на Дальний Восток.

Японские империалисты еще надеялись силой оружия задушить революцию и добиться захвата русского Дальнего Востока. Решение японского правительства о про-

¹ См. «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 1, Чита — Владивосток 1923, стр. 246.

² «Судебный процесс по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Семенова, Родзаевского и др. Обвинительное заключение», «Правда», 28 августа 1946 г.

должении интервенции встретило полную поддержку со стороны правительства США, Англии и Франции.

Вывод американских войск с территории Советского Дальнего Востока не означал прекращения американской интервенции; правящие круги США и позднее продолжали активно вмешиваться в дела русского Дальнего Востока, стремились удержать и укрепить здесь свои позиции, используя свою промышленную и финансовую мощь. При этом они оказывали всемерную помощь вооружением и финансами белогвардейской контрреволюции.

Таким образом, обстановка на русском Дальнем Востоке после эвакуации войск США и других империалистических держав продолжала оставаться напряженной.

•

ГЛАВА III

ОБРАЗОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ. АМЕРИКАНСКАЯ И ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

(Апрель 1920 г. — апрель 1921 г.)

1. Выступление японской военщины 4—5 апреля 1920 г. и начало второго этапа интервенции

Рабочие и крестьяне Дальнего Востока, возглавляемые большевиками, продолжали вести героическую борьбу против интервентов, за освобождение края и восстановление Советской власти на территории всего Дальнего Востока. 21 февраля 1920 г. Центральное бюро профсоюзов Благовещенска приняло решение объявить бойкот японским интервентам и представителям японского капитала. Членам профсоюза предлагалось прекратить работу на японских предприятиях и в учреждениях и воздержаться от каких бы то ни было сношений с японцами¹.

Борьба трудящихся масс против интервентов и белогвардейцев находила свое наиболее яркое выражение в усиливавшемся партизанском движении в Забайкалье, на Амуре и в других районах русского Дальнего Востока.

Однако ухудшение международного положения Советской России в связи с подготовкой третьего похода Антанты, неоднократные заявления представителей японского правительства о его стремлении воспрепятствовать установлению Советской власти в дальневосточных областях России заставили, как указывалось ранее, партию большевиков временно отказаться от провозглашения Советской власти на Дальнем Востоке и принять все меры для предотвращения вооруженного столкновения с Японией.

После 31 января 1920 г. во Владивостоке было сформировано коалиционное областное земское правитель-

¹ См. С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 160.

ство. Руководящую роль в правительстве играли большевики. Во главе финансово-экономического совета стоял большевик П. Никифоров. Он же являлся и заместителем главы правительства. Большевики С. Лазо, В. Сибирцев и А. Луцкий фактически руководили военным советом земского правительства. Влияние Коммунистической партии в массах намного выросло. 8 марта 1920 г. во Владивостоке проходили выборы в городскую думу; во время выборов большевики получили 10 813 голосов из 12 428, или 87% голосов. Опираясь на рабочих и партизанские отряды, приморская большевистская организация через земскую управу проводила в жизнь революционные мероприятия. Была национализирована внешняя торговля, на предприятиях установлен рабочий контроль.

Империалисты поняли, что им не удастся превратить земское правительство в свою послушную марионетку и что большевики ни на минуту не прекратят борьбы за освобождение края. Тогда японское правительство стало готовить разгром революционных организаций трудящихся. Об этом свидетельствовал ряд фактов. В январе 1920 г. в газете «Джапан таймс энд Мэйл» (орган японских милитаристов) появилась статья, перепечатанная затем газетой «Норт чайна стандарт». В этой статье говорилось о скором военном столкновении в Сибири, которое будет «оборонительным наступлением на Восточную Сибирь», что Англия и Франция хотя и желают «покончить с анархией в России, но физически не в состоянии этого сделать. Япония может нанести удар»¹.

Выступление японских империалистов в Приморье было одним из звеньев третьего похода Антанты и было согласовано с общими планами борьбы империалистов против Советской России. Агентура империалистов тщательно следила за действиями земского правительства во Владивостоке. В ответ на запрос государственного департамента генеральный консул США в Иркутске Гаррис, находившийся в это время во Владивостоке, сообщал 28 февраля 1920 г.:

«Имеются всяческие указания на то, что управление земства во Владивостоке и другие так называемые социалистические революционные правительства, которые возникли в Сибири между большевистским фронтом и

¹ «North China Standard», 14 января 1920 г.

Владивостоком, скоро потеряют свою автономию и непосредственно перейдут под управление Москвы. Ни одно из этих правительств не является в настоящее время антибольшевистским, но являются, по моему суждению, просто ожидающими ухода всех иностранных войск из Сибири, чтобы немедленно присоединиться к большевикам»¹.

Для улучшения своего стратегического положения японское командование, боявшееся ударов революционных войск и красных партизан, в феврале 1920 г. начало эвакуировать свои войска из Амурской области и концентрировать их в северной части Приморья, в районе Хабаровска и его окрестностях.

В 1920 г. на Дальнем Востоке находилось 11 японских пехотных дивизий численностью около 175 тыс. человек из числа 21 дивизии, которые Япония имела в то время; кроме того, сюда были направлены крупные военные корабли и морская пехота².

Во Владивостоке насчитывалось около 10 тыс. японских солдат и офицеров; кроме того, на рейде Владивостокской гавани стоял японский броненосец «Хидзен» и несколько мелких военных судов. Японские войска были хорошо вооружены, имели значительное количество артиллерии. В Хабаровске в конце марта было 9500 человек японской пехоты и около 500 человек кавалерии³. Значительные японские гарнизоны были в Шкотово, Раздольном, Никольске-Уссурийском, Спасске и в ряде других пунктов.

Войска интервентов захватили ряд важнейших пунктов Владивостокского крепостного района, укрепили занятые стратегические позиции, казармы и подступы к ним. Были намечены сборные пункты для невоенного японского населения. Подданным Японии, проживавшим в Хабаровске без военных целей, было дано указание выехать из Хабаровска до 16 марта 1920 г.⁴

¹ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 545.

В ответе Гарриса имеется ошибка, так как на 28 февраля 1920 г. земское правительство существовало только во Владивостоке, а других революционных правительств переходного типа на территории, указанной Гаррисом, не было.

² См. «Известия», 11 сентября 1951 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 41, л. 25.

⁴ Там же, л. 7.

Подготовив силы для вооруженного выступления в Приморье, японское командование организовало ряд провокаций, изыскивая предлог для выступления. Наиболее крупной провокацией японских империалистов явились события 12—15 марта 1920 г. в Николаевске-на-Амуре, когда японские войска напали на партизан, вступивших в город 29 февраля 1920 г. и подписавших мир с японским командованием. Несмотря на неожиданность нападения, партизаны в четырехдневном бою разбили японцев. Остатки японского гарнизона — около 130 человек — сдались в плен. Японские империалисты намеренно извратили характер событий в Николаевске-на-Амуре и использовали их для обработки общественного мнения своей страны.

Советское правительство неоднократно предлагало японскому правительству начать переговоры о мире, но оно оставляло эти предложения без ответа. Сосредоточив войска в важнейших населенных центрах Приморья, японская военщина все более и более нагнала. Провокации участились. 31 марта 1920 г. была опубликована декларация, в которой заявлялось, что Япония «не в состоянии немедленно убрать войска» из Сибири, а сможет это осуществить, «как только политические условия в территориях, примыкающих к нашей стране, уладятся, как только будет устранена угроза Маньчжурии и Кореи, будет обеспечена сохранность жиней и имущества японских граждан...»¹ Это заявление означало продление оккупации на неопределенное время. В начале апреля 1920 г. японский посол в США информировал государственный департамент о том, что «политическое положение, создающееся сейчас в Восточной Сибири», не дает Японии возможности отозвать свои войска². Это было сделано с целью предупредить США о новой военной провокации японского империализма. Для того чтобы отвлечь внимание от подготовлявшегося вооруженного выступления, японское командование предъявило 2 апреля временному правительству приморской областной земской управы ряд требований, в частности требование обеспечить пребывание японских войск «в смысле предоставления им всех необходимых для такого пребывания средств, т. е.

¹ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 505.

² См. там же, стр. 506.

расквартирования, продовольствия, путей сообщения, корреспонденции и т. п.»¹

Эти требования носили весьма стеснительный характер. Но революционные власти во избежание вооруженного конфликта согласились их рассмотреть.

Для этого была образована смешанная русско-японская комиссия, которая после двухдневных заседаний пришла к полному соглашению: были приняты почти полностью все шесть японских условий. Заседания комиссии окончились 4 апреля. Японцы стремились создать впечатление, что конфликт полностью разрешен мирным путем, и тем усыпить бдительность русских революционных властей накануне выступления.

Хорошо вооруженные японские войска в Приморье в 5 раз превышали силы русских. Все русские военные склады оружия и снаряжения находились под японской военной охраной. Большевики Дальнего Востока приняли все меры к тому, чтобы не дать японскому командованию повода для вооруженного выступления.

В ночь с 4-го на 5-е или рано утром 5 апреля японские войска во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Спасске, Шкотово, Посъете, Раздольном и ряде других городов и сел без всякого предупреждения напали на революционные войска и мирных жителей. Выполняя приказ не оказывать сопротивления, революционные войска под обстрелом японцев отступили. Часть войск была вынуждена сложить оружие. Но в ряде пунктов революционные войска дали отпор. По японским официальным сведениям, во время боев в Хабаровске 5 апреля японские войска потеряли убитыми 5 офицеров и 77 солдат и ранеными — 7 офицеров и 177 солдат².

В Спасске бои продолжались до 12 апреля. Японцы потеряли там 500 человек убитыми и ранеными.

По всему Приморью свирепствовала японская военщина. Оккупанты врывались в военные и правительственные учреждения, в частные дома и квартиры, обыскивали, грабили и убивали³.

Японские интервенты стремились в первую очередь уничтожить руководителей большевистских организаций,

¹ В. Г. Болдырев, Директория, Колчак, Интервенты, Ново-Николаевск 1925, стр. 327.

² См. «Владиво-Ниппо», 15 апреля 1920 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-50, оп. 3, д. 68, л. 101.

разгромить профсоюзы, терроризировать народ. Они проводили массовые аресты и расстрелы, арестованных подвергали пыткам и издевательствам. В Хабаровске было убито и ранено более 2500 человек, в Шкотове — убито 300 и ранено более 100 человек¹. В ночь на 5 апреля были арестованы члены военного совета — С. Лазо, В. Сибирцев, А. Луцкий. Их не удалось спасти. В конце мая 1920 г. японцы сожгли их живыми в топке паровоза на станции Муравьево-Амурская (сейчас станция Лазо).

Японские захватчики разгромили Корейскую слободу во Владивостоке и убили там несколько десятков человек, сожгли школу и произвели массовые аресты. Кореец Ким, арестованный японцами, вырвавшись из японских застенков, рассказал: «Меня под конвоем отправили в японское жандармское управление, где мне было заявлено, что я подозреваюсь в участии в большевистском движении и в корейских революционных организациях. После моего отрицательного ответа на поставленные мне вопросы на меня напали японские жандармы и в присутствии офицера начали избивать. Один бил меня прикладом, а другой после моего падения начал топтать меня ногами. . . Они привязали меня за правую ногу и повесили на крючок, вбитый в стену, головой вниз. В таком положении избивали кулаками и вливали мне какую-то грязную жидкость из чайника в рот и нос, благодаря чему я задышался, так как дышать было крайне трудно. Затем жандармы принесли заостренную с одного конца проволоку и заявили, что если я не повинюсь, то они покалечат меня этой проволокой, и начали мне колоть правую руку в локте, но в это время я потерял сознание»².

Возмущенные кровавым злодеянием, трудящиеся всех областей Дальнего Востока усилили борьбу против интервентов. Созданный большевиками Военно-революционный штаб Приморской области перевел партийные организации в районах, захваченных японцами, на нелегальное положение, вывел партизан из района Владивостока, Никольска-Уссурийского и ряда других пунктов в тайгу. Под руководством партийных организаций стали создаваться новые партизанские отряды.

¹ См. П. Антохин, Из истории борьбы за власть Советов в Приморье, Владивосток 1947, стр. 43.

² ЦГАДВ, ф. Р-50, оп. 3, д. 68, л. 87.

Большевики приняли чрезвычайные меры для защиты Амурской области от японского вторжения. Происходивший в это время в Благовещенске VIII съезд трудящихся Амурской области избрал Военно-революционный комитет¹, которому была передана вся власть в области. Военно-революционный комитет объявил Амурскую область на военном положении и приступил к формированию частей регулярной Красной Армии, которые создавались из партизанских отрядов.

8 апреля 1920 г. военный комиссар Амурской области С. Серышев с первым отрядом прибыл под Хабаровск и приступил к организации обороны.

В короткий срок из партизанских отрядов, переброшенных на левый берег Амура, и вооруженных отрядов Амурской области была создана Амурская Красная Армия², которая преградила японским войскам путь в Амурскую область и в начале мая 1920 г. в бою у Бешеной протоки отбила попытку японцев переправиться на левый берег Амура.

Одновременно с вооруженной борьбой партийные организации приняли меры к мобилизации трудящихся для новых боев с интервентами.

Дальневосточный краевой комитет РКП(б) в воззвании «Ко всему населению» писал:

«Дальневосточный краевой комитет Коммунистической партии призывает население Владивостока и его окрестностей, а также население всего края:

1. В данный момент всеми средствами поддерживать временное правительство Дальнего Востока, утвержденное съездом трудящихся всего края.

2. Теснее сплотиться вокруг своих классовых и политических организаций и без их ведома и призыва не предпринимать никаких выступлений. Все должны проявить максимум революционной дисциплины и никаким провокациям не поддаваться. Весь материал о выступлении японцев во Владивостоке и крае широко оглашать в печати, передавая его через свои организации»³.

¹ Председателем Военно-революционного комитета был избран С. Шилов.

² Вскоре Амурская Красная Армия в связи с тем, что Амурская область вошла в состав ДВР, влилась в Народно-революционную армию.

³ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 25, л. 133.

Рабочие — члены индустриального союза по грузовым работам Владивостокского порта на общем собрании 18 апреля приняли резолюцию, выражавшую протест против кровавых насилий¹. На съездах и собраниях крестьян также принимались гневные резолюции протеста против действий интервентов².

Организации Коммунистической партии призывали трудящихся Дальнего Востока готовиться к новым боям. В газете «Красное знамя» от 27 апреля 1920 г. в связи с похоронами жертв кровавых событий 4—5 апреля было помещено обращение, заключенное в траурную рамку, в котором писалось: «...В настоящий момент, когда наш край содрогается от ужасов «разоружения» наших войск, постыдны слезы, преступно отчаяние. Нам, оставшимся в живых, нужна огромная выдержка, глубокое понимание момента. . . Борьба с империализмом, как и всякая борьба, знает свои победы и поражения. От поражения идут к победе, так и сейчас».

6 апреля вечером состоялись два совещания межсоюзнических представителей во Владивостоке. На первом присутствовали военные, на втором — консульский корпус. Но никаких мер, направленных против японского террора, эти совещания не предприняли. Было ясно, что представители империалистических держав фактически поддерживали японскую авантюру. И действительно, когда русские патриоты стали сообщать в местной прессе о японских зверствах, то в ответ на это глава японской дипломатической миссии во Владивостоке Мацудайра заявил: «Японская политика в Сибири сплошь и рядом истолковывается совершенно неправильно. Прежде всего, японская политика в Сибири не представляет из себя чего-либо сепаратного, а находится в полном соответствии с общесоюзной политикой, многократно декларированной со времени посылки войск»³. Американские и английские представители не опровергли этого заявления. Правда, американский консул во Владивостоке в связи с выступлением Мацудайра опубликовал телеграмму государст-

¹ См. «Красное знамя», 24 апреля 1920 г.

² Резолюция, принятая 18 апреля 1920 г. Сучанским волостным съездом трудящихся, оканчивалась словами: «Долой насилие чужеземцев. Да здравствует воссоединение с Советской Россией!» (см. ЦГАДВ, ф. Р-471, оп. 1, д. 1, л. 19).

³ «Красное знамя», 28 апреля 1920 г.

венного департамента США, в которой утверждалось, что США не подписывали с Японией новых соглашений о Восточной Сибири после заключения соглашения 1919 г. о межсоюзном железнодорожном комитете¹. Однако государственный департамент даже формально не осудил террора японских милитаристов. Было ясно, что правительство США не возражало против японской авантюры.

Власть временного правительства областной земской управы была восстановлена с 6 апреля. В условиях глубокого возмущения трудящихся масс кровавыми злодеяниями интервентов японское командование не могло создать какого-либо другого правительства, пользовавшегося хотя бы малейшим авторитетом. Но японцы приняли целый ряд мер для ограничения власти областной земской управы и закрепления своего господствующего положения в Приморье. В связи с отступлением и разоружением революционных войск временное правительство лишилось вооруженной силы. По всей области были организованы японские жандармские управления, вмешивавшиеся в административную работу русских правительственных органов².

Для рассмотрения вопросов, связанных с событиями 4 и 5 апреля, была создана специальная русско-японская согласительная комиссия, первое заседание которой состоялось 17 апреля. После почти двухнедельных заседаний 29 апреля 1920 г., вечером, было подписано соглашение русского и японского командования. По этому соглашению:

«1. Русское военное командование, с одной стороны, и японское военное командование — с другой, взаимно согласились... немедленно прекратить военные операции между отрядами русских и японских войск...»

2. Русские вооруженные силы независимо от того, к каким политическим партиям или группировкам они принадлежат, не должны располагаться одновременно с японскими войсками в пределах следующих районов:

а) в пределах линии, проходящей в 30 км от крайней точки, занятой японскими войсками, вдоль Уссурийской ж. д., с одной стороны, и линией русско-китайско-корейской границы с запада и юга — с другой;

¹ См. «Дальневосточное обозрение», 14 мая 1920 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-50, оп. 3, д. 68, л. 181.

б) в пределах линии, проходящей вдоль Сучанской ж. д. по реке Сучан от ее конца на 30 км по обе стороны»¹.

Затем в соглашении был предусмотрен порядок отвода русских войск из установленной зоны, которая должна была находиться под контролем японских войск. Контингент милиции в установленной зоне и в городе Владивостоке должен был согласовываться с японским командованием. Все склады оружия и боеприпасов, захваченные японцами, а также военные фабрики и заводы переходили в распоряжение японского командования. Соглашением также было предусмотрено «право распоряжения казармами, занятыми и занимаемыми японскими войсками». 7 мая было принято продиктованное японским командованием соглашение об Уссурийской железной дороге, по которому японское командование сохраняло право контроля над работой железной дороги и право вмешиваться в ее внутренний распорядок и управление.

Японское правительство продолжало также держать свои войска в Забайкалье и в апреле 1920 г. оккупировало Северный Сахалин, а затем низовье реки Амура.

Японские империалисты надеялись, что своим кровавым выступлением 4—5 апреля они ослабили силу и влияние большевистской партии, организатора борьбы против интервенции, запугали народ и тем самым создали условия для осуществления своих колонизаторских устремлений.

Воспользовавшись японской интервенцией, вновь активизировали свою деятельность контрреволюционные элементы, в большом количестве скопившиеся на Дальнем Востоке.

2. Образование Дальневосточной республики.

Попытки империалистов создать на русском Дальнем Востоке буржуазное государство

Международная обстановка весной 1920 г. складывалась весьма благоприятно для японских империалистов. США, Англия и Франция толкнули на войну против Советской России буржуазно-помещичью Польшу и Вран-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 382.

геля. В то же самое время они активно поддерживали агрессивные действия японского империализма.

В таких условиях Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение создать на русском Дальнем Востоке республику, буржуазно-демократическую по форме, но находящуюся под руководством большевиков. Это государственное образование могло бы служить своего рода «буфером» между Советской Россией и империалистической Японией, что позволяло предотвратить войну с Японией и подготовить воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией.

В докладе о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. В. И. Ленин говорил: «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики. . . Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»¹.

Создавая Дальневосточную республику, большевики ставили своей задачей ценой наименьших жертв добиться быстрого изгнания японских интервентов с территории Советского Дальнего Востока.

В марте 1920 г. Советское правительство приняло решение о создании Дальневосточной республики. Необходимо отметить, что на пути претворения этого решения в жизнь встретились значительные трудности. Дело в том, что трудящиеся активно боролись за восстановление Советов, и в районах, освобожденных от интервентов и белогвардейцев, утверждалась Советская власть.

Партийные организации Дальнего Востока до получения указаний ЦК РКП(б) о создании «буфера» также проводили работу по советизации Дальнего Востока. В Амурской области Советская власть была восстановлена в феврале 1920 г., 11 марта 1920 г. в Хабаровске земство передало власть Совету. Готовилось восстановление Советской власти в Приморье. На 15 апреля 1920 г. в Хабаровске был назначен краевой съезд Советов Даль-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 435.

него Востока. В таких условиях даже часть коммунистов сразу не поняла необходимости создания ДВР. Надо было довести до сознания масс необходимость создания на короткий срок республики по форме буржуазно-демократической. В этом направлении большую работу проводила большевистская газета «Красное знамя»¹ и другие органы партийной печати на Дальнем Востоке.

13 августа 1920 г. ЦК РКП(б) принял постановление, в котором были изложены пути и методы борьбы за сохранение русского Дальнего Востока от посягательств империалистических держав в условиях «буфера».

В нем говорилось: «Буржуазно-демократический характер буфера является чисто формальным. Введение парламентского строя не должно быть допущено. . . Абсолютно недопустимо формальное отрицание института частной собственности. Но путем ряда ограничений, как например конфискации предприятий врагов народа, особенно бежавших за границу, проведением гос. монополий на хлеб и товарное сырье и других мер, должно быть создано целесообразное для коммунистического руководства промежуточное политическое положение. ЦК РКП руководит политикой ДВР через назначенное из центра Дальбюро, непосредственно подчиняющееся ЦК РКП». Это постановление стало руководящим положением для большевиков Дальнего Востока в период острой и напряженной политической борьбы, не прекращавшейся во все время существования ДВР.

6 апреля 1920 г. съездом трудящихся Прибайкалья было принято решение об образовании ДВР (Дальневосточной республики). Съезд объявил Дальний Восток демократической республикой и избрал временное прави-

¹ В газете «Красное знамя» причины образования Дальневосточной республики объяснялись таким образом:

«Япония после переворота 31 января (1920 г. — С. Г.) заняла следующую позицию в сибирском вопросе: она требует, чтобы на Дальнем Востоке не было Советской власти и чтобы экономическая жизнь строилась на принципах свободы для иностранного капитала. . . Учитывая позицию Японии, Советская Россия и русское население на Дальнем Востоке готовы отказаться от принципов советского строительства на Д. В. С этой целью образуется «буфер». Но этот буфер, образуемый по соглашению сторон, не будет буфером для борьбы с большевизмом и Советской Россией. На это русское население Дальнего Востока никогда не даст своего согласия» («Красное знамя», 27 мая 1920 г.).

тельство. 14 мая 1920 г. правительство РСФСР признало Дальневосточную республику во главе с временным верхнеудинским правительством и заявило о своей готовности немедленно вступить с ним в официальные дипломатические переговоры. Первоначально власть этого правительства распространялась лишь на территорию Прибайкалья. В конце мая Амурская область признала власть верхнеудинского правительства.

ЦК РКП(б) руководил организацией ДВР и деятельностью правительства ДВР через Дальбюро ЦК РКП(б), непосредственно подчинявшееся Центральному Комитету партии.

В период образования ДВР большевики развернули большую работу по мобилизации рабочих и крестьян на борьбу за образование такого буферного государства, которое не смогли бы использовать в своих интересах ни интервенты, ни другие контрреволюционеры. Эта работа требовала усиления большевистского руководства всеми массовыми организациями трудящихся. В этой связи в инструкции для членов партии владивостокской организации РКП(б), принятой на городской партконференции в июне 1920 г., указывалось, что «каждый член организации должен состоять в профессиональном союзе и принимать в его работе активное участие»¹.

В июле 1920 г. состоялась Приморская областная конференция РКП(б), на которой был заслушан доклад о текущем моменте и намечены методы дальнейшей борьбы против интервентов и белогвардейцев. Руководимое ЦК РКП(б) Дальбюро ЦК РКП(б) приняло ряд мер по укреплению партийных организаций. Была проведена большая работа по увеличению их численности, улучшению ее социального состава и поднятию партийной дисциплины. В обращении Дальбюро ЦК РКП(б) к коммунистам Дальнего Востока, написанном в начале января 1921 г., указывалось на необходимость всемерного укрепления партийных организаций. Вот содержание этого обращения: «Укрепляйте партию».

«Ко всем членам РКП(б) на территории ДВР.

Товарищи! Перед Коммунистической партией на Дальнем Востоке стоят задачи чрезвычайной важности, возложенные на нее российским пролетариатом и историче-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 1, л. 58.

ским ходом мировой социалистической революции. Находясь между империалистическими державами востока и Сов. Россией, мы должны бережно охранять РСФСР...

Нам предстоит еще выдержать напор со стороны интервентских сил и находящихся на их службе русских белогвардейских банд. Наряду с этим перед нами стоит длительная и весьма трудная борьба с внутренней разрухой — разрухой транспорта и производства... Выполнить лежащие перед нами задачи мы сможем только при соблюдении одного основного условия — если здесь на территории Дальнего Востока создастся дисциплинированная коммунистическая организация с гибким и отзывчивым партийным аппаратом и если все члены нашей партии действительно будут глубоко проникнуты коммунистическим сознанием. Поэтому лозунг «укрепляют партию» является боевым лозунгом момента»¹.

По всему Дальнему Востоку проходили съезды трудящихся. На съездах представители партии большевиков разъясняли трудящимся сущность новых форм борьбы против интервентов и белогвардейцев. ДВР должна была явиться необходимой ступенью в борьбе за установление Советской власти на Дальнем Востоке.

Буржуазная печать в угоду японо-американским хозяевам всячески пропагандировала мысль, что Дальний Восток покинут Советской Россией и что для народа Дальнего Востока остается единственный выход — подчиниться империалистам.

Разоблачая эту враждебную пропаганду, газета «Красное знамя» писала: «Нет советских войск на Дальнем Востоке — и политиканствующая обывательщина готова расценивать Советскую Россию, как почти-что не существующий фактор в определении ближайших судеб Дальнего Востока... Предоставленные самим себе, мы бы не умирали, а умерли тотчас же одним взмахом... И если мы все еще держимся на поверхности, то этим мы обязаны Советской России»². Чтобы завершить образование ДВР и объединение областей Дальнего Востока, необходимо было разгромить банды атамана Семенова в Забайкалье и освободить Хабаровск, где продолжали оставаться японские войска.

¹ «Известия Дальневосточного бюро ЦК РКП(б)» № 1, 15 января 1921 г., стр. 1.

² «Красное знамя», 6 мая 1920 г.

Японское командование в Забайкалье оказывало поддержку остаткам разгромленных колчаковских войск, так называемых каппелевцев, которые под командованием Войцеховского в феврале 1920 г. вступили в Верхнеудинск и пополнили банды атамана Семенова. Семенов сформировал в Чите «правительство Российской восточной окраины» во главе с кадетом Таскиным. Семенов, располагая крупными денежными средствами, через своих агентов в Харбине, где скопились многочисленные кадры белогвардейской эмиграции, вербовал офицеров и солдат для пополнения армии.

Из частей 5-й Красной Армии и партизанских отрядов, освободивших общими силами 1 марта 1920 г. Верхнеудинск от белогвардейцев и интервентов, была создана Народно-революционная армия ДВР. Народно-революционной армии (НРА) пришлось взять на себя основную тяжесть вооруженной борьбы с белогвардейцами и интервентами на Дальнем Востоке. НРА использовала боевой опыт и революционные традиции Красной Армии. В частях НРА коммунисты вели повседневную политическую работу. Главкомандующим НРА в это время был Эйхе, командующим Восточным фронтом — Д. Шилов.

Несмотря на недостаток вооружения и боеприпасов, Народно-революционная армия 7 апреля 1920 г. начала наступление на Читу с целью разгрома семеновцев и освобождения всего Забайкалья. В боях за Читу выявились высокие боевые и морально-политические качества бойцов и командиров НРА, которые отбросили белогвардейцев и заняли предместье города. Но белогвардейцев поддерживали хорошо вооруженные японские войска, хотя японское командование заявляло ранее о своем «нейтралитете». Народно-революционной армии пришлось отступить от Читы. Однако в апреле 1920 г. НРА нанесла ряд новых крупных поражений семеновским войскам. Японское командование поняло всю безнадежность дальнейшей борьбы в Забайкалье. На заседании кабинета министров Японии было принято решение о выводе японских войск из Забайкалья.

Как уже отмечалось, 21 апреля 1920 г. японские интервенты начали оккупацию Северного Сахалина. В мае они вторично заняли район Николаевска-на-Амуре. Японское командование рассчитывало, что в этих редконаселенных районах будет легче закрепиться.

В этой обстановке 24 мая 1920 г. на станции Гонгота начались предварительные мирные переговоры между представителями ДВР и японским командованием.

15 июля 1920 г. представителями японского командования и мирной делегацией ДВР был подписан договор о перемирии и прекращении военных действий на Забайкальском фронте. Глава японской делегации генерал Такаянаги к договору включил примечание, по которому «войска под командованием Семенова признают настоящий договор, который гарантирован уполномоченными японской экспедиционной армии на территории Дальнего Востока»¹.

Во время переговоров обсуждались вопросы, связанные с образованием буферного государства. В результате было достигнуто соглашение, оформленное в виде ноты и подписанное 16 июля 1920 г. В ноте представители Японии выдвигали следующие требования:

1. «Буферное государство должно поддерживать отношения теснейшей дружбы и близкого общения с Японией».

2. «Буферное государство не положит коммунизм в основу своей социальной системы»².

В отношении эвакуации японских войск представители Японии заявили, что «японская делегация занимает позицию, изложенную в декларации японского правительства от 3 июля», в которой говорилось о продолжении оккупации Приморья, Хабаровска и Сахалинской области на неопределенный срок.

Ведя переговоры с представителями ДВР, японское командование тайно готовило удар на Благовещенск с целью оккупации Амурской области. В секретном приказе военного министра Японии от 12 июня 1920 г. (С/1233) командующему японской сибирской армией приказывалось разработать военно-оперативный план оккупации Амурской области³.

По замыслам японского командования, Хабаровск должен был стать исходным пунктом для удара на Бла-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 387.

² Там же, стр. 388.

³ См. «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. I, стр. 279.

говещенск с последующим захватом Амура от Благовещенска до Николаевска.

В приказе генерала Оой от 2 августа командующему 14-й дивизии отмечалось: «Наступление на Амурскую область должно быть не позже конца августа... По приказу военного министра наша цель должна быть следующая: иррегулярные и большевистские войска должны быть прогнаны из областей, подлежащих оккупации. Если наступление молниеносно произойдет, то мы будем иметь ту пользу, что вышеуказанные войска будут в один месяц разбиты и могут разбежаться в направлении Читы. Старайтесь, чтобы во время наступления комиссары и видные большевики попали в наши руки, чтобы мы с опасностью, которая нам со стороны коммунистов угрожает, раз навсегда покончить могли»¹.

Но победы Красной Армии над белополяками, рост мощи Народно-революционной армии и подъем партизанского движения заставили японских империалистов отказаться от этого плана. На секретном заседании в японском военном министерстве 4 августа 1920 г. было решено: «Отказаться от оккупационных планов в Сибири на некоторое время, оставаясь укрепленными на тех территориях, где имеются наши (японские. — С. Г.) войска»².

Крупные силы, сосредоточенные в районе Хабаровска для наступления, были отведены в сентябре — октябре 1920 г. в район Владивостока. Председатель межсоюзного технического совета КВЖД американский инженер Стивенс 20 сентября 1920 г. телеграфировал из Харбина в государственный департамент: «Японцы распорядились о немедленной эвакуации всех своих войск с территории к северу от Никольска, включая Хабаровск... Концентрация эвакуированных войск должна быть произведена близ Владивостока. Сообщается, что следует перевезти 25 тысяч человек»³. 5 октября Стивенс писал, что японцы желают оставить более чем сорокатысячную армию во Владивостокском округе после завершения эвакуации Хабаровска⁴.

¹ «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 1, стр. 281.

² Там же, стр. 282.

³ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 524.

⁴ Там же, стр. 525.

В связи с эвакуацией японских войск из Хабаровска русско-японской согласительной комиссией 24 сентября 1920 г. было подписано соглашение, которое предусматривало, что после эвакуации японских войск из Хабаровска и его окрестностей русские вооруженные силы не должны заходить южнее реки Иман и что охрану железной дороги и телеграфа на юг от станции Уссури берет на себя японское командование, а от Уссури до Имана — русская железнодорожная милиция¹. Это соглашение дополняло соглашение от 29 апреля 1920 г.

Отказавшись оккупировать весь русский Дальний Восток, японские империалисты, однако, поставили своей задачей не допустить признания правительства ДВР владивостокским правительством, усилить контрреволюционные силы Приморья за счет отступавших из Забайкалья в Маньчжурию белогвардейских войск и сделать Приморье базой контрреволюционных сил. Они приложили много усилий для объединения дальневосточных областей вокруг «правительства» атамана Семенова. В июле 1920 г. владивостокское правительство, во главе которого в это время стоял меньшевик Бинасик, разослало приглашения всем областным правительствам Дальнего Востока, в том числе и «правительству» атамана Семенова, прислать своих представителей во Владивосток на объединительную конференцию.

Совещание, в котором принимали участие представители Семенова и владивостокского правительства, состоялось во Владивостоке 3 августа 1920 г. На этом совещании от семеновского «правительства» присутствовал так называемый «премьер-министр» Таскин и «министр иностранных дел» генерал Хрещатицкий, действия которых направляли японские генералы Оой, Такаянаги и глава японской дипломатической миссии Мацудайра. Еще до открытия совещания генерал Оой рекомендовал семеновским делегатам: «С вашей стороны нужны уступки, выдержка, терпение; категорически заявляю: коммунизма на Дальнем Востоке Япония не допустит, это вам гарантируем»².

Японское командование обещало всемерную поддержку представителям атамана Семенова, которые стреми-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 25, л. 146.

² «Дальистпарт». Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке, кн. 1, стр. 253.

лись добиться назначения Семенова главой объединенного «правительства», а если это не удастся, то сохранить за атаманом Семеновым после объединения Забайкалья и Приморья пост главнокомандующего армией и звание атамана казачьих войск.

Но владивостокское Народное собрание под давлением рабочих большинством голосов отвергло претензии Семенова и приняло решение направить в Верхнеудинск делегацию Народного собрания, поручив ей ознакомиться также с положением дел в Чите, где продолжал хозяйничать Семенов. Во главе делегации был поставлен меньшевик Кабцан. Прибыв в Читу, Кабцан подписал 24 августа 1920 г. соглашение с Семеновым об объединении Приморской и Забайкальской областей. По условиям соглашения Семенов оставался атаманом казачьих войск и главнокомандующим армией до созыва Учредительного собрания. Нарядившись в тогу «демократа», Семенов в «заявлении к народу» предложил приступить к подготовке выборов в «народное собрание». Но увлечение «демократизмом» у атамана Семенова быстро прошло. Народное собрание во Владивостоке не утвердило соглашения, подписанного Кабцаном, хотя среди контрреволюционных членов Народного собрания выявилось значительное количество лиц, готовых сотрудничать с Семеновым. Дальбюро ЦК РКП(б) приняло решение о проведении политики бойкота по отношению к семеновскому «правительству». Ставка империалистов на Семенова и его сторонников была бита.

К середине октября 1920 г. эвакуация японских войск из Забайкалья была окончена. 21 октября части Народно-революционной армии и партизаны освободили Читу от семеновских войск и, продолжая наступление, отбросили их к маньчжурской границе.

Одновременно закончилась эвакуация японских войск из Хабаровска.

28 октября 1920 г. в освобожденной Чите открыла свои заседания конференция областных дальневосточных правительств, которая организационно закрепила победы, достигнутые над интервентами и белогвардейцами. На ней было сформировано новое правительство ДВР, которому вручалась вся полнота власти.

В декларации, принятой объединенной конференцией областей Дальнего Востока, говорилось: «Освободив

весь Дальний Восток, народ через избранных своих представителей постановляет: 1) Вся территория бывшей Российской империи к востоку от реки Селенги и озера Байкала до Тихого океана, включая области Западно-Забайкальскую, Восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и Камчатку, декларируется независимой самостоятельной республикой...

2) Границей между РСФСР и ДВР объявляется река Селенга от ее выхода из Монголии до ее впадения в озеро Байкал, центр озера Байкала и старая граница Якутской области к востоку и северу от Ледовитого океана.

3) Все права бывшей Российской империи в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги переходят к ДВР.

4) На территории ДВР устанавливается республиканская демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа и выявляемая через его избранных представителей»¹.

С момента избрания объединенной конференцией областей Дальнего Востока правительства ДВР нового состава временные правительства превращались в органы местного самоуправления.

Обращаясь ко всем народам мира, конференция провозглашала, что «Дальневосточная республика стремится установить добрососедские дружественные отношения со всеми странами, в особенности с теми, которые непосредственно с ней соприкасаются и граждане которых находятся на ее территории»².

Декларация конференции намечала созыв дальневосточного народного Учредительного собрания. 11 ноября был принят закон о выборах в Учредительное собрание ДВР. В основу закона о выборах был положен принцип «всеобщего, равного, тайного и прямого голосования без различия полов, рас и религии и пропорционального представительства»³.

Невзирая на провал попыток протолкнуть атамана Семенова к руководству в правительстве Дальневосточной республики, японское командование в конце 1920 г. приняло чрезвычайные меры для ограничения власти прави-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-200, оп. 1, д. 13, л. 102—103.

² Там же, л. 104.

³ Там же.

тельства ДВР в Приморье. Представители Японии недвусмысленно заявляли, что подчинение Приморья власти Дальневосточной республики приведет к новому вооруженному выступлению японских войск. В конце ноября 1920 г. глава японской дипломатической миссии Мацудайра заявил представителям печати: «Игнорировать владивостокское правительство значит игнорировать Японию. Поэтому объединение Дальнего Востока или, другими словами, образование правительства буфера при игнорировании Владивостока и Японии не может иметь места»¹.

Со 2 по 12 декабря 1920 г. вопрос о признании правительства ДВР дебатировался во владивостокском Народном собрании. Главнокомандующий японскими экспедиционными войсками на Дальнем Востоке генерал Оой вечером 1 декабря пригласил к себе президиум Народного собрания совместно с представителями всех парламентских фракций и выступил с заявлением, в котором пытался доказать, что Читинская конференция «не имела законного права принимать резолюцию об установлении Дальневосточного объединенного правительства»² и что, по его мнению, невозможно таким путем добиться объединения русского Дальнего Востока.

Председатель японской секции русско-японской согласительной комиссии обратился 2 декабря 1920 г. к председателю русской секции с письмом, в котором наряду с другими выдвигалось требование предоставления свободы действий иностранному капиталу. «Следует ли ожидать, что в новом объединенном государстве Дальнего Востока иностранцам будут гарантированы жизнь, имущество, право домицилирования и передвижения, а также право свободы капиталовложений на основе принципов открытых дверей и равноправия»³.

Но угрозы и запугивания не помогли империалистам. Наиболее многочисленная крестьянская фракция владивостокского Народного собрания пошла за большевиками. 9 декабря 1920 г. большинством голосов владивостокское Народное собрание приняло решение признать

¹ «Известия», 8 декабря 1920 г.

² «Действия Японии в Приамурском крае», Владивосток 1921, стр. 137.

³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I, стр. 390.

власть правительства ДВР. На следующий день приморская областная земская управа постановила сложить с себя полномочия временного правительства Дальнего Востока и была заменена областным управлением, во главе которого стал коммунист В. Г. Антонов.

В ноябре и декабре 1920 г. японские и американские империалисты приняли ряд мер для увеличения контрреволюционных сил в Приморье за счет белогвардейских войск. Управление Китайско-Восточной железной дороги предоставило изгнанным из Забайкалья семеновским и каппелевским частям (всего около 30 тыс. человек) необходимый подвижной состав.

Японцы использовали свою марионетку, диктатора Маньчжурии генерала Чжан Цзо-лина, который обеспечил продвижение белогвардейских войск по железной дороге через Маньчжурию. 2 декабря 1920 г. межсоюзный железнодорожный комитет, в котором решающую роль играли представители США, вынес решение: «Оказать содействие продвижению Дальневосточной армии в Приморскую область».

1 декабря 1920 г. части 1-го корпуса, состоящего из отборных семеновских головорезов, прибыли на станцию Гродеково. Части 2-го и 3-го корпусов, состоявшие из каппелевцев, под командованием генерала Вержбицкого вступили в Приморье в начале января 1921 г. и были размещены во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Раздольном и других пунктах.

Белогвардейцы, поощряемые интервентами, сразу же начали расправляться с революционными рабочими и крестьянами.

31 декабря 1920 г. консул США во Владивостоке Макгован сообщил государственному секретарю: «Мне конфиденциально сообщили, что японцы считают вооруженный конфликт с большевиками неизбежным и близким»¹.

Вместе со своими частями в Гродеково прибыл и атаман Семенов, а оттуда под охраной японцев направился во Владивосток. Его появление вызвало взрыв возмущения трудящихся Владивостока. Учитывая это, японское командование посоветовало своему ставленнику временно покинуть Владивосток. 2 декабря атаман Семенов на

¹ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 554.

японском пароходе выехал в Порт-Артур, назначив своим заместителем полковника Савельева, произведя его по случаю нового назначения в генерал-майоры.

В декабре 1920 г. в период пребывания в Порт-Артуре Семенов пришел к соглашению с генералом Чжан Цзолином об использовании территории Маньчжурии для нападения на ДВР¹. На банкете, данном атаманом Семеновым в японском ресторане, комендант крепости генерал Огата, отвечая на речь Семенова, говорил, что он «не сомневается в том, что благодаря влиянию и популярности казачьего атамана борьба окончится подчинением ему Забайкальского округа»².

Огата заверил также Семенова, что настоящее положение дел является периодом подготовки дальнейших действий и что генерал Семенов должен тщательно составить свои планы, чтобы добиться окончательной победы. А «в случае если Семенов возобновит деятельность, то Япония предпримет некий положительный шаг»³.

Политика японских империалистов, направленная на создание контрреволюционного, антисоветского «буфера» на русском Дальнем Востоке, находила благоприятное отношение со стороны правительства США⁴.

10 марта 1920 г. газета «Осака Майници» писала, что одним из условий эвакуации японцев будет создание антисоветского буферного государства, причем внимание японской печати к этому вопросу было привлечено просочившимся в прессу сообщением, что, по мнению США, Япония должна создать такой «буфер»⁵.

Правящие круги США, однако, отнюдь не собирались передать полностью контроль над этим «буфером» в руки Японии. Чтобы обеспечить свое влияние в буферном антисоветском образовании на Дальнем Востоке, американ-

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 705.

² Там же.

³ Там же, стр. 706.

⁴ Г. Гинс, бывший управляющий делами совета министров при колчаковском правительстве, в своих воспоминаниях в специальном параграфе «Американцы — друзья эсеров» приводит факты о тесной связи американских представителей с эсерами и об их совместных планах создания антисоветского буферного государства (см. «Гражданская война в Сибири и Северной области». Мемуары, М. — Л. 1927, стр. 220—221).

⁵ См. «Вестник НКВД» № 6—7, 25 августа 1920 г., стр. 110—111.

ские империалисты стремились использовать по преимуществу эсеров и меньшевиков, которые, по выражению В. И. Ленина, «на словах будучи «социалистами» и «демократами», на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины*»¹.

Меньшевики и эсеры добивались образования ДВР как совершенно независимого от Советской России государства. Они требовали расширить территорию «буфера» до Красноярска, выдвигали столицей республики не Читу, а Владивосток. Во время обсуждения вопросов о признании правительства ДВР, образованного в Чите, на владивостокском Народном собрании эсеры голосовали против признания власти читинского правительства, выступив, таким образом, единым фронтом с монархистами и кадетами².

Так, во время переговоров иркутского эсеровского Политцентра³ с представителями Советской России и дальневосточных большевиков эсеры уверяли, что США не признают советский «буфер» и что для «Америки приемлем «буфер» с народоправством»⁴.

Правительство США в борьбе за укрепление на русском Дальнем Востоке большую роль отводило установлению американского контроля над КВЖД, пересекающей Маньчжурию и кратчайшим путем связывающей Забайкалье с Владивостоком.

С этой целью американские монополисты выдвинули проект «интернационализации» КВЖД, который в 1920—1921 гг. обсуждался представителями США, Японии, Англии и Франции⁵. Однако «интернационализацию» осуществить не удалось из-за противодействия японского правительства, стремившегося захватить КВЖД в свои руки.

Межсоюзный железнодорожный технический комитет, председателем которого был американский инженер Стивенс, позволял правительству США держать под

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 515—516.

² См. «Вестник ДВР» № 1, 1922 г., стр. 65.

³ Так назывался временный орган управления, образовавшийся в Иркутске в начале января 1920 г. из эсеров и меньшевиков, в период крушения колчаковщины. Политцентр находился у власти до 21 января 1920 г., когда власть перешла к Иркутскому революционному комитету.

⁴ «Красное знамя», 20 апреля 1920 г.

⁵ См. «Peking Liederg», 6 апреля 1921 г.

своим контролем работу Китайско-Восточной железной дороги.

Попытки Японии захватить вооруженным путем КВЖД встретили энергичный отпор со стороны США и окончились неудачей. В феврале 1921 г. представитель США в межсоюзном железнодорожном комитете Смит говорил: «На этот вопрос я совершенно определенно могу заявить, что КВЖД японцам никогда не получить, на этот счет вы можете быть совершенно спокойны»¹.

Какое большое значение придавали американские империалисты сохранению своего контроля над КВЖД, связывающей Маньчжурию с Забайкальем и Приморьем, свидетельствует следующий факт. По сообщениям своих агентов, американское правительство еще в июле 1920 г. знало о возможности отступления армии атамана Семенова из Забайкалья в Маньчжурию по линии КВЖД. Выступление армии атамана Семенова на линию КВЖД должно было повысить шансы Японии в борьбе за КВЖД. Поэтому правительство США приняло ряд мер, чтобы не допустить длительного пребывания семеновской армии на территории концессионной зоны КВЖД. Государственный департамент США дал указание послу США в Великобритании Дэвису вступить в переговоры с английским правительством о возможности совместного выступления против пребывания семеновских войск на линии Китайско-Восточной железной дороги². Английское правительство поддержало США, и армию белогвардейцев без задержки перебросили по КВЖД в Приморье.

Американское правительство, используя японскую военщину в роли душителя революции на Дальнем Востоке, одновременно принимало ряд мер для того, чтобы не допустить закрепления Японии на Советском Дальнем Востоке в случае, если бы японские войска и их наймиты одержали победу. Борьба империалистических хищников за господство на русском Дальнем Востоке тесно переплеталась с их борьбой за господство в Маньчжурии, Монголии и Китае. В декабре 1920 г. В. И. Ленин указывал на то, что «...из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой...»³.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 70.

² См. «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 540.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 435.

23 июля 1920 г. представитель США в Японии Белл сообщил государственному секретарю о решении правительства Японии дополнительно послать бригаду 7-й дивизии на Северный Сахалин и мерах, принимаемых в Японии для эксплуатации его природных богатств¹.

13 сентября 1920 г. министр иностранных дел Японии Утида, отвечая на запрос группы депутатов нижней палаты о позиции США в отношении политики Японии в Сибири, сообщил, что США на исчерпывающую информацию Японии по этому вопросу никак не ответили. «Поэтому надо признать, что Америка вполне согласна с действиями Японии». В ответ на это государственный департамент выступил с заявлением, в котором, не возражая против японской интервенции, указывал, что правительство США не давало своего согласия на оккупацию Северного Сахалина Японией².

В октябре 1920 г. в Советскую Россию прибыл с визитом Вандерлип³ — крупный американский промышленник и банкир. Поездка Вандерлипа, которого, по его собственному заявлению, Сибирь «заинтересовала чрезвычайно»⁴, имела одной из главных целей нащупать почву, нельзя ли путем экономического проникновения и давления добиться перерождения Советского государства в обычное буржуазное государство.

Перед поездкой в Советскую Россию Вандерлип посетил Японию, был в Токио, Киото и Осака. По прибытии в Киото Вандерлип сообщил, что во время его пребывания в Токио велись переговоры представителей США с японским правительством о «кооперации» действий на русском Дальнем Востоке.

Вандерлип, выступая от имени правящих кругов США, подталкивал Японию на продолжение интервенции, заявляя, что «Японии предстоит сыграть великую роль. И если она посмотрит на эту услугу цивилизации не как на возможность увеличить свою страну, она заслужит симпатии и помощь не только со стороны США, но и всех других стран»⁵.

¹ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 519—520.

² См. «Голос родины», 24 сентября 1920 г.

³ Вандерлип как агент Рокфеллера впервые появился на Камчатке в 1898 г., куда он был послан с целью разведки месторождений нефти и золота.

⁴ См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 439.

⁵ «Русское обозрение», Пекин, декабрь 1920 г., стр. 198.

Таким образом, в этом заявлении Вандерлип приветствовал японских империалистов, которые штыком и пулей душили революцию на русском Дальнем Востоке, но лишней раз напоминал им, что Япония не должна особенно рассчитывать на территориальные компенсации за свои услуги «цивилизации», что империалисты США не допустят ущемления своих «интересов».

В. И. Ленин 21 декабря 1920 г. на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов, коснувшись переговоров с Вандерлипом, сказал: «Одним словом, мы получили гигантское обострение вражды между Японией и Америкой и тем получили несомненное ослабление натиска Японии и Америки против нас»¹.

Итак, стремление задушить революционную власть на русском Дальнем Востоке толкало японский и американский империализм к совместным действиям. Однако, как только тот или иной район оказывался временно в их руках или перед ними открывалась перспектива получения той или иной привилегии, сразу же обострялись империалистические противоречия между Японией и США.

3. Поражение ставленников американско-японских империалистов на выборах в Учредительное собрание ДВР

С 9 по 11 января 1921 г. были назначены выборы в Учредительное собрание ДВР. Перед большевистскими организациями Дальнего Востока стояла задача — добиться большинства на выборах и закрепить руководящую роль РКП(б) в Дальневосточной республике.

Партия большевиков разъясняла трудящимся политику РКП(б) по вопросу образования Дальневосточной республики: «По существу ДВР является неразрывной частью остальной России, так как хозяйственная жизнь края может быть налажена только путем согласования ее с общим хозяйственным планом Советской России. . . Партия коммунистов на Дальнем Востоке, как органическая часть РКП(б), всемерно защищает интересы Советской России в мировой социалистической революции на Даль-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 440.

нем Востоке и подготавливает массы к введению Советской власти, когда для этого наступит время»¹.

В период предвыборной кампании партийные организации Дальнего Востока особое внимание уделяли вопросам разоблачения предательской роли меньшевиков и эсеров. В воззвании «Голосуйте за список № 4» газета «Красное знамя» писала: «Рабочие не будут голосовать за эсеров и другие группировки, которые совместно с чехословаками и интервентами в потоках рабоче-крестьянской крови топили рабоче-крестьянскую власть по всей Сибири и на Дальнем Востоке, которые создали диктатуру буржуазии и власть интервентов. Рабочий отдает свой голос тем, кто с ним боролся за освобождение Дальнего Востока от Колчака и атамановщины, от японцев и эсеров»². Компартия выступала на выборах в городах в объединенном списке с профсоюзами, а в сельской местности — с общим крестьянским списком.

Политика партии большевиков, направленная на борьбу за освобождение края от интервенции и воссоединение с Советской Россией, была поддержана подавляющим большинством населения Дальнего Востока. Были избраны и приняли участие в работе Учредительного собрания 382 депутата³, которые разделились по следующим фракциям: 1) коммунистов — 92 человека, 2) крестьянской фракции большинства (бедняки и середняки, шедшие за коммунистами) — 183, 3) бурят-монгольской фракции — 13, 4) крестьян меньшинства (кулаки) — 44, 5) меньшевиков — 14, 6) эсеров — 18, 7) народных социалистов — 3, 8) сибирских социалистов-революционеров — 6, 9) внепартийных демократов — 8, 10) внепартийных — 1⁴.

За четыре дня до открытия Учредительного собрания, 8 февраля 1921 г., в Чите начала свою работу краевая конференция РКП(б). Обсудив вопрос о задачах большевиков в Учредительном собрании, конференция указала, что из орудия борьбы против диктатуры пролетариата в

¹ «Известия Дальбюро ЦК РКП(б)» № 2, 1 февраля 1921 г., стр. 18.

² «Красное знамя» № 206, 1920 г.

³ Несколько депутатов, в основном монархистов и кадетов, избранных в Приморье, отказалось принимать участие в работе Учредительного собрания и не поехало в Читу.

⁴ См. С. Цыпкин, А. Шурьгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 219.

руках антисоветских элементов Учредительное собрание должно быть превращено в свою противоположность — в орудие трудовых масс «для борьбы со всеми враждебными Советской России силами, как внешними, так и внутренними»¹. Перед коммунистами Учредительного собрания была поставлена задача разоблачения и срыва политики интервентов, меньшевиков и эсеров.

Работа Учредительного собрания продолжалась с 12 февраля по 26 апреля 1921 г. Большинство Учредительного собрания шло за коммунистами. Взгляды большевистской партии на задачи Учредительного собрания и характер будущей Конституции были изложены в декларации фракции РКП(б) Учредительного собрания. Основные положения этой декларации легли затем в основу Конституции ДВР.

В декларации РКП(б) указывалось, что ДВР должна последовательно защищать интересы Советской России на Дальнем Востоке: «Дальневосточная республика представляется нашей фракции надежным сторожевым постом, охраняющим единую целостность России, и отнюдь не мыслится как территория, подверженная иноземному влиянию, и ни в коем случае — как база, установленная для использования этого влияния для борьбы с Советской Россией и во вред трудящимся. Всякие попытки в этом направлении встретят наш решительный отпор, и Учредительное собрание Дальнего Востока, в том мы уверены, поддержит нас, равно как и все русское трудовое население»².

В декларации РКП(б) объявлялось о сохранении института частной собственности, но указывалось, что правительство «должно всемерно поощрять кооперативные и другие общественные формы крестьянского хозяйства и городской промышленности. Правительство вместе с тем должно стремиться к обобществлению тех отраслей промышленности, которые имеют общегосударственное значение, как то: предприятия народной связи, золотые и иные прииски и т. п.»³

В области рабочей политики фракция РКП(б) в Учредительном собрании декларировала: «а) необходимость

¹ С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 219.

² ЦГАДВ, ф. Р-200, оп. 1, д. 13, л. 122.

³ Там же.

привлечения широких рабочих масс к участию не только в работе, но и в управлении, б) увеличение заинтересованности рабочих в процессе и успехе производства путем ударности, премиальной системы, а главное, путем общего и профессионального образования и самодеятельности рабочих союзов»¹, «установление системы государственной охраны труда и всех видов страхования»².

Что касается земельной и крестьянской политики, то фракция РКП(б) Учредительного собрания провозглашала следующие принципы: «Вся земля, ее недра, а также лесные и водные богатства республики объявляются собственностью государства. Все непочатые земли объявляются государственным земельным фондом и распределяются новоселам или бедноте по трудовой уравнительной норме». Причем земли, уже находящиеся в личном пользовании крестьян, не должны были подлежать переделу. По отношению к ним должна быть проведена система «подходящего прогрессивного натурального налога, с одной стороны, и объединения их путем системы общественных мельниц, элеваторов, маслобоек и тракторов, в видах развития определенных тенденций к обобществлению, с другой»³.

В декларации фракции РКП(б) отмечалась необходимость отказа от принудительной разверстки с крестьянских хозяйств и перехода к системе прогрессивно-натурального подходящего налога.

Программа, выдвинутая большевиками в декларации фракции РКП(б) Учредительного собрания, нашла полную поддержку у крестьянской фракции большинства.

В области организации государственной власти и взаимоотношения ее с местными управлениями фракция РКП(б) Учредительного собрания выдвинула принцип демократического централизма.

Декларация предусматривала право национальных меньшинств на автономию, намечала пути улучшения постановки народного просвещения и здравоохранения.

Особое внимание в декларации фракции РКП(б) Учредительного собрания обращалось на укрепление Народно-революционной армии, повышение ее боеспособности и политико-морального уровня.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-200, оп. 1, д. 13, л. 123.

² Там же, л. 124.

³ Там же.

Меньшевики и эсеры совместно с буржуазными депутатами в Учредительном собрании составили «оппозицию».

Политика эсеров в период образования и существования ДВР была изложена ими в декларации фракции Сибирского союза эсеров в Учредительном собрании ДВР, в которой выдвигались требования полного отделения Дальнего Востока от Советской России, демобилизации Народно-революционной армии, установления капиталистического строя на территории ДВР.

Эсеры готовы были поставить ДВР под полный контроль иностранного капитала и отказаться от национальной независимости.

Об этом красноречиво свидетельствовала декларация эсеров: «Дальневосточной республике неминуемо придется совершать договора о внешней торговле, основанные на кредите у капиталистических стран. Кредит ими может быть представлен лишь под обеспечение, обусловленное твердой демократической политикой, полной самостоятельностью финансово-экономической политики Дальневосточной республики от Советской России и предоставлением концессий»¹. Осуществление эсеровского требования о немедленной демобилизации армии оставило бы ДВР полностью безоружной перед лицом империалистических войск и белогвардейцев.

Меньшевики в основном проводили ту же политику, что и эсеры. Они выступали против признания партии большевиков правящей партией ДВР, срывали мероприятия, направленные на укрепление Народно-революционной армии, требовали упразднения госполитохраны.

В эсеро-меньшевистской прессе упорно подчеркивалась мысль, что США не признают ДВР, если во главе правительства Дальневосточной республики будут большевики. Депутаты-коммунисты разоблачили контрреволюционную сущность политики меньшевиков и эсеров, стремившихся превратить ДВР в плацдарм борьбы с Советской Россией.

По постановлению Учредительного собрания РКП(б) была объявлена правящей партией ДВР. В декларации, принятой Учредительным собранием, нашли свое отражение основные положения декларации фракции РКП(б).

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 37, л. 47—51.

26 апреля 1921 г., преодолевая упорное сопротивление «оппозиции» Учредительного собрания, большевики добились принятия Конституции, которая гласила: «Верховная государственная власть на территории Дальневосточной республики принадлежит народу Дальнего Востока и только ему» (ст. 31)¹. «Народ осуществляет свою Верховную власть через посредство Народного собрания и избираемого последним Правительства» (ст. 32). По Конституции Народное собрание избиралось всеми гражданами республики в порядке всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании по пропорциональной системе представительства сроком на два года. Статья 34 закрепляла за Народным собранием всю полноту законодательной власти.

Согласно Конституции правительство Дальневосточной республики состояло из семи человек и избиралось Народным собранием сроком на два года. Выборы правительства производились путем тайной подачи голосов и считались действительными при наличии в заседании не менее двух третей всех членов Народного собрания.

Правительство республики по Конституции получало право издания временных законов в промежутке между сессиями Народного собрания, право назначения и увольнения председателя Совета Министров и министров, право представительства республики в ее сношениях с иностранными государствами. Согласно статье 49 Конституции правительство осуществляло совместно с Советом Министров исполнительную власть на территории республики.

Баллотировавшиеся кандидаты считались избранными в состав правительства при условии получения ими не менее половины голосов всех присутствующих в заседании членов Народного собрания.

Конституцией устанавливался восьмичасовой рабочий день, был регламентирован рабочий день в особо тяжелых отраслях производства, были предусмотрены меры по охране труда женщин и детей. Вводилось социальное страхование за счет нанимателей. Для всех рабочих и служащих, проработавших не менее года, устанавливался месячный отпуск с сохранением содержания. Конституция

¹ «По родному краю», Книгоиздательство объединенного Прибайкальского союза кооперативов, Верхнеудинск 1922.

устанавливала порядок создания демократических выборных органов власти на местах: в областях, уездах, волостях, селах и деревнях. Конституция закрепила достигнутую под руководством большевиков победу рабочих и крестьян Дальнего Востока в период образования ДВР и выборов в Учредительное собрание.

26 апреля 1921 г., заканчивая свои заседания, Учредительное собрание избрало правительство ДВР из семи человек. Шесть членов правительства были коммунистами и один человек — беспартийным. Во главе правительства был поставлен член Дальбюро ЦК РКП(б) Н. М. Матвеев. Однако, стремясь не допустить международных осложнений, большевики вынуждены были включить в Совет Министров представителей оппортунистических партий.

12 мая 1921 г. после продолжительных переговоров с «оппозицией» был составлен коалиционный Совет Министров ДВР, в состав которого, кроме коммунистов, имевших большинство, вошло несколько меньшевиков и эсеров. Но руководство в правительстве и Совете Министров ДВР прочно сохранялось за коммунистами.

Американские империалисты встретили победу большевиков на выборах в Учредительное собрание недружелюбно. Представитель США в межсоюзном железнодорожном комитете Смит 17 февраля 1921 г. заявил, что «он обманулся в коммунистах, он полагал, что коммунисты будут строить демократический «буфер» силами демократов. Теперь же он может видеть в Учредительном собрании большинство за коммунистами, а значит и строительство «буфера» будет зависеть исключительно от них, а это не совсем надежно»¹.

Большевики Дальнего Востока, ставшие правящей партией в Дальневосточной республике, возглавили дальнейшую борьбу рабочих и крестьян против интервентов и белогвардейцев. Решающую помощь в этой борьбе трудящиеся Дальнего Востока получили от Советской России.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 63.

ГЛАВА IV

АМЕРИКАНСКАЯ И ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1921—1922 гг.

1. Выступление империалистов и белогвардейцев против ДВР и Советской России весной 1921 г.

Третий поход Антанты потерпел крах. — Героическая Красная Армия нанесла сокрушительное поражение белополякам и армии Врангеля. Основные силы интервентов и внутренней контрреволюции к концу 1920 г. были разгромлены. Начался период мирного строительства. Но советский народ бдительно следил за происками империалистов в отношении нашей страны. Враги Советской республики, не оставившие надежд на ее уничтожение, использовали хозяйственные трудности Советского государства, недовольство части крестьян продрозверсткой и организовали новые антисоветские выступления.

Весной 1921 г. вспыхнули руководимые белогвардейцами и эсерами кулацкие мятежи в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина). Оживилась деятельность всякого рода контрреволюционных элементов — меньшевиков, эсеров, анархистов, белогвардейцев, буржуазных националистов. В марте 1921 г. начался при поддержке иностранных империалистов контрреволюционный кронштадтский мятеж.

В общих планах борьбы империалистов и белогвардейцев против Советской России весьма значительная роль отводилась выступлению контрреволюционных сил на Дальнем Востоке, в организации и вооружении которых наиболее активную роль сыграла империалистическая Япония. Потерпев поражение в попытке создать антисоветский «буфер», японские империалисты совместно с контрреволюционными силами на Дальнем Востоке готовили вооруженное нападение на ДВР с целью свержения

законно избранного народом правительства Дальневосточной республики. Выступая в парламенте в январе 1921 г., премьер-министр Японии Хара заявил, что Япония будет держать войска во Владивостоке и его окрестностях «до тех пор, пока там не восстановится спокойствие»¹.

В ходе подготовки нападения на ДВР японское правительство стремилось заручиться поддержкой правительства Соединенных Штатов Америки и согласовать с ним свои действия. В первых числах февраля 1921 г. японское осведомительное бюро во Владивостоке опубликовало сообщение, в котором указывалось, что между США и Японией подписано соглашение по вопросам русского Дальнего Востока².

В январе 1921 г. главнокомандующий японской экспедиционной армией на Дальнем Востоке генерал Оой был заменен новым главнокомандующим генералом Тачибана. Причем представитель Японии в межсоюзном железнодорожном комитете Нагава в беседе с американским представителем порицал генерала Оой за то, что генерал Оой «своей глупой политикой и бестактностью нанес много ударов японо-американской дружбе»³. Таким образом, правительству Японии на Дальнем Востоке приходилось считаться с Соединенными Штатами Америки и в ряде вопросов идти на уступки США. Новый главнокомандующий японскими войсками на Дальнем Востоке генерал Коициро Тачибана принадлежал к группе наиболее агрессивно настроенных генералов, которые считали, что Япония сможет прочно утвердиться как великая держава лишь при условии захвата Японией больших территорий на материке.

По дороге во Владивосток генералом Тачибана были приняты меры по организации контрреволюционных сил для борьбы против Советской России и ДВР. В Порт-Артуре Тачибана встретился с атаманом Семеновым, который сопровождал его до Мукдена. В Мукдене они встретились с Чжан Цзо-лином. На этом совещании обсуждался план конкретных действий против ДВР. Было намечено наступление на ДВР с двух сторон: из Маньчжурии на Забайкалье и из Уссурийского края на Амур-

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 701.

² ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 39.

³ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 70.

скую область¹. По сведениям американских дипломатов, генерал Тачибана во время этих совещаний «одобрил образование так называемой «Лиги по борьбе с коммунизмом» в составе японских военных сил, войск атамана Семенова, Чжан Цзо-лина, оренбургских, забайкальских, уссурийских казаков и русских антибольшевистских элементов в Маньчжурии»². Были составлены планы «по согласованию действий японских сил с генералом Унгерном в Монголии и Чжан Цзо-лином в Маньчжурии, с силами генерала Семенова, каппелевскими войсками и с лидерами других антибольшевистских сил в Сибири»³.

По приезду во Владивосток Тачибана устроил прием, на котором присутствовали иностранные консулы, представители русских контрреволюционных партий и т. п. Представитель белогвардейцев, раболепно приветствовавший генерала Тачибана, заявил, что он хотел, чтобы генерал чувствовал себя во Владивостоке, как дома, на что Тачибана ответил: «Я дома, так как Владивосток принадлежит Корее, а значит, и нам, и если владели им русские, то не по праву...»⁴.

В борьбе против Советской России и ДВР продолжали принимать активное участие американские империалисты. Отношение правительства США к Дальневосточной республике за все время существования ДВР было враждебным. Правящие круги США совместно с Японией добивались создания на Советском Дальнем Востоке антисоветского буржуазного буферного государства. Правда при этом США противодействовали попыткам Японии хозяйничать в оккупированных районах самостоятельно, не считаясь с интересами американского капитала (это временами приводило к острым столкновениям). В феврале 1921 г. американский консул во Владивостоке опубликовал известную ноту государственного секретаря США Б. Колби от 10 августа 1920 г. об отношении правительства Соединенных Штатов к Советской России. В ноте указывалось, что отношение президента (США. — С. Г.) к тем, кто находится у власти в России, было неоднократно и ясно выражено, что оно было и остается непримиримо

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 8.

² «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 706.

³ Там же.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 12.

враждебным. «Правительство США категорически отказывается от признания большевистского строя»¹.

Опубликование данного заявления в то время, когда все контрреволюционные силы Приморья при поддержке Японии готовили переворот во Владивостоке, можно было понять лишь как обещание поддержки американского правительства русским белогвардейцам и японским империалистам в их борьбе против избранного народом правительства ДВР.

Японское командование с начала 1921 г. энергичными темпами вело подготовку контрреволюционного переворота во Владивостоке. В китайской прессе появляются сообщения о близком выступлении белогвардейских войск, которые «с помощью одной иностранной державы» намереваются захватить Владивосток, а также Забайкалье и «восстановить свое потерянное влияние и власть в Сибири»².

В заявлениях японского командования, в статьях газеты «Владиво-Ниппо», которая довольно верно отражала все колебания японской политики, делаются ссылки на доброжелательное отношение США.

4 марта 1921 г. в передовой статье «Владиво-Ниппо» отмечалось, что причиной продолжающейся японской интервенции является то, что курс правительства Дальневосточной республики не принял «истинно демократические формы». Одновременно с этим упоминалось о том, что японская интервенция продолжается с согласия правительства Соединенных Штатов Америки. «Ввод японских военных сил в Приморье был произведен с полного согласия американского правительства, поэтому возможно, что вопрос этот служит также предметом обсуждения и в Вашингтоне...»³. В статье «Условия признания ДВР» «Владиво-Ниппо» писала: «Япония предлагает политику открытых дверей — как для себя, так и для всех государств, заинтересованных в русском Дальнем Востоке. Из этого можно сделать вывод, что, предлагая способ разрешения сибирской проблемы, Япония действует не вполне самостоятельно, но и в полном контакте с заинтересованными государствами... Это исключает всякое со-

¹ «Foreign Relations», т. III, 1920, стр. 463—468.

² «Peking Daily News», 5 марта 1921 г.; см. «North China Daily News», 23 февраля 1921 г.

³ «Владиво-Ниппо», 4 марта 1921 г.

перничество и сепаратную политику в отношении Дальнего Востока»¹.

Таким образом, рупор японского командования газета «Владиво-Ниппо» упорно проводила мысль о том, что Япония будет продолжать борьбу до установления «твердой власти», т. е. капиталистического строя, на русском Дальнем Востоке и что японские империалисты в борьбе против русского народа получали поддержку других империалистических держав, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки.

В мае 1921 г. в Токио состоялась колониальная конференция, в которой приняли участие представители правительства и армии. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на этой конференции, был вопрос о политике на русском Дальнем Востоке и об отношении к ДВР. Требования, выработанные конференцией по отношению к ДВР, в случае их принятия Дальневосточной республикой превратили бы ее в колонию Японии. Конференция постановила добиваться от ДВР полного отказа от принципов коммунизма, свободы навигации на Амуре, уничтожения Владивостокской крепости, предоставления всем иностранцам права проживать и вести дела в главных городах республики и т. д. В отношении вывода японских войск с территории Дальнего Востока, по сообщению газеты «Владиво-Ниппо», было решено «произвести полную эвакуацию, но некоторые формальности по этому вопросу в области политики остаются такие же, как и раньше»². Фактически вопрос об эвакуации решением конференции был вновь отложен на неопределенное время.

С января 1921 г. в Приморье под руководством японского командования так называемые правые партии начали активную подготовку к контрреволюционному перевороту. Под защитой японских штыков в Приморье собрались белогвардейские офицеры и генералы, крупные чиновники и капиталисты со всей Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. Они создали ряд контрреволюционных организаций для борьбы с Советской Россией и революционным движением на Дальнем Востоке. Во Владивостоке были созданы контрреволюционные

¹ «Владиво-Ниппо», 15 мая 1921 г.

² «Владиво-Ниппо», 26 мая 1921 г.

организации, опиравшиеся в основном на монархистов. Вскоре эти все контрреволюционные организации объединились в «группу несоциалистических партий». Основной силой подготавливаемого выступления должны были стать семеновские и каппелевские части, переброшенные из Забайкалья в Приморье и сохранившие свою военную организацию.

В марте 1921 г. японское командование производит перегруппировку семеновских и каппелевских частей, концентрируя их в Гродеково, Никольске-Уссурийском и на Имане. Японцы ставили своей задачей произвести переворот силами белогвардейцев. С 20 по 31 марта во Владивостоке под покровительством японского командования заседал съезд представителей несоциалистических организаций ДВ. Съезд объединил контрреволюционные силы и для руководства подготовкой к перевороту избрал «Совет съезда несоциалистических организаций».

В ночь с 30 на 31 марта 1921 г. была организована попытка произвести контрреволюционный переворот во Владивостоке, но это выступление было быстро ликвидировано отрядами народной охраны и народной милиции. Тогда японское командование, чтобы обеспечить победу своим ставленникам, накануне нового контрреволюционного мятежа разоружило три роты частей госполитохраны во Владивостоке. 26 мая 1921 г. начался мятеж в Приморье. При активной поддержке японской армии контрреволюционеры победили во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и некоторых других городах Приморья. Областное управление, которое возглавлял коммунист Антонов, было свергнуто. Владивостокские рабочие организовали сильный вооруженный отпор каппелевцам. Но силы были слишком неравные. Революционные отряды Приморья временно отступили.

После победы контрреволюционного мятежа во Владивостоке было организовано так называемое временное приамурское «правительство» во главе с крупными торговцами братьями Меркуловыми. «Правительство» было названо приамурским не случайно: это должно было означать, что меркуловцы намерены распространить свою власть и на Амурскую область.

В радиотелеграмме народного комиссара по иностранным делам от 1 июня 1921 г., адресованной министрам иностранных дел Франции, Англии и Италии, указыва-

лось, что ответственность за контрреволюционный переворот во Владивостоке несут все правительства стран Антанты¹.

Переворот 26 мая 1921 г. был лишь частью плана империалистов и белогвардейцев. Белогвардейские отряды Унгерна, действовавшие в Монголии, получили приказ начать активные военные действия против ДВР².

Кроме того, против ДВР и РСФСР выступили отряды Анненкова, Бакича и Дутова и др. Наступление белогвардейских отрядов должно было охватить огромную территорию от Дальнего Востока и до Туркестана.

Белогвардейцы и империалисты увязывали это наступление с кулацкими мятежами, которые должны были быть организованы к этому времени эсерами и другими контрреволюционными элементами. Во время допроса Унгерна было установлено, что «план завоевания Сибири был рассчитан на несколько лет и мог совершиться только при широком сочувствии населения и участии Японии, которая могла прийти в Сибирь только временно»³.

Барон Унгерн, захвативший при поддержке Японии город Ургу, 20 мая 1921 г. повел свои основные силы к границам ДВР в направлении на Троицкосавск.

Части Унгерна по планам японского командования должны были, заняв Забайкалье, выйти на линию железной дороги и отрезать ДВР от Советской России. Если бы выступление Унгерна увенчалось успехом, Япония перебросила бы в Забайкалье некоторые части атамана Семенова. Одновременно каппелевским и семеновским частям надлежало начать наступление на Хабаровск. Эти меры, по мнению японского командования, должны были бы привести к ликвидации ДВР и созданию на ее территории удобного империалистам антисоветского правительства.

Японское правительство сделало все для того, чтобы поставить во главе контрреволюционных сил Дальнего Востока своего послушного агента атамана Семенова, который 3 июня 1921 г. на японском пароходе со свитой в 60 человек прибыл во Владивосток. Сторонники

¹ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 142—143.

² См. Б. Цибиков, Разгром унгерновщины, Улан-Удэ 1947, стр. 36.

³ Б. Цибиков, Разгром унгерновщины, стр. 41.

Семенова при негласной поддержке Японии провозгласили его главнокомандующим войсками и верховным правителем края. Кандидатура Семенова, как главы правительства, больше устраивала японское правительство, чем кандидатура братьев Меркуловых, которые сразу же после прихода к власти, несмотря на свою зависимость от японской вооруженной поддержки, стремились установить тесные связи с представителями США.

8 июня 1921 г. во Владивостоке было подписано соглашение между японским командованием и представителями Семенова генералами Савельевым и Соболевым. По условиям соглашения японское командование обязалось снабдить семеновские банды вооружением и боеприпасами. А семеновские генералы взяли на себя обязательство начать всеми своими силами наступление на ДВР и добиться свержения правительства Дальневосточной республики. В одном из пунктов договора было записано: «Когда на Дальнем Востоке будет восстановлена прочная правительственная власть, японские подданные будут пользоваться предпочтительными правами при получении охотничьих, рыболовных и лесных концессий в Приморской, Сахалинской, Камчатской областях, а также концессий на эксплуатацию минеральных богатств и золотых руд в Приморской и Амурской областях...»¹.

Правительство США через своих дипломатических агентов было хорошо информировано о планах и действиях империалистической Японии. Оно одобряло их антисоветскую направленность. Однако, обеспокоенное возможностью захвата Японией Приморья, оно 31 мая 1921 г. направило резкую ноту Японии, в которой указывалось, что США не признают никаких установлений или договоров, вытекающих из японской оккупации Сибири².

Правящие круги Соединенных Штатов Америки вопреки японским империалистам стремились всячески укрепить власть правительства братьев Меркуловых, ориентировавшихся на США, и приняли весьма энергичные меры для того, чтобы не допустить к власти атамана Семенова.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 25, л. 215, 216, 217, 218.

² См. «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921—1922», изд. НКВД, 1924, стр. 116.

Консульский корпус не без вмешательства представителей США принял следующее решение: «Следует сообщить Семенову, чтобы он не высаживался на берег в Приморье, а его силы здесь и где бы то ни было следует разоружить»¹. Однако практически разоружить семеновские части меркуловское «правительство» было не в состоянии, так как реальная вооруженная сила находилась в руках Японии. Глава меркуловского «правительства» Спиридон Меркулов лично вел переговоры с Семеновым. Эти переговоры окончились благоприятно для Меркуловых лишь благодаря энергичному вмешательству правительства США. Государственный секретарь США Юз в связи с приездом Семенова во Владивосток вызвал японского военного атташе в Вашингтоне и «говорил с ним по этому вопросу очень серьезно»².

Консул США во Владивостоке 12 июня 1921 г. сообщал: «Секретарь Семенова посетил консульство и потребовал его посредничества в переговорах между местными властями и атаманом. Консульство отказало. Секретарь объявил, что атаман потребовал признания его главой правительства и главнокомандующим с включением контроля над внешними делами. Внешние дела, конечно, включают торговые сделки во Владивостоке и концессии»³. Но японское командование во Владивостоке во время переговоров Семенова с меркуловским «правительством» не оказало решительного нажима на последнее в пользу атамана Семенова. Генерал Тачибана в телеграмме в Токио по поводу переговоров между меркуловским «правительством» и атаманом Семеновым 20 июня 1921 г. сообщил: «Я пока придерживаюсь позиции выжидания. Я изменю свою позицию тотчас, как только монгольская группа начнет свои общие операции и достигнет известных результатов в районе Забайкалья»⁴.

Несомненно, в случае победы Унгерна в Забайкалье Япония оказала бы решающую поддержку Семенову, не посчитавшись с протестами США. Но впредь до выяснения обстановки японское правительство не хотело

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 725.

² Там же, стр. 726.

³ Там же, стр. 727.

⁴ С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 225.

обострять отношений с США и дало гарантию меркуловскому «правительству», что «атаман будет спокойным».

В начале июля 1921 г. Семенов при поддержке японского командования стал принимать меры к переброске своих войск в Забайкалье. Консул США в Харбине Дженкинс 11 июля сообщал в госдепартамент: «Семенов, который в настоящее время расположился в Гродеково, предпринимает хлопоты по переброске своих войск через Маньчжурию в Забайкалье»¹. В телеграмме от 13 июля 1921 г. государственный секретарь США Юз указывал, что США относятся к этому проекту отрицательно, так как «несомненно последовали бы незаконные захваты торговли в общее нарушение коммуникаций и транспорта»². Представители США в Китае и Маньчжурии согласно указаниям Юза выступили против переброски семеновских войск по КВЖД в Забайкалье. Это объяснялось боязнью правительства США, что Япония использует войска атамана Семенова для захвата КВЖД. Правительство США оказало давление на центральное китайское правительство и на генерал-губернатора Маньчжурии Чжан Цзо-лина и не допустило семеновские войска на КВЖД.

13 июля 1921 г. министр иностранных дел Китая Иен во время беседы с послом США в Китае Э. Б. Реддоком информировал последнего, что китайские власти «получили заверения от маршала Чжан Цзо-лина, что он не позволит переправить ни единого семеновского солдата по Китайско-Восточной железной дороге»³.

Между тем летом 1921 г. антисоветские мятежи, организованные империалистами и белогвардейцами в союзе с эсерами и другими контрреволюционными партиями, были подавлены. Кронштадтский мятеж был ликвидирован еще в марте 1921 г. В мае и начале июня был ликвидирован кулацкий мятеж в Тамбовской губернии. Потерпели поражение контрреволюционные выступления в других частях Советской России.

Отряды Унгерна встретили решительный отпор со стороны объединенных сил Красной Армии, Народно-революционной армии ДВР и народно-революционных отря-

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 728.

² Там же, стр. 729.

³ Там же.

дов монгольского временного революционного правительства, поддержанных трудящимися массами Монголии и Забайкалья, и вынуждены были отступить. Во время отступления они чинили кровавые зверства над населением. Но террор не мог спасти Унгерна от разгрома. Его войска были разбиты. В августе 1921 г. Унгерн был арестован своими сообщниками и выдан революционному командованию.

Другие белогвардейские банды, вторгшиеся в пределы Сибири и Дальнего Востока, также были разгромлены, не получив сколь-нибудь значительной поддержки от местных контрреволюционных сил. Только в Приморье, где выступление белогвардейцев было непосредственно поддержано вооруженными силами Японии, оно привело к временному успеху.

В связи с окончательным разгромом белогвардейских войск в Монголии и других районах, кроме Приморья, вопрос о переброске семеновских войск в Забайкалье отпал и больше не поднимался ни японским командованием, ни атаманом Семеновым. Семенов получил от японского командования указание — временно на политической арене не появляться, «сконцентрировать свои силы в районе Гродеково и готовиться к наступлению на Хабаровск»¹.

Поставленное у власти империалистами меркуловское «правительство» могло держаться лишь благодаря поддержке интервентов. Японский официоз «Джапан таймс» прямо писал, что меркуловское «правительство» может существовать лишь до тех пор, пока в Приморье находятся японские войска². Этого не скрывали и сами деятели меркуловского «правительства», которые добивались продолжения интервенции. В конце 1921 г. министр иностранных дел меркуловского «правительства» Колесников перед отъездом из Японии в США заявил, что «интервенция на русском Дальнем Востоке необходима для того, чтобы дать возможность русским правым группировкам организовать и укрепнуть»³.

В Приморье был установлен террористический режим. Массовые аресты и расстрелы революционно настроен-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 45, л. 210.

² См. «Japan Times», 29 декабря 1921 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 82.

ных рабочих без суда были обычным явлением. 17 октября 1921 г. меркуловской контрразведкой был арестован председатель нелегальной военной организации РКП(б) Владивостока Рукосуев-Ордынский. На третий день после ареста его во время допроса зверски умертвили. Вместе с ним были убиты подозреваемые в принадлежности к РКП(б) П. Тынько, И. Портных, Иванов и Пашков. Трупы убитых в мешках были брошены в море. 22 и 23 октября 1921 г. мешки с трупами прибил к берегу, портовые грузчики вытащили их и опознали убитых¹. 15 октября меркуловскими контрразведчиками был убит уполномоченный ДВР в Приморье Цейтлин.

Особоуполномоченный ДВР в Москве Кушнарев в меморандуме от 16 декабря 1921 г., который был направлен в адрес национального комитета Англии «Руки прочь от России», писал: «Под покровительством японцев меркуловское «правительство» установило систему террора во Владивостоке и Приморской области. Эзекции происходят ежедневно. Тела убитых и замученных рабочих со связанными руками находят каждый день на улицах города. Установлено, что только в продолжение текущего месяца расстреляно до 200 человек. Во Владивостоке существуют многочисленные помещения для производства пыток, в которых практикуются средневековые приемы. Происходит вырывание ноздрей, выкалывание глаз и вырезывание различных частей тела»².

Японская и меркуловская контрразведки действовали в тесном контакте.

При активной поддержке иностранных империалистов меркуловцам удалось временно укрепиться и в Охотско-Камчатском крае. Меркуловское «правительство» направило в Охотско-Камчатский край экспедицию во главе с есаулом Бочкаревым, отряды которого осенью 1921 г. при поддержке японских военных кораблей заняли Охотск, Гижигу и Петропавловск.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 5, л. 4.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 31, л. 9. 24 октября 1921 г. в английской газете «Дейли геральд» в ответ на ранее посланное обращение трудящихся ДВР великобританский комитет «Руки прочь от России» опубликовал воззвание, в котором требовал, чтобы на Вашингтонской конференции ДВР и Япония были представлены на равных правах и чтобы до ее созыва Япония вывела свои войска из Сибири.

Сразу же после меркуловского переворота резко ухудшилось положение рабочих Приморья, попавших под власть белогвардейцев. Во Владивостоке число безработных достигло нескольких тысяч человек.

Ввиду террора, осуществлявшегося интервентами и белогвардейцами в Приморье, коммунистические организации вынуждены были уйти в глубокое подполье. Был создан подпольный областной комитет РКП(б), который поставил своей задачей объединить все революционные силы в Приморье, изолировать и свергнуть контрреволюционное меркуловское «правительство».

Под руководством дальневосточных партийных организаций выступления рабочих и крестьян против интервентов и белогвардейцев приобретали организованный характер. Третий чрезвычайный съезд делегатов крестьян и рабочих Ольгинского уезда, Приморской области, проходивший в начале июля 1921 г., принял обращение к иностранным консулам, в котором выражался резкий протест против организованного империалистами контрреволюционного переворота¹.

Митинги и собрания протеста против меркуловского переворота происходили во всех городах и в большинстве сел Дальневосточной республики. На этих митингах и собраниях разоблачалась захватническая политика империалистов и их сотрудничество с русскими контрреволюционными организациями. Так, на профсоюзной конференции в городе Владивостоке было принято решение бойкотировать выборы в меркуловское «народное собрание». Это решение профсоюзы провели в жизнь.

Наряду с этим в Приморье стали создаваться новые партизанские отряды.

2. Организация и использование бандитизма японскими и американскими империалистами

В борьбе против Советской России и ДВР японские и американские империалисты широко использовали бандитизм. Длинная пограничная линия с Китаем, обилие пустынных и малодоступных районов с крайне редким населением — все это облегчало деятельность белобандитов

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 17, л. 405.

на Дальнем Востоке. Деятельность белобандитских отрядов против ДВР началась еще в 1920 г., но особенно она усилилась летом 1921 г. в связи с наступлением Унгерна и контрреволюционным переворотом в Приморье.

Активно действовали уголовные банды так называемых хунхузов, которых поддерживали японские интервенты. Перед хунхузами японское командование ставило задачу разорять крестьянство и этим вызывать недовольство крестьян против существующей власти, которая якобы не могла оградить крестьян от набегов бандитов. Разбойничьи нападения хунхузов нужны были японскому командованию также для того, чтобы оправдывать пребывание японских войск в Приморье необходимостью поддержания порядка.

Нападения хунхузов наносили большой ущерб крестьянскому хозяйству и жителям приисковых поселков. 28 декабря 1920 г. отряд хунхузов численностью более 200 человек напал на село Благословенное, Амурской области. Заняв село, хунхузы хозяйничали в нем четыре дня. Они расстреляли пять жителей села, из них одну женщину, сожгли 23 жилых помещения, увели 217 лучших лошадей, зарезали 17 коров и забрали у жителей все наиболее ценные вещи¹.

Отряд хунхузов был хорошо вооружен. Под давлением отряда НРА хунхузы отступили на территорию Китая. В 1921 г. село Благословенное подверглось вторичному опустошительному нападению хунхузов. После этого жители села решили обнести село земляным валом и колючей проволокой, соорудить бойницы и т. д.²

Японцы использовали в своих интересах отряды хунхузов и в Китае, в полосе отчуждения КВЖД.

В марте 1921 г. китайская газета «И-шибао» сообщала, что «с июня 1920 г. в пограничных районах японцы организовали 27 рот хунхузов, снабдив их 2 тыс. винтовками, 300 револьверами и 8 пулеметами. Лидер этих хунхузов Чиншан, произведенный японцами в майоры, согласился действовать под руководством японского командования против большевиков и корейцев»³.

Представитель США в межсоюзном железнодорожном комитете Смит следующим образом определил цели, ко-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-89, оп. 1, д. 19, л. 122.

² Там же, л. 1922.

³ ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 45, л. 78.

торые преследовало японское командование, организовав нападение на КВЖД: «В Маньчжурии хунхузнические отряды японцы создали и вооружили для нападения на железную дорогу. Цель преследовалась та, что вот Уссурийскую железную дорогу охраняют японцы и нападений не бывает, а поэтому и КВЖД дайте под нашу охрану. Но мы знали, чего они добиваются, и, конечно, не обратились к ним за помощью»¹.

В апреле 1922 г. китайский консул во Владивостоке передал японскому консулу официальный, основанный на документальных материалах протест против формирования японцами в полосе отчуждения КВЖД отрядов хунхузов, предназначенных для нападения на эту дорогу»².

К 1922 г. значительно большую опасность, чем нападения хунхузов, приобрел политический бандитизм, организации которого стали уделять много внимания японские и американские империалисты и русские белогвардейцы.

Постановлением меркуловского «правительства» от 28 мая 1922 г. за № 315 генерал-майор Забайкальского казачьего войска И. Ф. Шильников был уполномочен организовать белоповстанческое движение в районе Забайкалья. Ему предоставлялось право призывать в войска русских белогвардейцев, находившихся на территории Китая, а также население Забайкалья. Шильникову были присвоены права командующего войсками округа. «Правительство» Забайкальского казачьего войска, находившееся в Маньчжурии, было подчинено Шильникову³. Необходимо отметить, что постановление меркуловского «правительства» лишь оформляло полномочия Шильникова по руководству белобандитским движением.

Еще в 1921 г. Шильников совместно с генералом Бакшеевым⁴ организовал и направил в Забайкалье несколько белобандитских отрядов. Штаб Шильникова дей-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 40.

² ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 93.

³ Там же, л. 276.

⁴ Бакшеев А. П. — заместитель атамана Семенова и председатель воинского казачьего правительства Забайкалья. За антисоветскую и контрреволюционную деятельность в августе 1946 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение.

ствовал на станции Маньчжурия под видом организации Красного креста. При нем имелось четыре отдела: оперативный, вербовочный, снабжения и контрразведки. Организацию и руководство белобандитским движением в районе среднего течения Амура возглавлял генерал Сычев, штаб-квартира которого была в городе Сахаляне. Формированием белых банд на станции Хайлар занимался генерал Мациевский¹.

Руководители белобандитского движения получали помощь от японского командования и Чжан Цзо-лина и были связаны с монархическими организациями в Харбине и Шанхае. Организация монархистов на Дальнем Востоке, именовавшая себя «Восточной монархической организацией», поддерживала связи с центрами монархических организаций в Европе. Агенты монархических организаций вели учет и вербовку бывших военнослужащих колчаковской и семеновской армий. В большинстве случаев отряды белобандитов формировались в полосе отчуждения КВЖД или на территории Маньчжурии. Обычно численность бандитского отряда колебалась от 20 до 100 человек. Сформированный белобандитский отряд небольшими партиями, по 5—7 человек, переправлялся на русскую территорию. Иногда белобандиты переходили через границу поодиночке под видом рабочих, торговцев и т. д. Прорвавшись на территорию ДВР, белобандиты продолжали поддерживать связь с заграницей, откуда получали денежные средства, вооружение, а также директивы. Некоторые из них вели контрреволюционную работу среди населения и в частях Народно-революционной армии.

По замыслам империалистов и белогвардейских генералов, прибывшие на русскую территорию белобандитские отряды должны были явиться вооруженными ячейками, организующими вокруг себя все контрреволюционные элементы.

Зачастую белобандиты вступали в тесный контакт с эсерами. Вместе с последними они вербовали сторонников среди кулачества и зажиточных казаков. Вдоль Амура весной 1922 г. действовало восемь отрядов. Белобандиты подобно хунхузам грабили, убивали, разоряли

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 276.

крестьянское хозяйство, уводили лошадей, организовывали крушения поездов и т. д. Они беспощадно расправлялись с попавшими в их руки коммунистами, сельскими активистами, бойцами и командирами НРА. В августе 1922 г. в трех верстах от деревни Каменушка, Амурской области, были обнаружены трупы захваченных в плен и зверски замученных командира взвода территориального батальона Кабаргина и бойца Генькова. У замученных были «отрезаны языки, раздроблены ладони, между пальцами рук вставлены железные крючки, вдоль рук вырезаны инициалы РСФСР, ноги иссечены и связаны проволокой»¹.

Белобандиты наносили большой ущерб народному хозяйству ДВР, особенно сельскому хозяйству. По сведениям информационной части Министерства внутренних дел ДВР, относящимся к первой трети 1922 г., «экономическое благосостояние Амурской области, справедливо считавшейся ранее житницей русского Дальнего Востока, в настоящее время окончательно разрушено. К числу самых главных факторов подрыва экономического благосостояния области стносится бандитизм, окончательно разоривший крестьянство, очутившееся перед угрозой не только недосева полей, но и голода»². Белобандиты организовывали покушения на руководящих партийных работников. Так, в мае 1922 г. около города Читы были убиты руководящие работники Дальбюро ЦК РКП(б) тт. Анохин и Крылов.

С осени 1921 г. в Якутии, на побережье Охотского моря, на Камчатке и Чукотке стали активно действовать банды Бочкарева, Пепеляева и др. Эти банды были организованы при участии американских империалистов, стремившихся утвердить свое экономическое господство в указанных районах. Так, на основании «договора» Бочкарева с американским капиталистом О. Н. Свенсоном Бочкарев предоставлял последнему «все преимущества перед иностранными подданными в отношении торговли в Охотско-Камчатском крае, а также разработку золотых приисков в указанном крае на казенных заявках»³. В свою очередь Свенсон обязался снабжать отряд

¹ ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 77, л. 631.

² «Вестник ДВР» № 2, 1922 г., стр. 71.

³ ЦГАДВ, ф. Р-384, оп. 3, д. 53, л. 30.

Бочкарева «всем необходимым», т. е. вооружением, обмундированием, продовольствием и т. д.

Американские фирмы «Свенсон», «Вульфсон и К^о» и др. скупали пушнину, награбленную бандами Бочкарева у мирного населения. Весной 1922 г. один из отрядов Бочкарева недалеко от реки Колымы захватил транспорт пушнины у якутов, причем все сопровождавшие транспорт якуты были перебиты, тюки с пушниной, навьюченные на 31 лошадь, были доставлены на побережье Охотского моря, в Гижигу, и сданы на склады фирмы «Свенсон»¹. Американцы поставляли оружие белобандитским отрядам, бесчинствовавшим на Колыме и Чукотке. Весной 1922 г. американец Кастель за соответствующее вознаграждение передал белобандитам шхуну, на которой банда поручика Гончарова прибыла на Чукотку, где грабила чукчей, собирая «налоги» за три года вперед².

В районе Аяна и в Якутии свирепствовали банды другого ставленника американских империалистов — генерала Пепеляева и контрреволюционные отряды якутского областного «правительства», которое возглавлял эсер Куликовский.

К весне 1922 г. деятельность белых банд на территории ДВР приняла настолько угрожающие размеры, что партийные организации Дальнего Востока и правительства ДВР были вынуждены принять чрезвычайные меры по борьбе с бандитизмом. Законом от 3 апреля 1922 г. временно приостанавливалось действие статьи 26 конституции ДВР, отменявшей смертную казнь. На основании закона от 3 апреля 1922 г. бандиты, шпионы, изменники Родины могли приговариваться к расстрелу. На борьбу с белобандами были направлены отряды народной милиции и части НРА. В селах и деревнях были созданы отряды самообороны из крестьян, в которые вступали бедняки и середняки. В период с 1 января 1922 г. по октябрь 1922 г. на территории ДВР было выявлено и в большинстве случаев ликвидировано 18 белых банд, причем численность некоторых банд достигала 100—120 человек³.

В борьбе против бандитов, ставленников американского и японского империализма, активное участие при-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-2511, оп. 1, д. 15, л. 15—16.

² ЦГАДВ, ф. Р-2333, оп. 1, д. 601, л. 9.

³ ЦГАДВ, ф. Р-110, оп. 1, д. 5, л. 195—196.

нимали камчадалы, чукчи и другие народы Советского Дальнего Востока. Так, например, 24 февраля 1923 г. на Чукотке в селении Уэлен состоялось собрание жителей трех селений (Уэлен, Дежнева и Наукан), на котором присутствовал уполномоченный ревкома по Анадырскому и Чукотскому районам. Собрание приняло решение организовать партизанские отряды из местных жителей для борьбы с белобандитами. В этот же день был сформирован отряд в 112 человек лучших стрелков, названный «отрядом народной охраны по Чукотскому уезду»¹. В короткий срок было сформировано еще несколько таких отрядов. Это дало возможность ликвидировать в первой половине 1923 г. бандитские шайки, действовавшие на крайнем северо-востоке.

Таким образом, ставка империалистов на то, чтобы, используя политический и уголовный бандитизм, добиться осуществления своих захватнических планов, разрушить экономику Дальневосточной республики и вызвать недовольство рабочих и крестьян правительством ДВР, была бита.

3. Грабеж и эксплуатация оккупированных районов американскими и японскими империалистами

Японские монополии использовали интервенцию на Советском Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. для усиления хищнической эксплуатации природных богатств, для захвата наиболее доходных отраслей промышленности и торговли в свои руки. Большинство крупных японских фирм открыло отделения и конторы во Владивостоке. Например, во Владивостоке работали отделения экспортно-импортной фирмы «Судзуки и К^о», фирмы «Мицуи», «Кухара», «Мицубиси», «Чосен-банка», «Июкогама-Спешу банка» и т. д. Четвертая страница газеты «Владиво-Ниппо» всегда была заполнена объявлениями многочисленных японских фирм.

Японские капиталисты на русском Дальнем Востоке оперировали крупными капиталами. «Чосен-банк», тесно связанный с японским правительством, имел право эмиссии. Банкноты этого банка в 1921—1922 гг. имели широ-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 910, л. 40.

кое обращение в Приморье и вытесняли рубль. Отделение «Чосен-банка» кредитовало наиболее крупные японские фирмы, действовавшие на Дальнем Востоке¹. Отделение «Июкогама-Спешу банка» во Владивостоке осуществляло операции по экспорту и импорту товаров. Японские банки выкачивали золото и серебро из Советского Дальнего Востока. Японские товары в большом количестве ввозились в Приморье и другие районы, где хозяйничали интервенты. Но сбыт их стал все более и более затрудняться конкуренцией со стороны американских и английских товаров. В больших количествах японцы ввозили спиртные напитки. Район сбыта спиртных напитков простирался далеко за черту оккупированных местностей. В 1921 г. только через Николаевск-на-Амуре было ввезено спиртных напитков на сумму 2 млн. иен².

Огромные доходы интервенты получали от широко развернувшейся хищнической ловли рыбы. Только в охотско-камчатских водах в 1922 г. японскими рыбопромышленниками было добыто 6,6 млн. пудов рыбы³. Японские капиталисты имели в охотско-камчатских водах консервные заводы и другие предприятия для переработки рыбы, стоимость которых оценивалась в 40 млн. руб. золотом. Из 23 консервных заводов на Камчатке лишь два принадлежали русским капиталистам Демби и Грушецкому, но и они входили в японский синдикат⁴.

С 1921 г. рыбопромышленники, объединившись в союзе («кумай»), стали вопреки русско-японской конвенции 1907 г.⁵ захватывать рыболовные участки явочным порядком.

¹ См. «Экономическая жизнь Дальнего Востока» № 2, 1923 г., стр. 137.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 53, л. 93.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1615, л. 50.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 330, л. 34.

⁵ В 1907 г. между Россией и Японией была подписана конвенция на 12 лет, согласно которой японским подданным предоставлялось право рыбного промысла в русских дальневосточных водах. На основе конвенции для распределения рыболовных участков проводились ежегодные торги, в которых на равных правах принимали участие русские и японские рыбопромышленники. В 1919 г. Япония подписала соглашение с колчаковским правительством об автоматическом продлении конвенции 1907 г. до заключения нового договора с «признанным Российским правительством». После разгрома Колчака действие этой конвенции было подтверждено приморской областной земской управой.

28 апреля 1922 г. правительство Японии опубликовало сообщение о том, что оно разрешает союзу («кумий») заниматься ловлей рыбы, не считаясь с ранее заключенными соглашениями¹. «Союз японских рыбопромышленников в русских водах» держал в своих руках всю добычу и переработку рыбы в водах Охотско-Камчатского края. Правление союза монопольно хозяйничало в русских дальневосточных водах, получая при этом огромные барыши. В издававшемся в Токио на русском языке журнале «Голос Японии», в № 56 за август 1923 г., сообщалось, что в 1920 г. японскими рыбаками в охотско-камчатских водах было выловлено: горбуши — 60 063 111 штук, кеты — 11 128 893 штуки. Всего японские рыбопромышленники в 1918—1922 гг. добывали в русских водах ежегодно в среднем рыбных продуктов на 24 615 088 иен².

В 1921—1922 гг. число японских рабочих, занятых добычей и переработкой рыбы на Камчатке, достигало 25 тыс. человек³. Японское правительство отвергало все предложения ДВР урегулировать эксплуатацию рыболовных участков и для охраны интересов своих браконьерствующих рыбопромышленников направляло военные корабли. Командование интервентов оказывало поддержку японским капиталистам в деле захвата рыболовных участков, не включенных в район действия конвенции 1907 г. В 1920 г. оно передало в эксплуатацию японским промышленникам рыболовные участки в низовьях Амура, издавна находившиеся в пользовании местного населения и никогда не входившие в конвенционные воды⁴.

Японский генеральный консул во Владивостоке сообщил 24 февраля 1920 г. председателю приморской областной земской управы о том, что военное командование его страны принимает на себя заведование рыбными промыслами в низовьях реки Амура и Амурском лимане. Предлогом для этого служило то, что «ввиду положения общих дел в этой местности русские власти не в состоя-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1, оп. 4, д. 12, л. 4.

² ЦГАДВ, ф. Р-2511, оп. 1, д. 15, л. 24.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 286, л. 11.

⁴ По русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. японцы получили право лова на побережье, за исключением заливов (или бухт) и речных бассейнов.

нии управлять рыбными промыслами»¹. 16 декабря 1920 г. японский генеральный консул во Владивостоке согласно указаниям министерства иностранных дел передал приморским властям меморандум, в котором указывалось, что «рыбные промыслы в низовьях реки Амура, а также в Амурском лимане со включением островов Лянгер, Удд и прочих будут находиться в дальнейшем ведении японского командования. Что же касается рыбных промыслов в остальной части Северного Сахалина и в водах побережья от мыса Лазарева до Де-Кастри, то таковые до сего времени находились в ведении японского командования»².

Фактически все побережье Советского Дальнего Востока было захвачено японскими рыбопромышленниками, которые хищнически истребляли рыбные ресурсы, используя запрещенные орудия лова и производя лов рыбы в неограниченном количестве.

После эвакуации японских войск из Приморья советским органам власти в 1923 г. и в последующие годы пришлось вести упорную борьбу с японскими рыбопромышленниками, пытавшимися продолжать хищнический лов рыбы в советских дальневосточных водах.

В 1920—1922 гг. японские капиталисты усилили скупку за бесценнок пушнины, особенно на Камчатке. Они вели хищническую охоту на котиков.

В 1920—1922 гг. в больших масштабах продолжалась вырубка леса и вывоз его в Японию. В апреле 1920 г. было зарегистрировано 29 новых лесопромышленных компаний с капиталом в 27 389 тыс. иен, образовавшихся для эксплуатации лесных богатств Сибири. Японские капиталисты стремились закрепить за собой наиболее удобные лесные площади. В 1921—1922 гг. меркуловским «правительством» было сдано в долгосрочную аренду, сроком на 24 года, 16 лесных концессий на площади 4600 тыс. десятин. Формально концессии были сданы русским, но за спиной каждого русского арендатора стояла какая-нибудь японская фирма³. Агенты японских фирм, вывозивших лесные материалы, обосновались во всех пунктах Дальнего Востока, где можно было заготовить лес.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 1, л. 109.

² Там же.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 286, л. 33.

Они снабжали крестьян, обязавшихся заготовить определенное количество леса под долговые расписки, спиртом, хлопчатобумажными тканями, сахаром и другими товарами¹. Наиболее крупные заготовки леса производились японцами в Сахалинской области и в Приморье. В Сахалинской области в районе Агнево японцами были уничтожены большие лесные массивы². В 1921 г. в Японию с Дальнего Востока было вывезено, лишь по официальным данным, 5 млн. кубических футов леса, а в 1922 г. — 12 071 758 кубических футов³; фактически было вывезено леса значительно больше, так как во многих районах никакого учета вывозимого японцами леса не проводилось. На японских концессиях по заготовке леса беспощадно эксплуатировались русские, корейские и китайские рабочие.

В феврале 1921 г. группа японских и американских капиталистов решила организовать «Русско-японско-американское акционерное общество для эксплуатации лесных и горных богатств России» с основным капиталом в 2 млн. иен. Представитель общества обратился к правительству ДВР с просьбой предоставить лесную концессию в районе Императорской гавани.

Японские капиталисты через подставных лиц и непосредственно получали у меркуловского «правительства» разрешения на эксплуатацию месторождений золота и других рудных богатств, постройку предприятий и т. д. В декабре 1921 г. член японского парламента Васитаро Саито подал заявление меркуловскому «правительству» с просьбой разрешить ему построить на территории города Владивостока химико-медицинскую фабрику с основным капиталом в 1 млн. иен⁴. Разрешение было выдано в срочном порядке.

В феврале 1922 г. Меркуловы сдали в аренду японцам Уссурийскую железную дорогу. Во время обмена мнений по поводу сдачи Уссурийской железной дороги в аренду японский делегат Окура заявил: «Наше акционерное общество крайне заинтересовано Русским Дальним

¹ ЦГАДВ, ф. Р-50, оп. 1, д. 329, л. 7.

² ЦГАДВ, ф. Р-399, оп. 1, д. 18, л. 59.

³ «Отчет Приморского губернского исполнительного комитета губерньскому съезду Советов. Два года Советской власти», Владивосток 1925, стр. 243.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-90, оп. 1, д. 174, л. 41.

Востоком, а поэтому его интересуют также горные и лесные богатства края. Фирмы «Мицуи» и «Мицубиси» намерены организовать акционерные компании по эксплуатации богатства края с привлечением к делу русского капитала. Параллельно с арендой дороги мы намерены организовать акционерные предприятия по эксплуатации и вывозу природных богатств Приморья. В первую очередь мы думаем арендовать Сучанский каменноугольный рудник, наладить вывоз осинового чурок и шпал»¹.

24 апреля 1922 г. на заседании меркуловского «правительства» рассматривалось ходатайство группы японских капиталистов во главе с Ацуси Хиратсука о предоставлении им монопольного права на прокладку и эксплуатацию телеграфного кабеля между приморским побережьем и Японией². Японские империалисты принимали целый ряд мер для закрепления своих позиций на Камчатке. В 1921 г. по заданию правительства директор департамента рыболовства Мураками совершил объезд Камчатки и разработал планы усиления эксплуатации ее природных богатств³. В мае 1922 г. к побережью Камчатки были направлены специальные суда морского ведомства «Киа-чао» и «Бусе» для производства гидрографических работ⁴.

Летом 1922 г. для «обследования» Камчатки была послана экспедиция под начальством некоего Тамура, который перед отъездом в интервью представителям печати заявил: «В настоящее время много американцев и англичан поделили между собой лакомые кусочки. Япония в силу географической близости должна во что бы то ни стало оказать противодействие, забрав в свои руки разработку природных богатств, а также устроить японские поселения» (на Камчатке. — С. Г.)⁵. Летом 1922 г. Приморье посетил член нижней палаты парламента Хитоцу Янаги; по возвращении в Японию он заявил, что в Сибири имеется около 20 млн. акров земли, пригодной для культивирования риса. По его мнению, если японские фермеры могли бы продолжать расширять свои поля (на

¹ Г. Рейхберг, Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке, стр. 170—171.

² ЦГАДВ, ф. Р-170, оп. 1, д. 8, л. 90.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1, оп. 4, д. 12, л. 10.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 143.

⁵ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 53, л. 155.

русском Дальнем Востоке. — С. Г.), они имели бы возможность долгое время снабжать рисом население своей страны. Он говорил о том, что «необходимо использовать естественные богатства этой страны, находящиеся под рукой»¹. В это время была начата усиленная эксплуатация природных богатств Северного Сахалина. Фирма «Кухара» организовала для разработки нефти акционерное общество, в которое вошли крупнейшие японские фирмы — «Мицубиси», «Окура», «Ниппон ойл компани» и др.² Активное участие в организации добычи нефти на Северном Сахалине принял японский морской штаб, заинтересованный в получении нефти для флота. Деятельность представителей японского монополистического капитала в Приморье, на Северном Сахалине и в других районах русского Дальнего Востока показывает, что японские империалисты, хищнически истреблявшие природные богатства Советского Дальнего Востока, одновременно с этим стремились установить длительное господство японского капитала в Приморье, на Северном Сахалине и на Камчатке, превратить русский Дальний Восток в свою колонию.

В 1920—1922 гг. американские монополисты, используя японскую интервенцию, развили большую активность, направленную на расширение своих экономических позиций на русском Дальнем Востоке.

Представители американских трестов и синдикатов сделали десятки заявок правительству ДВР о предоставлении им концессий. При этом они стремились в первую очередь прибрать к своим рукам горнорудные богатства Дальнего Востока. 29 января 1921 г. представитель компании «Юба констрекшен» (Сан-Франциско) Хельман сделал заявку относительно предоставления его синдикату права на производство поисков и разведок золота, платины, серебра и других полезных ископаемых на территории Амурской области, сопредельных приисковых районов Якутской, Забайкальской и Приморской областей

¹ «Japan Advertiser», 18 августа 1922 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 236, л. 45.

ДВР и о предоставлении названному синдикату прав на эксплуатацию вышеупомянутых месторождений¹.

5 июня 1922 г. правительству ДВР было направлено предложение «Торгово-промышленной американской компании развития Сибири», связанной с Национальным банком США в Вашингтоне. Компания ставила вопрос о передаче ей в исключительное пользование территории между 50 и 60° северной широты и 130 и 140° восточной долготы с правом добычи золота, угля и других ископаемых, а также организации различных торговых предприятий, постройки заводов, дорог сроком на 99 лет. При этом предусматривали возможность передачи ее в целом или в частях третьим лицам или компаниям. «Концессия, — говорилось в предложении, — компенсируется оплатой арендной платы и уплатой пошлины с предприятий на этой территории»².

В случае невозможности предоставить в концессию вышеупомянутую площадь компания просила земли между рекой Амур и 70° северной широты, включающие и северный участок побережья Охотского моря между 160 и 120° восточной долготы³. Компания претендовала на получение «концессии» площадью около 700 тыс. кв. км, что почти в 3 раза превосходит территорию Великобритании. Эти и другие предложения американских монополий были отвергнуты правительством ДВР, поскольку они были не совместимы с суверенитетом и территориальной целостностью Дальневосточной республики.

Иначе дело обстояло с «правительством» Меркуловых. Это, с позволения сказать, «правительство» готово было оптом и в розницу распродать богатства Дальнего Востока. Показательна в этом отношении резолюция, принятая на заседании комитета Приморской окружной торгово-промышленной палаты меркуловского «правительства» 25 апреля 1922 г. На этом заседании присутствовали консул США во Владивостоке Д. Б. Макгован и представитель министерства торговли и промышленности США Мейер, получившие соответствующее указание от государственного департамента. В резолюции, выработанной при участии официальных представителей США,

¹ ЦГАДВ, ф. Р-75, оп. 2, д. 132, л. 1.

² ЦГАДВ, ф. Р-141, оп. 1, д. 9, л. 54

³ Там же, л. 56.

было записано: «...Принять к сведению желание американских торгово-промышленных кругов завязать тесные экономические сношения с русским Дальним Востоком». Для осуществления этого «учредить во Владивостоке банк с операциями не только краткосрочного, но и долгосрочного кредита». Резолюция предусматривала предоставление американским капиталистам широких прав для «использования естественных богатств Камчатки... в области рыбного и пушного дела, золотопромышленности», предоставление американским капиталистам возможностей для оборудования лесопильных и деревообделочных заводов, золотопромышленных и углепромышленных предприятий, финансирования существующих железных дорог и железнодорожного строительства, судоходства, а также снабжение этих предприятий необходимым оборудованием и материалами¹.

Американские дельцы развернули хищническую торговлю с населением чукотского, анадырского и охотско-камчатского побережий. Только из Нома (Аляска) ежегодно выходило 50—60 торговых шхун². Американские торговцы почти даром забирали драгоценную пушнину у туземного населения. Например, за шкурку песка, стоившую 40 долл., давали отрез ситца стоимостью 1—2 долл., а за плитку чая брали двух песцов³. Служащие американских компаний спаивали чукчей и у пьяных за бесценку забирали пушнину⁴.

Американские монополисты до поры до времени воздерживались от капиталовложений в промышленность и другие отрасли народного хозяйства. Опасаясь за судьбу своих капиталов, они ждали того момента, когда Япония вооруженной силой подавит революцию и восстановит капиталистические порядки на Дальнем Востоке, и тогда собирались начать эксплуатацию богатств края в широких масштабах. На это обстоятельство проливает свет следующий факт. Американский представитель в межсоюзном железнодорожном комитете Смит 10 февраля 1921 г. на вопрос о том, будет ли вкладываться амери-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 389. Это решение Приморской торгово-промышленной палаты вызвало большое недовольство японских капиталистов.

² ЦГАДВ, ф. Р-2511, оп. 1, д. 15, л. 9.

³ ЦГАДВ, ф. Р-2333, оп. 1, д. 601, л. 9.

⁴ Там же.

канский капитал на Дальнем Востоке, ответил: «О, да! Но для этого нужна демократическая (т. е. капиталистическая. — С. Г.) форма правления. Мы можем, даже хотим дать денег»¹.

Кроме США, японскую военную интервенцию на русском Дальнем Востоке стремились использовать империалисты и других государств. Представители английского капитала сделали ряд предложений правительству ДВР о предоставлении им концессии на разведку и добычу золота. Но всего охотнее они вели дело с марионеточным меркуловским «правительством». В августе 1921 г. представитель «Приамурско-английского кооператива» инженер Арцт обратился в совет управляющих ведомствами меркуловского «правительства» с заявлением о предоставлении ему горных концессий по реке Волчьей на Чукотском полуострове. Совет, рассмотрев заявление инженера Арцта, постановил: «Высказать принципиальное пожелание о внедрении нейтрального иностранного капитала в русскую горнопромышленность на Чукотском полуострове»². В мае 1922 г. английский капиталист Г. Л. Тове получил разрешение меркуловского «правительства» заниматься золотым промыслом «в стоверстной прибрежной полосе Приморской, Камчатской и Сахалинской областей и на прилегающих островах»³.

Германские империалисты также проявляли интерес к природным богатствам Дальнего Востока. Советник германского посольства в Пекине доктор Асмис в 1922 г. сделал предложение правительству ДВР предоставить немецким капиталистам концессию на добычу свинца в Забайкалье⁴. Осенью 1922 г. Читу посетила германская миссия во главе с тайным советником доктором Асми-сом. Эта миссия после пребывания в Чите предприняла поездку в Амгуно-Кербинский район в низовьях Амура⁵.

Экономическая активность иностранных империалистов на русском Дальнем Востоке в 1921—1922 гг. была весьма высокой. Она была неразрывно связана с их намерениями отторгнуть русский Дальний Восток от Советской России и превратить его в зависимую территорию.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 40.

² ЦГАДВ, ф. Р-170, оп. 1, д. 2, л. 10, 196.

³ Там же, л. 263.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-141, оп. 1, д. 9, л. 1.

⁵ ЦГАДВ, ф. Р-1399, оп. 1, д. 18, л. 73.

ГЛАВА V

ДАЙРЕНСКАЯ И ВАШИНГТОНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ. НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ИХ РАЗГРОМ ПОД ВОЛОЧАЕВКОЙ

1. Первый период работы Дайренской конференции

Летом и осенью 1920 г. Советская Россия подписала мирные договоры с Литвой, Латвией и Финляндией и договор о перемирии с Польшей. В феврале и марте 1921 г. были установлены дипломатические отношения с Персией, Афганистаном и Турцией. Крупнейшее значение имело англо-советское соглашение, подписанное 16 марта 1921 г., согласно которому между Англией и Советской Россией устанавливались торговые отношения. Затем были подписаны торговые соглашения с Германией, Норвегией и другими странами. Политика мира, настойчиво проводимая Советским правительством, встречала одобрение широких слоев трудящихся всех стран.

В марте 1921 г. X съезд партии принял решение о переходе от продразверстки к продналогу, о переходе к новой экономической политике. Это решение имело величайшее значение для судеб нашей страны. Оно обеспечивало прочный экономический союз рабочего класса и крестьянства для строительства социализма.

Экономическое и политическое укрепление Советской России не могло не отразиться самым благотворным образом на положении ДВР.

Только при повседневной экономической и политической поддержке Советской России Дальневосточная республика могла успешно отражать натиск империалистических хищников, стремившихся захватить ее территорию. Председатель правительства ДВР Н. М. Матвеев в апреле 1922 г. в интервью с корреспондентом Дальта¹

¹ Дальневосточное телеграфное агентство.

говорил: «Мы никогда ни перед кем не скрывали, что мы кровно связаны с Советской Россией, утверждать обратное было бы явной нелепостью. Правда, под давлением международной обстановки мы вынуждены образовать республику... но это далеко еще не значит, что интересы ДВР и РСФСР стали противоположны друг другу... что Советская Россия стала для нас такой иностранной державой, как, например: Япония, Франция и другие хищные империалистические страны»¹.

Советское правительство и правительство ДВР неоднократно обращались ко всем империалистическим государствам с предложением установить мирные отношения, прекратить интервенцию. Однако Япония, США, как и другие империалистические державы, оставляли эти мирные предложения без ответа.

Правительства РСФСР и ДВР последовательно и настойчиво разоблачали происки американских и японских империалистов, направленные на превращение Дальневосточной республики в зависимое от империалистов государство. Попытки японских империалистов навязать неравноправный договор ДВР путем военного и дипломатического нажима встречали отпор.

Опираясь на поддержку Советской России, большевики Дальнего Востока проводили миролюбивую политику, соответствовавшую интересам революции, интересам трудящихся Советской России и Дальнего Востока. Миролюбивый характер внешней политики, проводившейся Дальневосточной республикой, ярко выявился на Дайренской конференции.

Дайренская конференция, участие в которой приняли представители Дальневосточной республики и Японии, происходила с перерывами с 26 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г. Предложение о созыве конференции было сделано японским правительством в условиях, когда империалистические государства, используя засуху и голод в Советской России, усилили дипломатический нажим на нашу страну и организовали ряд военных провокаций против РСФСР и ДВР. Японские империалисты стремились использовать благоприятную, с их точки зрения, международную обстановку для того, чтобы дипломатическим путем закрепить за Японией оккупированную рус-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 2, д. 13, л. 2.

скую территорию на Советском Дальнем Востоке и тем самым развязать себе руки на предстоящей Вашингтонской конференции.

Представитель Совета Министров ДВР П. Никифоров говорил на заседании Народного собрания Дальневосточной республики, что, «начиная переговоры, Япония рассчитывала, что мы пойдем на какие угодно жертвы и уступки, лишь бы добиться признания»¹.

В августе 1921 г. поверенный в делах США в Японии Белл сообщал в государственный департамент: «Помощник министра иностранных дел Японии сообщил мне сегодня, что Япония намеревается уйти из Владивостока в надлежащий момент. Однако он сказал, что японцы не могут эвакуироваться, пока они не получат достаточных гарантий на бумаге в отношении положения японских интересов и дел после отступления Японии. Был сделан намек, что поэтому японцы не будут эвакуироваться в ближайшем будущем»². Таким образом, японское правительство ставило своей задачей добиться на конференции того, чтобы правительство ДВР признало особые права и интересы Японии на русском Дальнем Востоке, не давая со своей стороны никаких обязательств об эвакуации.

Уже после того, как началась работа конференции, Белл сообщал в государственный департамент: «...Фактом является то, что Япония не желает иметь дело с Чистой на той основе, которая повлечет за собой признание Чисты независимой страной»³.

Не строя иллюзий насчет истинных намерений японских правящих кругов, правительство ДВР тем не менее в интересах установления мира на Дальнем Востоке согласилось на созыв конференции. Оно рассчитывало, что в ходе переговоров удастся несколько ограничить империалистические притязания Японии и добиться мирным путем эвакуации японских войск. Залогом этому был рост могущества РСФСР, усиление борьбы народных масс Советского Дальнего Востока против японской агрессии. Правительство ДВР готово было «предоставить Японии известные компенсации в виде некоторых коммерческих и экономических выгод»⁴ при условии полной эвакуации

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 31, л. 126.

² «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 713.

³ Там же, стр. 715.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 2, д. 13, л. 4.

японских войск со всей территории Советского Дальнего Востока.

Правительство США с самого начала конференции приняло энергичные меры для того, чтобы не допустить подписания какого-либо соглашения между ДВР и Японией. В связи с началом Дайренской конференции оно активизировало свою политику на русском Дальнем Востоке. В начале сентября 1921 г. в Читу была направлена американская миссия во главе с Колдвеллом — консулом США в городе Кобе (Япония).

Инструкция, данная Колдвеллу, гласила: «...Пребывающая в Чите, (Колдвелл. — С. Г.) не будет занят обычными посольскими делами, а ограничит свою деятельность информационными связями с местными властями, а также дружественным наблюдением. Его благоразумию предоставляется в случае необходимости распространить свое влияние на защиту американских частных интересов»¹.

Колдвелл прибыл в Читу 2 ноября 1921 г. Американская миссия, возглавляемая Колдвеллом, присутствовала на открытии второй сессии Народного собрания ДВР в Чите. Правительство США прилагало усилия к тому, чтобы не допустить подписания соглашения между ДВР и Японией. Американские дипломаты недвусмысленно давали понять представителям ДВР, что заключать соглашение с Японией не следует, так как сибирский вопрос будет разрешен на Вашингтонской конференции. Государственный секретарь США Юз в телеграмме от 9 сентября 1921 г. поверенному в делах США в Японии Беллу давал указание, чтобы консул США в Дайрене Кирджасов указал делегатам Читы, «выдавая это за свое личное мнение, что заключение каких-либо соглашений (с Японией. — С. Г.), которые могли бы подвергнуть административную или территориальную неприкосновенность Восточной Сибири опасности или изменению статуса русских прав и интересов, было бы неблагоприятно, особенно ввиду предстоящей конференции в Вашингтоне»².

14 сентября 1921 г. консул Кирджасов писал в государственный департамент о том, что он указывал деле-

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 746.

² Там же.

гату Дальневосточной республики, что, «имея в виду предстоящую конференцию в Вашингтоне, Чита не должна уступать территорию или права»¹. На это делегат ДВР, по сообщению Кирджасова, ответил: «Если Чита не разрешит концессии, то Япония прервет переговоры, а если ничего не выйдет из Вашингтонской конференции, ясно, что Япония будет требовать даже больших концессий спустя некоторое время»².

Специальный корреспондент Дальта на Дайренской конференции 16 сентября 1921 г. писал из Дайрена: «Американцы чрезвычайно заинтересованы этой конференцией и все время стремились путем переговоров через своего консула здесь по возможности повлиять на нас в смысле оттяжки переговоров»³.

4 октября 1921 г. посланник США в Китае Шерман сообщал из Пекина в государственный департамент о том, что «имеется опасность, что Дальневосточная республика заключит соглашение с Японией прежде, чем начнется Вашингтонская конференция. Это могло бы совершиться при присоединении Северного Сахалина к Японии. Возможно, что подобная уступка не была бы совершена, если бы США допустили торговую миссию» (ДВР. — С. Г.)⁴. 15 октября 1921 г. государственный департамент опубликовал ноту, направленную Японии, в которой выражалось недовольство правительства США политикой Японии в Китае и Сибири и указывалось, что Соединенные Штаты могут потребовать передачи Сибирского вопроса, как совершенно не урегулированного, на разрешение Вашингтонской конференции⁵.

Правительство США поставило своей задачей не допустить подписания соглашения между Японией и ДВР на Дайренской конференции, так как интервенция и борьба между Японией и Советской Россией ослабляли позиции Японии в Китае, а неурегулированный сибирский вопрос давал возможность американским империалистам исполь-

¹ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 726.

² Там же, стр. 716.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 10, л. 21.

⁴ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 747.

⁵ См. «Новости жизни», 17 октября 1921 г. 6 ноября 1921 г. газета «Нью-Йорк геральд Трибюн» писала, что русский вопрос явится «самым важным вопросом, который будет обсуждаться на Вашингтонской конференции».

зовать это в своих интересах на Вашингтонской конференции, в частности для защиты своих экономических позиций на русском Дальнем Востоке¹.

Японское правительство, созывая конференцию, приняло меры для того, чтобы в прессу просачивалось минимум сведений о конференции. По настоянию Японии местом созыва конференции был выбран город Дайрен, где японцы были полными хозяевами. Японская делегация состояла из третьестепенных дипломатических представителей, что должно было, по мнению японского правительства, показать, что Япония не придает серьезного значения конференции. Главой японской делегации был назначен Мацусима — бывший генеральный консул Японии во Владивостоке, прикомандированный в период интервенции к главному штабу японских войск. Членом делегации был назначен Симада — японский консул в Петропавловске. Фактически японской делегацией руководил начальник штаба японской армии, расположенной на Дальнем Востоке, генерал Такаянаги. На первом заседании конференции 26 августа 1921 г. японская делегация попыталась поставить себя в привилегированное положение по сравнению с делегацией ДВР. Мацусима вначале отказался предъявить письменные полномочия японской делегации, заявляя, что «ни ДВР, ни Советская Россия не признаны»². Но твердая позиция делегации ДВР заставила японскую делегацию предъявить свои письменные полномочия.

Делегацию ДВР возглавлял большевик Ф. Н. Петров, бывший в это время министром внутренних дел ДВР. По настоянию представителей ДВР японская делегация в начале переговоров согласилась на участие в переговорах представителя РСФСР по тем вопросам, которые задевали интересы Советской России³. Делегация ДВР сразу же твердо заявила японской делегации, что до тех пор, пока японские войска находятся на русском Дальнем Востоке, мирных условий там быть не может, а значит, не может быть нормальных взаимоотношений между ДВР и Япо-

¹ О политике США по вопросу Дайренской конференции см. *Н. Мостовец*, Вопросы всеобщей истории, «Ученые записки Академии общественных наук», вып. II, М. 1948, стр. 282—305.

² ЦГАДВ, ф. Р-77, оп. 1, д. 48, л. 10.

³ 5 декабря 1921 г. в Дайрен прибыл представитель РСФСР Ю. Мархлевский (ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 34).

нией¹. 6 сентября 1921 г. делегация ДВР предложила японской делегации конкретный проект соглашения, состоявший из 29 пунктов. По этому проекту Япония должна была в течение месяца вывести свои войска со всей территории русского Дальнего Востока, включая и Северный Сахалин. После эвакуации японских войск правительство ДВР обязывалось предоставить Японии крупные концессии и некоторые экономические льготы. Японская делегация, получив проект договора, внесла в него ряд «поправок» и дополнений. Приведем важнейшие из них:

1. Дату эвакуации японских войск устанавливает само японское правительство. По этому вопросу Мацусима заявил следующее: «Наши войска мы ввели без вашего правительства, без него и выведем»².

2. Предоставление свободы плавания для японцев по Амуру, объявление Владивостока свободным портом и невосстановление владивостокских укреплений.

3. Признание всех договоров, заключенных японским правительством с Семеновым и меркуловским «правительством»³.

Делегация ДВР отказалась признать захватнические притязания Японии и вновь потребовала установления точной даты вывода японских войск. По предложению японской делегации, в работе конференции был сделан двухнедельный перерыв. За время перерыва японские дипломаты составили свой проект договора, состоявший из 17 пунктов и трех секретных статей. Этот проект имел откровенно грабительский характер, и принятие его превратило бы ДВР в колонию Японии.

Требования японских империалистов, сформулированные в проекте договора, можно приблизительно разделить на две группы: военно-политическую и экономическую. В области военно-политической японские империалисты требовали: «Сделать Владивосток чисто торговым портом, поставив его под иностранный контроль».

¹ Характерно, что на втором заседании конференции глава японской делегации обратился с запросом к представителю ДВР о том, верен ли слух о предоставлении американскому капиталу в Амурской области горных и золотых концессий. Мацусима заявил: «Подобное дело нарушило бы принцип равных прав и открытых дверей для иностранцев» (ЦГАДВ, ф. 77, оп. 1, д. 48, л. 25).

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 21.

³ Там же, л. 20.

«Скрыть и в необходимых случаях взорвать все свои крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей и в будущем никогда их не восстанавливать, а также не предпринимать никаких военных мер в районах, прилегающих к Корее и Маньчжурии».

Правительство ДВР должно было предоставить Японии право на проживание и путешествие специальных японских военных чинов на всей своей территории и отказаться от права иметь военно-морской флот на Тихом океане. «Правительство ДВР никогда не будет держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожит существующий» (ст. 14)¹.

Стремясь прочно обосноваться на материке, японские империалисты добивались полного разоружения русского Дальнего Востока и установления своего военного контроля как на территории ДВР, так и в русских дальневосточных водах.

В статье 10 выдвигалось требование, чтобы правительство Дальневосточной республики обязалось «перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима и сохранять принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан»².

Японское правительство стремилось закрепить за собой оккупированный Японией Северный Сахалин, что нашло свое отражение в статье 15. В ней говорилось: «При решении николаевского вопроса³ правительство ДВР обязуется передать японскому правительству северную часть острова Сахалина в аренду сроком на 80 лет, как компенсацию за понесенные японскими подданными убытки во время Николаевских событий»⁴.

¹ «Вестник ДВР» № 1, 1922 г., стр. 53.

² Там же.

³ Так называемый николаевский вопрос возник в связи с тем, что в марте 1920 г. японский гарнизон, который был расположен в Николаевске-на-Амуре, совершил неспровоцированное нападение на партизан и революционные учреждения, находившиеся в городе, с которыми он заключил соглашение о перемирии. Партизаны во главе с анархистом Тряпицыным, несмотря на внезапность нападения, вскоре собрались с силами и разбили японский гарнизон. Это дало повод японской пропаганде начать лживую кампанию о мнимых «зверствах» революционных отрядов.

⁴ «Вестник ДВР» № 1, 1922 г., стр. 53.

Экономические требования, включенные японской делегацией в проект договора, сводились к следующему: «Пересмотреть японо-русскую рыболовную конвенцию, расширив права японских рыбопромышленников и предоставив японцам более широкие права каботажного у русского морского побережья» (ст. 2) ¹.

В отношении торговой и промышленной деятельности Японии требования были еще более наглыми: «Признавая принцип открытых дверей, правительство ДВР должно отменить для подданных Японии всякие ограничения, существовавшие на его территории, и не устанавливать их никогда в будущем в вопросах горнопромышленности, земледелия, лесных промыслов и вообще во всей добывающей промышленности, а равно предоставить японским подданным полную свободу торговли, ремесел, промыслов, приравняв их к подданным собственного государства, а также правительство ДВР обязуется предоставить японским подданным право собственности на землю...» (ст. 11) ².

Три секретные статьи японского проекта договора еще более ярко подчеркивают грабительский характер японских требований на Дайренской конференции:

«Ст. 1. В случае вооруженного конфликта между Японией и третьей державой правительство ДВР обязуется соблюдать строгий нейтралитет.

Ст. 2. Японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя.

Ст. 3. Эвакуация из Сахалинской области произойдет после фактического получения в аренду северной части острова Сахалина на условиях, изложенных в ст. 15 договора» ³.

Делегация Дальневосточной республики отвергла этот грабительский проект договора целиком, так как принятие его привело бы к полному экономическому и политическому порабощению ДВР Японией.

9 декабря 1921 г. Народное собрание ДВР в обращении «Ко всем народам» протестовало против японской интервенции и домогательства японских империалистов

¹ «Вестник ДВР» № 1, 1922 г., стр. 53.

² Там же.

³ Там же.

на Дайренской конференции. В обращении указывалось, что на «Дайренской конференции между Японией и ДВР японцы стараются получить согласие ДВР на то, чтобы японские войска остались в Сибири, чтобы укрепления в русских городах были уничтожены, чтобы японцам были отданы все концессии вдоль Татарского пролива: все это в целом означало бы потерю русского суверенитета и полную зависимость от Японии как в политическом, так и в экономическом отношениях»¹.

В ходе переговоров делегация ДВР продолжала настаивать на установлении точной даты эвакуации японских войск. Японская же делегация настаивала на том, что в первую очередь надо разрешить экономические вопросы, а вопрос об эвакуации японских войск будет разрешать само японское правительство. 29 октября генерал Такаянаги дал интервью корреспондентам японских газет в Дайрене, в котором говорил: «Японское правительство неоднократно заявляло, и эти заявления остаются в силе до сих пор, что Япония эвакуирует свои войска по своей инициативе, как только будет полная гарантия политического успокоения в Сибири»². Выдвинув грабительские требования, японское правительство принимало ряд мер для того, чтобы мобилизовать «общественное мнение» на поддержку своих требований. 2 ноября 1921 г. по инициативе генерала Такаянаги было созвано собрание сотрудников японских газет, прибывших на Дайренскую конференцию. На собрании была принята резолюция, подготовленная заранее генералом Такаянаги. В этой резолюции, конечно, выдвигались те же требования, которые выдвигали официальные японские представители. В резолюции было записано:

«1. Правительство Дальневосточной республики должно дать ответ на контрпредложения Японии и тем самым ускорить ход достижения соглашения по принципиальным пунктам на конференции.

2. Эвакуация войск из Сибири должна быть осуществлена по заключению соглашения по принципиальным вопросам Дайренской конференции»³.

В японской печати появились статьи с угрозами по адресу ДВР. Например, газета японских милитаристов

¹ ЦГАДВ, ф. Р-115, оп. 1, д. 25, л. 213.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 61.

³ Там же, л. 31.

«Кокумин» в номере от 15 декабря 1921 г. писала: «Чтите доброжелательно советуется подписать соглашение в духе предложений, сделанных японской делегацией, если ДВР не желает снова быть ареной продолжительной гражданской войны»¹.

Японская делегация стала более настойчивой в своих грабительских требованиях после того, как организованное японцами наступление белых на ДВР и на партизан Приморья привело к некоторым временным успехам.

Ободренная успехами белогвардейцев японская делегация отказалась от ранее принятого ею решения об участии представителей РСФСР в переговорах. Но в конце концов Ю. Мархлевский все же был допущен к ведению переговоров, однако не как представитель Советской России, а как частное лицо. Выжидая результатов Вашингтонской конференции, японская делегация намеренно затягивала работу Дайренской конференции, добиваясь частых и длительных перерывов в ее работе под предлогом «изучения вопросов», согласования их с правительством и т. д. До марта 1922 г. никакой договоренности по основным вопросам, поставленным на конференции, достигнуто не было.

В первый период работы Дайренской конференции до окончания Вашингтонской конференции выявились масштабы империалистических притязаний Японии на русском Дальнем Востоке. В это же время определилась политика США, направленная на то, чтобы сорвать Дайренскую конференцию и использовать русский Дальний Восток в качестве разменной монеты на Вашингтонской конференции.

2. Новое наступление белогвардейцев на ДВР в конце 1921 г. и его разгром

Осенью 1921 г. империалистические государства, используя засуху и голод в Советской России, организовали новое дипломатическое и военное наступление на нашу страну.

По замыслам империалистов, выступления контрреволюционных сил в Карелии, Средней Азии, на границах

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 83.

Польша с Белоруссией должны были сочетаться с вооруженным выступлением на Дальнем Востоке.

Японское командование начало вести активную подготовку к наступлению на ДВР из Приморья сразу же после меркуловского переворота. Одновременно с подготовкой наступления основных белогвардейских сил из Приморья на Хабаровск велась интенсивная подготовка нападения мелких белогвардейских отрядов из Маньчжурии на Амурскую область и на Забайкалье. Перед этими отрядами была поставлена задача нарушать коммуникации в тылу частей НРА и попытаться поднять восстание казачества.

В подготовке вооруженного выступления японские империалисты и белогвардейцы встретили и на этот раз активную поддержку империалистов других стран.

Министр иностранных дел Англии Керзон в июле 1921 г. предложил государственному секретарю США Юзу не ставить на Вашингтонской конференции вопроса о территориальной неприкосновенности России¹. Вскоре после этого английская газета в Пекине «Пекин Тяньцзин таймс» писала: «Было бы бесплодным предполагать, что японское правительство согласится действовать, как сторожевая собака, ожидающая окончательного урегулирования с Россией без какого-либо существенного обещания вознаграждения»². Подобная поддержка со стороны Англии усиливала империалистические притязания Японии.

В сентябре 1921 г. на пароходе «Франц Фердинанд» во Владивосток было переброшено с Ближнего Востока около тысячи белогвардейцев и уральских казаков³, перевозка которых была организована английским правительством на свои средства⁴.

¹ См. «Foreign Relations», т. I, 1921, стр. 37.

² «Peking and Tientsin Times», 2 августа 1921 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-84, оп. 1, д. 10, л. 22.

⁴ См. «Foreign Relations», т. II, 1922, стр. 841. Летом 1921 г. между Японией и Францией было подписано соглашение, по которому предусматривалась переброска остатков врангелевских войск с Ближнего Востока во Владивосток. Французское правительство обещало поддерживать политику, направленную на превращение русского Дальнего Востока в колонию Японии, а японское правительство обещало соблюдать здесь «интересы французов» (см. П. Никифоров, Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке, М. 1923, стр. 47—48).

В начале 1922 г. в Приморье по КВЖД прибыло несколько эшелонов с остатками белогвардейских банд Анненкова¹. Анненковцы, для того чтобы попасть на КВЖД, проделали огромный путь из Синьцзяна в Маньчжурию. При этом они получали помощь реакционного пекинского правительства, ориентировавшегося на США.

Накануне наступления белогвардейцев среди каппелевских и семеновских частей, расположенных в Приморье, распространялись провокационные слухи о восстаниях против Советской власти в Сибири, о свержении Советской власти в Поволжье и т. д. В ноябре 1921 г. командир меркуловской армии Молчанов издал приказ, в котором говорилось, что «наступление против большевиков начали европейские державы и что необходимо занять Хабаровск для того, чтобы оттянуть силы большевиков»².

В конце 1921 г. в Приморье было сконцентрировано около 20 тыс. солдат и офицеров японской армии. А всего в Приморье, Корее, Маньчжурии и на Сахалине находилось около 100 тыс. японских солдат и офицеров. Белогвардейские отряды в Приморье насчитывали 26 тыс. штыков и сабель³. Летом и осенью 1921 г. меркуловское «правительство» вело энергичную работу по вооружению белогвардейских частей, расходуя на это крупные суммы⁴. Одновременно вооружались части каппелевцев, расположенные во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске и других пунктах Приморья. Обмундирование для белогвардейских частей было закуплено в Маньчжурии, США или получено из Японии.

На основании соглашения от 29 апреля 1920 г. между Японией и временным правительством областной земской управы во Владивостоке японское командование не должно было допускать формирования каких-либо военных отрядов в пределах нейтральной зоны и тем более вооружать их. Но последнее постоянно нарушало это соглашение. Правда, передача оружия белогвардейским частям производилась тайно: японское командование старалось сохранить хотя бы видимость «нейтралитета».

¹ См. З. Карпенко, Гражданская война в Дальневосточном крае, Хабаровск 1934, стр. 148.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 20, л. 199.

³ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 30.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-223, оп. 1, д. 4, л. 2—9.

В начале ноября 1921 г. в адрес меркуловского «правительства» было получено отношение из японской военной миссии во Владивостоке за подписью полковника Гоми, в котором сообщалось, что «генерал Тачибана, принимая во внимание происходящие в Дайрене переговоры с правительством ДВР, а также согласно русско-японскому соглашению от 29 апреля 1920 г. не может допустить официально формирование каких-либо вооруженных частей, кроме милиции и резерва ее в пределах тридцативерстной нейтральной зоны, но в то же самое время, идя навстречу временному приамурскому правительству в деле национального строительства, генерал Тачибана отдает соответствующее распоряжение начальникам гарнизонов о том, чтобы формированию указанных отрядов за пределами тридцативерстной полосы не чинить препятствий. Что же касается выдачи винтовок, пулеметов и патронов, то генерал Тачибана сего числа сделал распоряжение в селе Раздольном майору Нагасаки выдать генерал-майору Овсяновскому 800 штук винтовок, 10 пулеметов и соответствующее количество патронов»¹.

Далее, начальник спасской уездно-городской милиции Бурмейстер в рапорте на имя начальника меркуловской милиции в феврале 1922 г. писал, что «японцы, выдавая русским воинским частям оружие... в большинстве случаев делают это под соусом милиции, стараясь выбрать для этого человека, которого знают. Действительно через мои руки проходило не только официально выдаваемое оружие, но и секретное для снабжения воинских частей»².

К началу ноября 1921 г. переформированные, вооруженные и обмундированные белогвардейские войска, названные «белоповстанческой дальневосточной армией», были готовы к наступлению. Меркуловская армия состояла в основной своей массе из офицеров, богатых казаков и кулаков. Во многих полках были роты, целиком составленные из офицеров. Укомплектованная опытным командным составом, белогвардейская армия проявляла большое упорство в бою. Ее положение облегчалось тем, что все важнейшие пункты Южного Приморья и линию

¹ ЦГАДВ, ф. Р-114, оп. 1, д. 25, л. 219.

² ЦГАДВ, ф. Р-34, оп. 1, д. 95, л. 47.

Железной дороги занимали японские войска, охранявшие тылы белых частей от партизанских ударов.

5 ноября 1921 г. крупные части белогвардейцев двинулись против центров партизанского движения в Приморье — Сучанского и Анучинского районов. В борьбе против партизанского движения белогвардейцы часто получали прямую вооруженную поддержку японских войск. В ноте протеста правительства Дальневосточной республики против вероломных действий интервентов, которая 17 ноября 1921 г. была вручена японской делегации в Дайрене, указывалось, что, в то время как японское правительство ведет переговоры в Дайрене, его командование в Приморье вооружает белогвардейские отряды, японские солдаты участвуют в карательных экспедициях против местного населения¹.

21 ноября меркуловская армия основными своими силами начала наступление вдоль Уссурийской железной дороги на север. 30 ноября белые заняли станцию Уссури, 4 декабря — Иман, а 22 декабря захватили Хабаровск. Попытки белогвардейских частей продвинуться от Хабаровска вдоль линии железной дороги на запад встретили решительный отпор Народно-революционной армии под станцией Ин, где 28 декабря 1921 г. произошел бой, в результате которого наступление белых было остановлено.

Одновременно с наступлением белогвардейских частей была сделана попытка поднять против ДВР восстание амурских казаков. В начале ноября 1921 г. в Сахалине (т. е. на территории Китая) был издан приказ, подписанный есаулом Рязанцевым, в котором амурское казачество призывалось к восстанию против ДВР, причем в приказе указывалось, что «правительство союзной нам державы возлагает на казачество великие надежды»². Поднять казачество на восстание против ДВР белогвардейцам и империалистам не удалось, хотя для этой цели из Маньчжурии в Амурскую область было переброшено несколько крупных белых банд, которые, не встретив поддержки местного населения, начали разрушение железной дороги в тылу частей НРА. 16 декабря

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 47.

² З. Карпенко, Гражданская война в Дальневосточном крае, стр. 149.

1921 г. отряды белых взорвали железнодорожный мост между станциями Вяземская и Дормидоновка. 5 января 1922 г. банда под командованием полковника Илькова напала на деревню Надеждинскую, ограбила жителей деревни, затем банда перенесла свою деятельность на линию Амурской железной дороги, где она разрушила несколько железнодорожных мостов¹.

Для разгрома империалистов и белогвардейцев, начавших новую кровавую авантюру, потребовалось чрезвычайное напряжение сил. На помощь трудящимся ДВР пришла Советская Россия. Дальневосточными партийными организациями и правительством ДВР были приняты энергичные меры по подготовке к разгрому белогвардейской армии, вторгшейся в пределы ДВР. Была объявлена мобилизация в Народно-революционную армию двух возрастов, а также объявлен призыв добровольцев. Партийные организации произвели отбор коммунистов для отправки на фронт. В декабре 1921 г. Амурский обком РКП(б) мобилизовал и отправил на фронт 200 членов и кандидатов РКП(б)². Парторганизация Читы направила на фронт 500 коммунистов³. Члены партии, прибывшие в НРА, проводили большую политико-воспитательную работу среди бойцов и командиров Народно-революционной армии, они служили примером мужества и бесстрашия в боях с врагами. Все это сказалось на повышении боеспособности НРА.

В декабре 1921 г. в городах и селах ДВР прошли собрания, на которых трудящиеся в своих выступлениях и решениях выражали резкий протест против новой провокации интервентов и белогвардейцев и обещали оказывать всемерную поддержку правительству в деле обеспечения быстреего разгрома интервенции и белогвардейщины. Митинг и собрания сыграли большую роль в деле мобилизации сил народа на борьбу с врагом.

Началось массовое движение рабочих и крестьян по организации материальной помощи фронту. Рабочие отчисляли определенный процент заработной платы в пользу армии, организовывали трудовые дни. Крестьяне собирали

¹ См. *З. Карпенко*, Гражданская война в Дальневосточном крае, стр. 148.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 199.

³ См. *С. Борисов*, Борьба за Советский Дальний Восток, М. 1940, стр. 44.

продовольствие, фураж и деньги. В январе 1922 г. постановлением правительства ДВР был организован Центральный Комитет помощи фронту, первое заседание которого состоялось 23 января 1922 г.¹ В областях и уездах были созданы комиссии помощи фронту, под руководством которых было собрано большое количество ценностей, продовольствия и фуража для армии. Из многих сел крестьяне отправляли со своими делегатами собранное для НРА продовольствие и подарки. Крестьяне села Бахирева, Амурской области, постановили вместо установленных местными органами власти трех пудов сена со двора для нужд армии вывезти не менее 20 пудов с каждого двора². Как только выяснилась острая нужда Амурской железной дороги в топливе, 50% крестьян Завитинского района, Амурской области, до специального постановления Народно-революционного комитета приступили к подвозке дров на линию железной дороги³. Всенародная помощь и поддержка НРА и партизан со стороны трудящихся масс были решающим условием в успешной мобилизации сил на разгром белогвардейцев и интервентов.

В районах, которым непосредственно грозило вторжение врага, постановлением правительства ДВР было введено военное положение. Амурская область также была объявлена на военном положении. Всю полноту власти принял на себя Народно-революционный комитет Амурской области.

Народно-революционные комитеты в областях и уездах вели работу по мобилизации сил и средств для разгрома белогвардейских банд.

Все было поставлено на службу одной цели — достижению победы над врагом. 30 января 1922 г. Народно-революционный комитет Амурской области принял постановление, в котором указывалось: «Для возможно полного обеспечения военных нужд использовать все, что имеется в государственных и военных учреждениях и предприятиях, оставляя на местах только то, что может потребоваться в ближайшее время для удовлетворения тех же военных нужд»⁴.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 256.

² Там же, л. 248.

³ Там же.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 2, л. 45.

Одновременно росло движение сопротивления в тылу меркуловской армии. Реквизиции продовольствия у крестьян, широко проводившиеся меркуловской армией в занятых ею районах, вызывали отпор со стороны основной массы крестьян. Многие из них уходили в партизанские отряды. Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР приняли ряд мер по укреплению партизанских отрядов Приморья и усилению партизанского движения в других районах, занятых меркуловской армией.

7 января 1922 г. в Благовещенске при начальнике тыла был создан Совет партизанских формирований Приамурского военного округа, который возглавил партизанское движение в области¹.

Дальневосточные партизаны в январе 1922 г. провели ряд крупных операций. 12 января 1922 г. боевая часть НРА совместно с партизанами численностью около 700 человек сделали удачный налет на Хабаровск. Вступив в город, бойцы НРА и партизаны в уличных сражениях истребили около 500 белогвардейцев и, захватив пленных, организованно ушли из города.

В то же время партизаны активизировали свои действия на Уссурийской железной дороге, которая охранялась японскими солдатами (белогвардейские части были отправлены на фронт). Партизаны взорвали пять железнодорожных мостов в районе Никольск-Уссурийский — Океанская, разобрали рельсы между станциями Липовцы и Голенки². 9 января 1922 г. в 40 верстах от Имана партизанами было взорвано три железнодорожных моста. Движение поездов на этом участке было прервано. Для исправления повреждений были посланы японские саперные части в бронированных поездах³. Партизанские отряды совершали нападения на вражеские военные объекты в районе Владивостока и на Сучанской железнодорожной ветке. В начале января 1922 г. кавалерийский партизанский отряд сжег на станции Губерово (недалеко от Имана) эшелон со снарядами, направленный белогвардейцами на фронт⁴.

Осуществляя активную наступательную тактику, партизаны нанесли серьезный урон белогвардейцам. Своими

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 2, л. 3.

² ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 27.

³ Там же, л. 28.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 247.

действиями они отвлекали значительную часть меркуловских войск с фронта и облегчили Народно-революционной армии выполнение задачи по разгрому основных белогвардейских сил.

Японское командование и белогвардейцы, действовавшие совместно, попытались подавить партизанское движение. Они беспощадно расстреливали всех заподозренных в оказании помощи партизанам, вводили систему заложничества. Все железнодорожные рабочие и низшие служащие на железнодорожном участке Иман — Хабаровск были объявлены мобилизованными и заложниками на случай налета партизан; за малейшее упущение по службе они предавались военно-полевому суду¹.

Однако террористические меры не запугали трудящихся. В ряде сел часть населения, спасаясь от меркуловской мобилизации и расправ, уходила в тайгу и сопки, где примыкала к партизанам. Попытка белогвардейцев провести мобилизацию казаков в занятых ими районах в армию фактически потерпела провал. Основная масса казачества к этому времени окончательно отошла от белогвардейцев. Широкое недовольство народа интервентами и белогвардейской властью вынуждены были отмечать даже представители японской армии и меркуловской администрации. В феврале 1922 г. уполномоченный меркуловского «правительства» по Анучинскому району, Приморской области, сообщал во Владивосток, что население симпатизирует красным отрядам и оказывает открытую помощь партизанам»².

В начале января 1922 г. командование меркуловской армии, получив от японцев дополнительные партии оружия и боеприпасов и перебросив на фронт новые части, вновь попыталось взять станцию Ин³. Но, невзирая на то что в бой были введены основные силы меркуловской армии, наступление белогвардейцев было отбито частями НРА. После этого белогвардейские войска закрепляются на линии Ольгохта — Хабаровск и готовятся к продолжению наступательных операций.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 28.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 1073.

³ В декабре 1921 г. японцы передали белогвардейцам 16 800 винтовок, 35 пулеметов, 250 пулеметных лент, 80 тыс. патронов, 4 шестидюймовых орудия и т. д. (ЦГАДВ, ф. 103, оп. 1, д. 15, л. 26).

4 февраля 1922 г. командованием Народно-революционной армии было принято решение начать наступление против белогвардейских войск, укрепившихся на линии Ольгохта — Хабаровск. К этому времени заметно усилилась деятельность партизанских отрядов в тылу врага. Подготовкой наступления на белогвардейцев, а затем боями под Волочаевкой руководил один из выдающихся командиров Красной Армии — в то время главком НРА В. Блюхер. Командиром Восточного фронта был С. Серышев, а комиссаром Восточного фронта — П. Постышев¹.

Решающие бои произошли под станцией Волочаевкой Амурской железной дороги. Белогвардейская армия создала целую систему оборонительных укреплений у Волочаевских высот. В районе Волочаевки белогвардейское командование сосредоточило 7660 штыков и сабель при 19 орудиях и 103 пулеметах² и считало, что волочаевские укрепления являются неприступными.

10 февраля 1922 г. части Народно-революционной армии начали героический штурм вражеских укреплений. В течение трех суток бойцы НРА, часто плохо обмундированные, по глубокому снегу при 35—40-градусном морозе, под непрерывным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника вели бои за овладение волочаевскими укреплениями.

Одновременно группа войск НРА провела успешную операцию против левого фланга противника и 11 февраля заняла деревни Верхне-Спасское и Нижне-Спасское и создала угрозу окружения войск неприятеля. В таких условиях белогвардейское командование вынуждено было снять часть своих сил с главного участка боевых действий. Начался решающий штурм волочаевских укреплений. Бойцы и командиры всех частей НРА проявили исключительный героизм и беззаветную отвагу. Несмотря на ураганный огонь противника, они прорвали проволочные заграждения. Враг был разбит. 12 февраля волочаевские укрепления были взяты штурмом. 14 февраля был освобожден Хабаровск.

Победа была достигнута благодаря большой работе, проведенной большевистской партией по укреплению

¹ См. «Боец и пахарь» № 36, 1922 г.

² См. Г. Рейхберг, Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке, стр. 182.

командного и политического состава Народно-революционной армии и повышению ее боеспособности. В ожесточенных боях бойцы НРА нанесли тяжелое поражение основным силам белогвардейцев, показав хорошую боевую выучку и проявив массовый героизм. Вместе с русскими частями под Волочаевкой героически дралась корейская рота 6-го полка Народно-революционной армии. Победа Народно-революционной армии под Волочаевкой показала, что армия Дальневосточной республики выросла в серьезную боевую силу. Это был тяжелый удар по планам японско-американских империалистов, которые руками белогвардейцев стремились осуществить свои захватнические планы на русском Дальнем Востоке.

Части НРА, преследуя отступающих от Хабаровска белогвардейцев, 18 марта 1922 г. заняли Иман.

В этих условиях Дальбюро РКП(б) приняло решение о переходе нейтральной зоны и о наступлении до Владивостока, не вступая в открытое столкновение с японскими войсками¹. Делегация ДВР в Дайрене предъявила японской делегации требование пропустить части НРА до Владивостока. Японские делегаты в Дайрене по существу не ответили на это требование, заявив, что, «вероятно, их правительство не будет возражать, если войска ДВР дойдут до станции Уссури»².

Японское командование в период отступления белогвардейских войск от Имана на юг принимало меры для того, чтобы спасти потерпевшие поражение белогвардейские части от окончательного разгрома. Вместе с отступающими белогвардейскими войсками к югу, в район Спасска, отходили и японские войска. Причем нередко японские части, прикрывая отход белогвардейских частей, перемешивались с последними. В таких случаях командование НРА вынуждено было проявлять максимум осторожности, чтобы не допустить конфликта с Японией³.

1 апреля 1922 г. передовые части НРА заняли деревню Константиновку и вышли на подступы к Спасску. 2 апреля командование Восточного фронта НРА отправило в Спасск уполномоченного с письменным заявлением командиру японских частей, в котором указывалось, что 3 апреля в город Спасск и на станцию Евгенийевка будут

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1547, л. 71.

² Там же.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 953.

введены войска НРА. В заявлении было сказано, что продвижение Народно-революционной армии в Южное Приморье преследует цель ликвидировать «вооруженных мятежников» и никоим образом не направлено против японских войск¹. Определенного ответа уполномоченный НРА от японского командования не получил. Но когда части НРА попытались продвинуться в сторону Спасска, то они были обстреляны японскими войсками. Это означало, что японские империалисты добровольно из Приморья не уйдут. Народно-революционной армии и партизанам, разгромившим белогвардейскую армию под Волочаевкой и Хабаровском, надо было готовиться к новым боям против японских войск и белогвардейцев для того, чтобы высвободить их с советской земли.

3. Сибирский вопрос на Вашингтонской конференции

Вашингтонская конференция девяти держав, созванная по инициативе правительства США, происходила в Вашингтоне с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. На конференции рассматривались вопросы об ограничении морских вооружений, о политике держав в Китае, об островных владениях на Тихом океане и некоторые другие вопросы. На конференции также был поставлен так называемый сибирский вопрос, т. е. вопрос о японской оккупации территории русского Дальнего Востока.

Еще в период подготовки конференции выявилась ее антисоветская направленность. Советская Россия не была приглашена на конференцию. Правительство РСФСР в ноте от 19 июля 1921 г. на имя правительств Великобритании, Франции, США, Китая и Японии протестовало против устранения РСФСР и ДВР от решения вопросов, связанных с проблемами Дальнего Востока и Тихого океана: «Российское правительство протестует против исключения его из конференции, которая непосредственно его касается, равно как и против всякого намерения какой бы то ни было державы принимать решения, касающиеся Тихого океана, без ведома России»². Советское правительство твердо заявило, что оно не признает никаких ре-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 954.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 145.

шений конференции, принятых без участия представителей РСФСР. В ответ на этот протест государственный департамент США в сентябре 1921 г. опубликовал сообщение, в котором указывалось, что «ввиду отсутствия единого русского правительства защита интересов России переходит ко всей конференции»¹.

В повторном протесте против устранения Советской России от участия в работах Вашингтонской конференции Советское правительство разоблачило лицемерное заявление государственного департамента США о том, что конференция в принимаемых ею решениях будет учитывать интересы России: «Лишь с величайшим негодованием народы России могут отнестись к заявлению, что великие державы принимают на себя самих заботу об их интересах. Россия за последние годы достаточно испытала заботы великих держав. Ее интересы берутся блюсти те же правительства, которые заливали ее кровью, посылая против нее царских генералов, и душили ее кольцом безжалостной блокады»².

В конце 1921 г., по свидетельству японского осведомительного бюро во Владивостоке, американское правительство в связи с тихоокеанской проблемой сообщало, между прочим, японскому правительству следующее: «Америка надеется, что Япония воздержится от аннексии на сибирской территории, и не возражает против мирной деятельности Японии в этой стране. Правительство Гардинга будет поддерживать позицию правительства Вильсона против оккупации Сахалина, если Япония не сделает уступки по другим вопросам»³. В это же время в иностранной печати появились сообщения о том, что в результате переговоров между президентом США Гардингом и японским послом в Вашингтоне было достигнуто соглашение о том, что Япония на русском Дальнем Востоке должна иметь «особые привилегии для своего развития»⁴.

Большевики характеризовали американскую политику на Дальнем Востоке как агрессивную и антисоветскую. Член Народного собрания ДВР коммунист В. Г. Антонов в речи на заседании Народного собрания в октябре

¹ «История дипломатии», т. III, Госполитиздат, 1945, стр. 127.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 189.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 37.

⁴ «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 749.

1921 г., отвечая эсеру Погребецкому, который требовал прервать переговоры с Японией в Дайрене и предоставить разрешение сибирского вопроса Вашингтонской конференции, говорил: «...Почему же Вашингтон лучше Версаля, почему же Америка лучше Японии? Какие же есть основания у нас думать, что Америка останется благожелательной к нам... Мы имеем основания предполагать, что Америка не против того, чтобы японская интервенция продолжалась и чтобы наши отношения с Японией обострились...»¹.

В период работы Вашингтонской конференции в выступлениях официальных лиц Японии и в японской прессе подчеркивалась та мысль, что переговоры в Дайрене развиваются успешно и что переговоры скоро закончатся подписанием удовлетворяющего Японию договора. Этим японское правительство хотело продемонстрировать прочность своих позиций на русском Дальнем Востоке и обеспеченность тыла перед своими империалистическими конкурентами. 21 января 1922 г. министр иностранных дел Японии Утида на заседании парламента выступил с заявлением по вопросу дайренских переговоров. Он говорил:

«Что касается прогресса дайренских переговоров, то нет причин, заставляющих сожалеть о том, что таковые были начаты, так как взгляды обеих сторон постепенно сближаются, что дает возможность смотреть оптимистически на то положение, в котором находятся переговоры в данное время...

Что касается вопроса восстановления политического равновесия и стойкости правительственного организма в Приморье, то как только это осуществится и будет устранена всякая угроза нашим интересам, то, конечно, даже не стоит об этом говорить, Япония, не теряя ни минуты, уведет оттуда свои войска.

Что касается оккупации Сахалина, то таковая явилась следствием николаевской резни, и Япония будет настаивать на благоприятном разрешении этого вопроса перед русским правительством, которое возьмет на себя ответственность за эти события»².

Заявление министра иностранных дел Японии свидетельствовало о намерении японского правительства, даже

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 163.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 102.

в случае подписания договора с ДВР, продолжать оккупацию Приморья до тех пор, пока японские империалисты не убедились бы в том, что контрреволюционный меркуловский «буфер» сможет продержаться и после эвакуации японских войск.

Между тем американские империалисты, как отмечалось выше, стремились сохранить сибирский вопрос неурегулированным для того, чтобы использовать Советский Дальний Восток в качестве разменной монеты для торга с Японией на Вашингтонской конференции.

В этой связи 14 сентября 1921 г. американский консул в Дайрене сообщал в государственный департамент, что, по его мнению, единственный путь не допустить подписания договора между Японией и ДВР — это разрешить отправить ДВР своих представителей в Вашингтон¹. Аналогичное сообщение направил в государственный департамент посланник США в Китае Шерман².

В этих условиях правительство США, невзирая на свое недружелюбие к ДВР, дало согласие на въезд в Вашингтон торговой делегации ДВР.

Делегация ДВР прибыла в Вашингтон 4 декабря 1921 г. В интервью представителям печати делегация заявила о целях своего приезда следующее: 1) настоять перед Вашингтонской конференцией на немедленной эвакуации японских войск из Сибири, 2) установить торговые взаимоотношения ДВР с иностранными державами, 3) добиться признания правительства ДВР³. Делегация ДВР была принята Юзом, а также сенатором Лоджем — председателем сенатской комиссии по иностранным делам и членом американской делегации на Вашингтонской конференции. Но и Юз и Лодж ограничились общими разговорами и отказались принять меры для допуска делегации ДВР к участию в работах конференции и содействовать прекращению японской интервенции на Дальнем Востоке. В таких условиях делегация ДВР решила апеллировать к общественному мнению США. В начале января 1922 г. был опубликован в американской прессе меморандум делегации Дальневосточной республики от 5 января 1922 г., в котором делегация протестовала против устранения ДВР от участия в работе кон-

¹ См. «Foreign Relations», т. II, 1921, стр. 716.

² См. там же, стр. 747.

³ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 258.

ференции и, кратко изложив историю вооруженной интервенции в Сибири, заявила, что за зверства японской военной на русском Дальнем Востоке, за продолжающуюся японскую интервенцию несут ответственность правительства всех стран, принимавших участие в интервенции. Делегация ДВР заявила, что «целостность русской территории, суверенитет народа должны быть гарантированы всеми державами, которые участвовали в интервенции; это особенно относится к американскому правительству, которое предложило японскому правительству послать войска на русскую территорию, и к японскому правительству, которое торжественно приняло это предложение»¹.

В меморандуме на основе фактов и документальных материалов была дана уничтожающая характеристика кровавому режиму, установленному японскими войсками и белогвардейцами в оккупированных районах Дальнего Востока, и разоблачены захватнические замыслы японских империалистов. Одновременно с меморандумом была опубликована копия секретного соглашения Японии с Францией относительно создания на Дальнем Востоке государства, зависимого от Японии, копия договора японского командования с семеновскими генералами от 8 июня 1921 г. и некоторые другие документы. Опубликованные материалы вызвали переполох среди участников конференции и привели к обострению противоречий между США и Японией. Об истинной политике империалистических государств на Дальнем Востоке узнали широкие слои населения США и других стран. Правительства США и Японии были вынуждены дать объяснение своим действиям на русском Дальнем Востоке. Сибирский вопрос, как писала «Нью-Йорк таймс» после публикации этих документов, «встал во весь рост перед глазами мира»². Державы вынуждены были, хотя бы формально, обсудить вопрос о японской интервенции в Сибири.

В период Вашингтонской конференции активизировало свою деятельность контрреволюционное меркуловское «правительство». Государственный департамент США благосклонно отнесся к предложению меркуловского

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 230.

² «New York Times», 4 января 1922 г.

«правительства» послать свою делегацию на Вашингтонскую конференцию. 30 сентября 1921 г. на заседании меркуловского «правительства» было принято решение ассигновать 51 340 американских долларов для поездки делегации «правительства» на Вашингтонскую конференцию¹. Прибывшая в США делегация меркуловского «правительства» нашла радушный прием в государственном департаменте и у министров правительства Гардинга².

К этому времени связи между США и меркуловским «правительством» еще более упрочились. Так, Н. Меркулов в беседе с генералом Болдыревым, имевшей место в декабре 1921 г., «...не скрывал некоторого уклона в сторону Америки, откуда будто бы имеется сведение, что вся территория до Хабаровска включительно будет закреплена за их правительством и что есть предположение направить сюда всех, ныне находящихся на попечении Франции русских беженцев (т. е. эмигрантов-белогвардейцев. — С. Г.)»³.

5 января 1922 г. представителей меркуловского «правительства» Колесникова и Окулича принял начальник русского отдела государственного департамента Пуль. Он имел с ними продолжительную беседу, во время которой заявил Колесникову, что последний может сноситься с русским отделом государственного департамента и что государственный департамент был бы рад получить такую информацию или сведения, какие он (Колесников) сочтет возможным представить относительно положения в Восточной Сибири. 18 января 1922 г. делегация меркуловского «правительства» опубликовала в печати протест против Дайренской конференции⁴.

Меркуловцы направили также в Вашингтон делегацию Приморской торгово-промышленной палаты, которая прибыла в США 23 ноября 1921 г. Сразу же после

¹ ЦГАДВ, ф. Р-170, оп. 1, д. 1, л. 39.

² Меркуловцы были приглашены в Вашингтон по инициативе американцев. 6 августа 1926 г. бывший секретарь американского консульства во Владивостоке В. Торич направил им письмо, в котором писал, что в США интерес к русским дальневосточным делам в связи с меркуловским переворотом повысился, и советовал использовать Вашингтонскую конференцию в интересах белогвардейцев (ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 59—60).

³ В. Г. Болдырев, Директория, Колчак, интервенты, стр. 457.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 278.

приезда этой делегации Бахметьев, который последовательно «представлял» в США все контрреволюционные «правительства» России, организовал встречу делегации с начальником русского отдела государственного департамента Пулем. Глава делегации писал во Владивосток, что по отношению к делегации Приморской торгово-промышленной палаты «определилось вполне благожелательное отношение Юза и Гувера»¹. Делегация Приморской торгово-промышленной палаты направила письмо государственному секретарю США Юзу, в котором так же, как и делегация меркуловского «правительства», протестовала против Дайренской конференции, заявляя, что дайренские переговоры продолжаются «вопреки тому обстоятельству, что сибирский вопрос, как целое, был включен в программу Вашингтонской конференции»².

Выступления представителей меркуловского «правительства» и делегации Приморской торгово-промышленной палаты против Дайренской конференции были направлены в ряде случаев не только против ДВР, но и против Японии. Надеясь на американскую поддержку, Колесников даже заявил о желательности вывода японских войск из Приморья³. Это заявление Колесникова вызвало резкую реакцию со стороны японского правительства; японское командование во Владивостоке оказало давление на меркуловское «правительство», и последнее вынуждено было заявить, что выступление Колесникова носит частный характер. Меркуловскому министру иностранных дел пришлось бить отбой и отказаться от резко антияпонской позиции. Это привело к расколу в самой делегации меркуловского «правительства». Член делегации Окулич, который настаивал на американской ориентации (Окулич до приезда в Приморье жил в США в городе Бостоне), вышел из состава делегации и сложил свои полномочия, объяснив это «нежеланием В. С. Колесникова стать на определенную антияпонскую позицию в деле отстаивания оккупированных Японией районов Сибири»⁴.

Делегация Приморской торгово-промышленной палаты и делегация меркуловского «правительства» в Ва-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 258.

² Там же, л. 178.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 11, л. 226.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 159—160.

Шингтоне вошли в контакт с лидерами контрреволюционной эмиграции — князем Львовым, Милюковым и Авксентьевым, которые также прибыли в Вашингтон и встретили благожелательное отношение американского правительства. Меркуловская делегация в длинном письме на имя министра торговли США Г. Гувера призывала американских капиталистов увеличивать свои капиталовложения на русском Дальнем Востоке и указывала, что Дальний Восток обладает огромными богатствами и представляет выгодное помещение для капитала и что природные богатства Дальнего Востока могут быть использованы лучше Соединенными Штатами Америки, чем соседними странами Китаем и Японией¹.

Г. Гувер в беседе с членом делегации Приморской торгово-промышленной палаты профессором Гудковым заявил, что «со стороны департамента торговли не будет выставлено никаких препятствий никому из промышленников, кто решился бы пойти на Дальний Восток или в Сибирь»². Министерство, возглавляемое Г. Гувером, приняло активное участие в ознакомлении американских капиталистических кругов с предложениями Приморской торгово-промышленной палаты и приняло энергичные меры по укреплению позиции американского капитала на русском Дальнем Востоке. Председатель Приморской торгово-промышленной палаты писал, что «деятельность торговой палаты в Вашингтоне вызвала полное удовлетворение со стороны правительства США, что было засвидетельствовано по поручению этого правительства местным консулом Макгованом, посетившим с этой целью меня как председателя комитета палаты»³.

Оказывая всемерную поддержку меркуловскому «правительству» и представителям различных русских контрреволюционных организаций, американские империалисты продолжали проводить враждебную по отношению к ДВР политику.

Недаром министр иностранных дел меркуловского «правительства» Колесников говорил, что «к читинской власти отношение вашингтонских кругов отрицательно, на приамурское же правительство в Америке смотрят,

¹ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 159—160.

² Там же, л. 327.

³ Там же, л. 375.

как на зачаток будущей всесибирской власти при условии, если в качестве базы этого правительства будет достигнуто единение с крестьянством, казачеством и кооперацией»¹.

23 января 1922 г. сибирский вопрос был поставлен на заседании комиссии по тихоокеанским и дальневосточным делам. Член японской делегации — японский посол в США Сидехара выступил с сообщением о политике Японии в Сибири. В сообщении лживо утверждалось, что Япония не вмешивается во внутренние дела России, что «дайренские переговоры никоим образом не имеют в виду обеспечить Японии какие-либо права или преимущества исключительного свойства»². Далее, в нем говорилось о том, что интервенция для Японии составляет «дорогое и неблагородное занятие» и Япония якобы будет крайне счастлива освободиться от такой ответственности. В заключение было сказано, что Япония намерена вывести свои войска из Сибири, но не было указано срока, когда японское правительство это сделает. 24 января 1922 г. с сообщением по сибирскому вопросу выступил государственный секретарь США Юз, который выразил удовлетворение заявлением японского правительства. При этом он сказал: «Эти заверения (сделанные Сидехара. — С. Г.), по-видимому, должны быть понимаемы в том смысле, что Япония не ищет путем своей военной оккупации в Сибири каким-либо образом ослабить права русского народа, добиться несправедливых коммерческих выгод или обратить на свои надобности сибирские рыбные ловли, или приступить к исключительной разработке каких-либо естественных богатств Сахалина или Приморской губернии»³.

Заявление Юза означало, что, хотя американское правительство и не отказывается от экономической экспансии на русском Дальнем Востоке, оно одобрительно относится к вооруженной борьбе японских интервенционистских войск против революционно настроенных масс этого района России. Об этом, в частности, свидетельствовало письмо того же Юза послу США в Японии

¹ ЦГАДВ, ф. Р-18, оп. 1, д. 20, л. 142.

² «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам», М. 1924, стр. 112.

³ Там же, стр. 113.

Уоррену от 6 июля 1922 г., в котором говорилось, что «государственный департамент не принимает слишком серьезно какую-либо критику сибирской политики США читинскими властями» (т. е. правительством Дальневосточной республики. — С. Г.) и что «всякая попытка читинских властей разжигать антагонизм между США и другими правительствами будет безуспешной»¹.

В связи с обсуждением сибирского вопроса на Вашингтонской конференции министерство иностранных дел Японии, как сообщало японское осведомительное бюро во Владивостоке, официально заявило, что оно «выведет свои войска из Приморья, как только будут положительно разрешены вопросы: о заключении временного торгового соглашения, об устранении опасности, угрожающей японскому государству, а также жизни и имуществу японских подданных, проживающих в Восточной Сибири, и о полном прекращении большевистской пропаганды»². Более откровенно высказалась газета «Владиво-Ниппо», которая писала, что заявление, сделанное японским делегатом на Вашингтонской конференции, наложило на Японию обязательства: «1) Косвенное обязательство создать крепкую власть на Дальнем Востоке. 2) Противодействовать распространению русского большевизма»³. Таким образом, японское правительство после обсуждения сибирского вопроса на Вашингтонской конференции сделало вывод, что его политика на русском Дальнем Востоке находит поощрение и поддержку империалистов США, Англии и других держав. Но взамен этого Японии пришлось отступить перед США и Англией и отказаться от некоторых позиций в Китае (в частности, от Шаньдуна), захваченных ею в годы первой мировой войны.

Несмотря на неблагоприятный для ДВР исход Вашингтонской конференции, деятельность делегации ДВР в Вашингтоне не осталась без последствий. К японской интервенции на русском Дальнем Востоке было привлечено внимание широких слоев американского народа. В американской прессе, в выступлениях некоторых прогрессивных политических деятелей США все чаще стали появляться требования признания ДВР и

¹ «Foreign Relations», т. II, 1922, стр. 855.

² «Владиво-Ниппо», 2 февраля 1922 г.

³ «Владиво-Ниппо», 7 февраля 1922 г.

вывода японских войск с территории русского Дальнего Востока.

К 1922 г. среди здравомыслящих представителей господствующих классов США повысился интерес к установлению торговых связей с Советской Россией. В июле 1922 г. корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве В. Дюранти писал, что если американские бизнесмены будут настаивать на уничтожении монополии внешней торговли «до того, как они попытаются торговать с Россией», то им придется долго ожидать этого, в то время как немцы, англичане, итальянцы и др. во все возрастающем числе «уже делают изыскания в русских сферах»¹.

4. Срыв дайренских переговоров Японией

Делегация ДВР приняла все меры к тому, чтобы достигнуть соглашения с японской делегацией. Со своей стороны японская делегация временно, как это обнаружилось позднее, отказалась от некоторых наиболее наглых требований, выставленных ею ранее. В результате, как сообщал председатель делегации ДВР Ф. Н. Петров в интервью с сотрудником Дальста, 30 марта между обеими делегациями было достигнуто полное соглашение по основному торговому договору, заключавшему в себе вопрос о торговых взаимоотношениях, установлении института частной собственности, а также гарантий имущества и прав иностранцев².

Однако, делая определенные уступки Японии (в частности, по вопросу о предоставлении японским предпринимателям права заниматься хозяйственной деятельностью на русском Дальнем Востоке на определенных условиях), делегация ДВР официально заявила, что она подпишет договор лишь при условии установления точной даты эвакуации японских войск.

Делегация ДВР предлагала японской делегации пропустить в Приморье военно-техническую комиссию ДВР и через 45 дней со дня подписания договора закончить эвакуацию японских войск из Приморья. В ответ на это

¹ «New York Times», 28 июля 1922 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 829.

японская делегация заявила, что «японское военное командование сильно обижено недоверием и настойчивостью» делегации ДВР, и предъявила ультимативное требование подписать договор до 15 апреля¹. Если же до 15 апреля договор подписан не будет, то японское командование произведет смену войск в Приморье, и тогда японские войска останутся на линии Спасска. Было вполне очевидным, что Япония добивалась путем дипломатического и военного давления захватить часть русской территории. Правда, японская делегация предложила принять ноту, гласившую, что «японские войска выводятся из Приморья в срок менее трех месяцев со дня подписания соглашения об эвакуации»². Эта формулировка носила издевательский характер, так как японская сторона не давала никаких обязательств насчет того, когда состоится соглашение об эвакуации и состоится ли оно вообще.

Получив новые инструкции, глава японской делегации Мацусима на заседании конференции 15 апреля предъявил делегации ДВР ряд требований, аналогичных с предъявленными в начале конференции 17 пунктами, в том числе требование предоставления японским гражданам права заниматься горным и лесным промыслами на территории ДВР на одинаковых условиях с гражданами Дальневосточной республики. Японская делегация потребовала от делегации ДВР немедленно дать ответ на предъявленные требования. Делегация ДВР отклонила новые грабительские требования Японии, заявив, что будет ждать ответа японской делегации в течение суток и если японская делегация не согласится на установление точного срока эвакуации японских войск на основе подписания ранее согласованного текста договора, то делегация Дальневосточной республики покинет Дайрен³.

16 апреля 1922 г. состоялось последнее заседание Дайренской конференции. Японская делегация, получившая в этот день телеграфное предписание прервать переговоры, заняла непримиримую позицию. Японское правительство, убедившись, что все его попытки добиться на Дайренской конференции признания японского господ-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 828.

² Там же, л. 829.

³ Там же.

ства на Советском Дальнем Востоке потерпели провал, решило сорвать конференцию.

Глава делегации ДВР в своем заключительном выступлении на конференции указал на то, что делегация ДВР разрыва переговоров не искала и все время шла на максимальные уступки, поэтому ответственность за разрыв переговоров падает всецело на японское правительство¹.

Председатель делегации ДВР Петров после срыва конференции в интервью сотруднику Дальта заявил: «Речь идет не о чем ином, как о полной оккупации нашей территории. Более того, вождедения Японии идут даже дальше этого. Как это можно судить из некоторых пунктов, предложенных японской делегацией, самое свое укрепление в Приморье мыслится Японией лишь в связи с целым стратегическим планом овладения Маньчжурией и Китайско-Восточной железной дорогой»².

Глава японской делегации отметил, что Япония не находится в состоянии войны с ДВР и что японские войска дальше нейтральной зоны продвигаться не будут³.

19 апреля 1922 г. посол США в Японии Уоррен имел длительную беседу с министром иностранных дел Японии Утида, а затем военным министром Яманаси. Из этих бесед Уоррен вынес впечатление, что позиции японского правительства по сибирскому вопросу определяются «ожиданием русских событий и выводов Генуэзской конференции»⁴, с которой, как известно, крупнейшие империалистические державы связывали надежды добиться дипломатическим путем экономического закабаления нашей страны и вместе с тем готовили совместно с белогвардейцами новые провокации против нее.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 829.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 2, д. 13, л. 5.

³ Там же.

⁴ «Foreign Relations», т. II, 1922, стр. 850.

ГЛАВА VI

ПОРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1. Переход революционных войск в наступление

В упорной борьбе против империалистов и внутренней контрреволюции советский народ отстоял свою независимость. К 1922 г. Советская Россия отбила очередной натиск империалистических держав, стремившихся использовать засуху и голод в Поволжье и других районах страны для свержения Советской власти и восстановления капитализма в нашей стране. В ноябре 1921 г. В. И. Ленин говорил: «Мы завоевали себе... твердое международное положение»¹.

Коммунистическая партия и Советское государство перешли к новой экономической политике (нэп). Первый же год новой экономической политики показал ее правильность. Укреплялся союз рабочих и крестьян на новой основе. Возросла мощь Советского государства. Под руководством партии советский народ добился перелома на хозяйственном фронте. Сельское хозяйство вскоре двинулось вперед. В промышленности и на транспорте наметились первые успехи. Начался пока еще очень медленный, но верный хозяйственный подъем.

Укрепление международного и внутреннего положения Советской России дало возможность Советскому правительству уделить больше средств и сил для оказания помощи трудящимся Дальнего Востока в их борьбе против империалистической интервенции. Советская Россия и ДВР получили возможность начать наступление на японских империалистов и белогвардейцев с целью полного освобождения русского Дальнего Востока. Проводя

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 93.

последовательно миролюбивую политику по отношению к Японии, США и другим державам, Советское государство вместе с тем готово было пресечь все попытки империалистов посягнуть на его независимость.

Для обеспечения хозяйственной самостоятельности и безопасности русского Дальнего Востока необходимо было установить более тесные экономические связи между Советской Россией и Дальневосточной республикой. 17 февраля 1922 г. в Москве между РСФСР и ДВР был подписан договор об экономическом союзе. Согласно статье 2 этого договора «граждане и юридические лица каждой из договаривающихся сторон находятся на территории другой стороны в одинаковом положении с местными гражданами и юридическими лицами в отношении права на производство торговли и промыслов, на владение и распоряжение недвижимым имуществом, на судебную защиту, на пребывание и передвижение внутри страны и почтово-телеграфные сношения; пользуются всеми политическими правами и преимуществами, присвоенными местным гражданам и юридическим лицам, неся наравне с ними публично правовые и частноправовые обязанности»¹.

Договором было предусмотрено, что в целях укрепления экономического союза и подготовки таможенного объединения между ДВР и РСФСР «правительство ДВР примет все нужные меры к предварительному согласованию с правительством РСФСР всех заключаемых им с иностранными государствами международных актов экономического характера...». Договор об экономическом союзе между РСФСР и ДВР имел большое значение в деле организации дальнейшей борьбы против иностранной интервенции на Советском Дальнем Востоке. Заключая этот договор, Советская Россия показывала империалистам, что будет защищать интересы Дальневосточной республики так же, как свои собственные. Правительство ДВР и Советское правительство, выражая интересы трудящихся масс, заявляли о том, что они будут бороться за воссоединение ДВР с Советской Россией. Договором также было предусмотрено оказание помощи со стороны РСФСР Дальневосточной республике в деле восстановления ее экономики.

¹ «Вестник ДВР» № 1, 1922 г.

ДВР остро нуждалась и в военной помощи, поскольку длительная вооруженная борьба с белогвардейцами и интервентами на Дальнем Востоке потребовала больших материальных и людских жертв.

Большие потери в вооруженной борьбе понесла дальневосточная партийная организация. Центральный Комитет РКП(б) оказал ей всемерную помощь опытными кадрами.

Помощь, оказанная Советской Россией Дальневосточной республике, вдохновляла трудящихся Дальнего Востока на новые трудовые подвиги. Рабочие ДВР, работавшие на государственных предприятиях, особенно на обслуживавших нужды обороны, напрягали все силы, добиваясь увеличения выпуска продукции и бесперебойной работы железных дорог. Большим патриотическим подъемом было охвачено и трудовое крестьянство, обеспечивавшее снабжение города и армии продовольствием. Но, несмотря на все это, положение республики все еще продолжало оставаться тяжелым. В работе центральных и местных органов власти Дальневосточной республики принимали участие меньшевики, эсеры и представители других контрреволюционных партий и группировок. Они использовали свое служебное положение для подрывной деятельности (контрреволюционная агитация, организация контрреволюционных заговоров). Усилилось сопротивление кулачества, которое проявлялось, в частности, в срыве сбора налогов, что наносило большой ущерб республике.

Для организации успешной борьбы с интервентами и контрреволюционерами необходимо было укрепить областные и местные органы власти ДВР, изолировать меньшевиков и эсеров, парализовать влияние кулачества в деревне. Под руководством Дальбюро ЦК РКП(б) большевики, занимавшие командные посты в правительстве ДВР, с весны 1922 г. вплотную приступили к решению этих важнейших задач.

Большая политическая и организационная работа, направленная на укрепление местных органов власти ДВР, была проведена накануне и в ходе выборов в Народное собрание второго созыва. Выборы в Народное собрание ДВР были назначены на 25 июня 1922 г. Подготовка к выборам происходила в обстановке ожесточен-

ной классовой борьбы. Большевики шли на выборы под лозунгом продолжения беспощадной борьбы за изгнание интервентов и белогвардейцев и за воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией. Как и на выборах в Учредительное собрание ДВР в январе 1921 г., РКП(б) выступала на этих выборах в едином списке с профсоюзами.

В период избирательной кампании меньшевики, эсеры и другие контрреволюционные партии и группировки, опираясь на кулачество, всячески стремились очернить Коммунистическую партию и ее политику. Но это им не удалось. Результаты выборов показали, что основная масса трудящихся ДВР полностью одобряет и поддерживает политику РКП(б). Всего в Народное собрание ДВР второго созыва было избрано 124 депутата, из них 85 коммунистов и сочувствующих им¹. Потерпев поражение на выборах, меньшевики и эсеры усилили свою контрреволюционную деятельность.

Большевистские газеты неустанно разоблачали контрреволюционную политику меньшевиков и эсеров, прикрывавших свою предательскую деятельность лжесоциалистическими лозунгами.

Укрепление внутреннего и международного положения Советской России и ДВР дало возможность РКП(б) подготовить решительное наступление на империалистов и белогвардейцев, захвативших советские дальневосточные земли. Одновременно с этим партия большевиков, выполняя волю народа, вела подготовку воссоединения ДВР с Советской Россией.

2. Героическая борьба рабочих и крестьян во главе с РКП(б) против интервентов и белогвардейцев

После разгрома под Волочаевкой, освобождения Хабаровска и других пунктов остатки белогвардейских войск откатились на юг под защиту японцев. Перед большевиками встала задача освободить Южное Приморье и другие районы Дальнего Востока, захваченные интервентами и белогвардейцами.

¹ См. «Вестник ДВР» № 4, 1922 г., стр. 41.

21 марта 1922 г. на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) был поставлен вопрос о тактике партии большевиков в борьбе за освобождение Приморья. Дальбюро предложило начать широкую политическую агитацию против белых и японцев среди русского населения. Перед Приморским народно-революционным комитетом Дальбюро ЦК РКП(б) поставило задачу «расширить свою территорию на все Приморье и привлечь к себе население, пытаясь распространить свою власть и на районы железной дороги, в том числе и на Владивосток»¹.

Приморский областной народно-революционный комитет был образован на основании постановления правительства ДВР от 22 марта 1922 г. Местом пребывания Приморского областного народно-революционного комитета временно было избрано село Яковлевка. 30 марта 1922 г. Народно-революционный комитет Приморской области развернул работу по созданию местных органов управления и по организации массовой борьбы против империалистов и белогвардейцев в Приморье.

Дальбюро ЦК РКП(б) уделяло много внимания усилению партизанского движения в тылу у японцев и белогвардейцев.

В конце января 1922 г. был сформирован штаб партизанских отрядов Приморья. Командующим партизанскими отрядами Приморья был назначен А. К. Флегонтов², а начальником штаба партизанских отрядов Приморья — Б. К. Рубцов.

В Приморье было организовано восемь военных партизанских районов: Иманский, Спасский, Анучинский, Никольско-Уссурийский, Сучанский, Ольгинский, Приханкайский и Вяземско-Розенгартовский³. Командиры военных партизанских районов были подчинены штабу партизанских отрядов Приморья. Для ведения политработы среди партизан и населения был организован политотдел с непосредственным подчинением военному совету. В каждом военном районе был начальник политчасти. В партизанских ротах работали политруки. Были

¹ ЦГАДВ, ф. 1612, оп. 1, д. 1546, л. 100.

² А. К. Флегонтов — командующий партизанскими отрядами Приморья; при образовании Приморского народно-революционного комитета был назначен также членом Народно-революционного комитета.

³ ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 2, л. 13.

подготовлены и утверждены положения для ведения агитационной работы среди партизан и населения¹.

Партизанам Приморья приходилось действовать в исключительно трудных условиях. Не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов для больных и раненых. Но никакие трудности не могли сломить боевого духа народных героев. В начале 1922 г. командующий партизанскими отрядами Приморья А. К. Флегонтов сообщал: «В данный момент партизанская работа наладилась по всему Приморью... Поднялся дух, желание драться усилилось, и люди борются, надеясь на поддержку и скорую победу»². Партизаны были сильны всенародной поддержкой, своей связью с массами рабочих и крестьян, все время пополнявших ряды партизанских бойцов.

Рабочие шахт Сучанских каменноугольных рудников на своих собраниях приняли решения провести «самомобилизацию для пополнения партизанских отрядов»³. Весной и летом 1922 г. большие группы сучанских рабочих ушли в партизанские отряды.

Подобные же настроения царили и среди крестьянства Дальнего Востока. В марте 1922 г. крестьяне деревень Поповка, Григорьевка и ряда сел, расположенных в районе Гродеково, Приморской области, на сельских сходах приняли решение объявить мобилизацию для пополнения партизанских отрядов и всячески помогать партизанам в их борьбе с японцами и белогвардейцами⁴. Несмотря на противодействие кулачества, крестьяне охотно снабжали партизан продовольствием и фуражом.

Среди основных масс крестьянства была очень сильна тяга к установлению Советской власти. Например, на Камчатке, в некоторых районах, где не успели побывать белогвардейские банды Бочкарева, продолжали функционировать сельские советы⁵.

В марте и апреле 1922 г. партизаны провели ряд операций по разрушению коммуникаций противника (в первую очередь на Уссурийской железной дороге) и уничтожению его живой силы. При этом они проявляли много

¹ ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 2, л. 13.

² ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1547, л. 91.

³ «Красный архив» № 6(91), 1938 г., стр. 83.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 20, л. 214.

⁵ ЦГАДВ, ф. Р-1069, оп. 1, д. 19, л. 28.

смелости, находчивости и героизма. Связь партизан с железнодорожными рабочими и служащими облегчала их (т. е. партизан) действия на железных дорогах. 17 марта партизанский отряд напал на отряд каппелевцев, охранявший мост на 45-й версте Сучанской ветки, и почти полностью истребил его. Старший милиционер меркуловской милиции Глубоков доносил своему начальству, что железнодорожные рабочие и служащие, узнав об избиении каппелевцев, «страшно довольны, ходят с сияющими лицами; это же определенные большевики, имеющие, несомненно, связь с партизанами»¹.

В середине апреля 1922 г. партизаны взорвали около станции Евгеньевка пассажирский поезд с меркуловскими и японскими солдатами. 22 апреля конный партизанский отряд под командованием известного партизанского командира Анисимова после непродолжительной схватки обратил в бегство японский отряд². Партизаны наносили тяжелые удары по интервентам и белогвардейцам, но борьба партизан носила еще недостаточно планомерный характер. Дальбюро ЦК РКП(б) поставило перед партийными организациями Приморья и командованием партизан задачу — придать партизанской борьбе планомерный и систематический характер и усилить ее размах, подняв на борьбу новые массы рабочих и крестьян. 29 апреля 1922 г. был обсужден вопрос о положении в Приморье и указаны пути и методы дальнейшей борьбы за освобождение Приморья от интервентов и белогвардейцев. В постановлении Дальбюро ЦК РКП(б) указывалось, что «работу в массах надлежит вести под лозунгом широкой общенародной борьбы против японской оккупации, в соответствии с чем особенно подчеркивать сущность меркуловской власти как подставного лица японских милитаристов, подготавливающего аннексию Приморья»³.

Основываясь на этом решении Дальбюро ЦК РКП(б), партийные организации провели огромную разъяснительную работу среди населения. В городах и селах Дальнего Востока были проведены митинги, демонстрации, собрания и 15 районных крестьянских съездов, на которых рабочие, крестьяне и бойцы НРА выносили гневные резолюции

¹ ЦГАДВ, ф. Р-34, оп. 1, д. 95, л. 128.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 780.

³ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 17, л. 108.

протеста против японских империалистов, стремившихся отторгнуть Приморье.

Летом 1922 г. боевые операции партизан в Приморье стали носить более организованный и планомерный характер. 4 мая 1922 г. начальнику Никольско-Уссурийского военного района был направлен приказ командующего партизанскими отрядами Приморья А. К. Флегонтова, которым предписывалось «усилить до максимума деятельность партизанских отрядов на линии железной дороги»¹. Партизаны наносили все более тяжелые удары по японским и белогвардейским войскам и их коммуникациям. «По всему Приморью оперировали партизанские отряды, насчитывающие уже до 5 тысяч человек, взрывая железнодорожные мосты и пути, вызывая панику среди белогвардейских частей, отвлекая их от выполнения боевых задач против НРА и поднимая рабочих и бедноту на решительное восстание. Влияние меркуловского правительства было парализовано, совершенно прекращен подвоз во Владивосток продовольствия для снабжения каппелевских частей»². Даже «Нью-Йорк таймс» писала, что партизаны с каждым днем становятся смелее и действуют на окраинах Владивостока и в Никольске-Уссурийском³.

Несколько карательных экспедиций, организованных японским командованием совместно с белогвардейцами против партизан, потерпели поражение. Например, в конце июля 1922 г. под командованием генерала Сахарова была направлена карательная экспедиция в район Сучана в составе 200 кавалеристов. Она столкнулась с партизанами под деревней Новицкой. Партизанский отряд нанес поражение белогвардейцам. На помощь белогвардейцам японское командование направило к деревне Новицкой несколько рот своих войск с орудиями и пулеметами. Лишь прибытие японских частей спасло белогвардейцев от окончательного разгрома⁴. Боеспособность партизанских частей намного выросла, окрепла дисциплина. Партизанские отряды были разделены на бригады, полки и эскадроны. Начальник штаба Никольско-Уссурийского военного района в месячном док-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-117, оп. 1, д. 9, л. 27.

² А. Флегонтов, Партизанской тропой, Дальгиз, 1932, стр. 28—29.

³ См. «New York Times», 26 июля 1922 г.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 1, д. 1547, л. 91.

ладе начальнику штаба партизанских отрядов Приморья в июле 1922 г. писал: «Настроение частей хорошее. Последние боевые операции показали, что боеспособность людей повысилась благодаря присутствию в отряде старых солдат. Дисциплина в отряде окрепла...»¹

К лету 1922 г. интервенты и белогвардейцы в Приморье удерживали контроль над Владивостоком и узкой полосой вдоль Уссурийской железной дороги. Хозяевами положения на остальной территории были партизаны, боевая деятельность которых продолжалась до окончательного изгнания интервентов и белогвардейцев с Советского Дальнего Востока.

Большую работу в тылу у интервентов и белых проводила подпольная организация РКП(б) в Приморье. В условиях глубокой конспирации, скрываясь от опытной и многочисленной белогвардейской и японской контрразведки, парторганизации Южного Приморья, возглавляемые Приморским облбюро РКП(б), проводили большую политическую работу среди рабочих и крестьян, развертывали революционную пропаганду в войсках интервентов и белогвардейцев.

Интервенция и гражданская война на Дальнем Востоке довели трудящихся Приморья до крайнего разорения. Даже в американской прессе отмечалось, что во Владивостоке более 20 тыс. безработных, «практически находящихся на грани голодания»². Это, естественно, вызывало сильное возмущение масс.

Под руководством большевистских организаций Приморья был проведен ряд стачек. Летом 1922 г. вспыхнула всеобщая политическая забастовка, охватившая железнодорожников, рабочих судостроительного завода, матросов и грузчиков порта. Она нарушила снабжение белогвардейских частей на фронте. Эта забастовка показала полную изолированность контрреволюции.

Партийные организации Владивостока и Никольска-Уссурийского, которые по условиям, диктуемым конспирацией, не могли в период подпольной деятельности стать массовыми, особое внимание уделяли профсоюзам, как массовым организациям рабочих. Центральное бюро профсоюзов Владивостока находилось всецело под влия-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-117, оп. 1, д. 9, л. 100.

² «New York Evening Post», 25 июля 1922 г.

нием большевиков и даже было объявлено меркуловцами большевистской организацией. Летом 1922 г. профсоюзные организации Владивостока подверглись репрессиям, несколько активных работников профсоюзов были арестованы белогвардейцами. В связи с этим большевистскими организациями были приняты меры к сохранению кадров руководящих работников профсоюзных организаций. В августе 1922 г. Приморское облбюро РКП(б) в информационном письме в Дальбюро ЦК РКП(б) сообщало, что «профсоюзные организации переведены на полулегальное положение и находятся вполне в орбите нашего влияния, готовы к переходу в подполье в случае усиления репрессий»¹.

Большевиками проводилась большая агитационно-пропагандистская работа среди населения. Во Владивостоке нелегально издавалась газета «Красное знамя», которая выходила регулярно раз в неделю тиражом в 1 тыс. экземпляров, в Никольске-Уссурийском — газета «Рабоче-крестьянская правда». В Приморье в 1922 г. издавался также ряд партизанских газет. Во Владивостоке и Никольске-Уссурийском регулярно печатались листовки и обращения к населению, которые распространялись в городах, на станциях железных дорог, среди крестьянства и солдат белогвардейской и японской армий. В этих газетах и листовках разоблачалась грабительская политика интервентов и белогвардейцев, указывались пути борьбы за полное освобождение края. В листовке приморской партийной организации, выпущенной 12 марта 1922 г., говорилось: «Последняя попытка международных хищников силой японского штыка задушить Россию с Востока не удалась. Японским наймитам — меркуловской банде приходит конец. Наша Красная Армия делает свое дело, а нам нужно только завершить его... Собирайте ваши силы, крепче организуйтесь, чтобы в решительный момент по призыву Ваших организаций нанести решительный удар»².

Партийные организации Приморья проводили большую революционную работу среди молодежи. После меркуловского переворота 26 мая 1921 г. приморские комсомольские организации в зоне расположения японских и бе-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 2, л. 4.

² «Красный архив», т. 3(82), 1937 г., стр. 79.

логвардейских войск перешли на нелегальное положение. Во главе этих организаций находилась приморская областная тройка РКСМ. После меркуловского переворота в Анучино был направлен владивостокский партизанский отряд РКСМ имени Карла Либкнехта, состоявший первоначально из 45 человек. Позже были созданы другие молодежные партизанские отряды. Организации РКСМ организовывали революционную молодежь в районах, оккупированных интервентами и белогвардейцами. Устраивались вечера рабочей молодежи и литературные революционные чтения, издавались нелегальные стенные газеты¹. Члены РКСМ под руководством партийных организаций распространяли среди населения и солдат нелегальные газеты и листовки. В информационном письме на имя Дальбюро ЦК РКП(б) Приморское облбюро РКП(б) отмечало, что «комсомол продолжает хорошо выполнять техническую работу по распространению и расклейке газет, листовок и обращений»².

Коммунисты и комсомольцы являли образцы бесстрашия и преданности революционному долгу. Их волю к борьбе не смогли сломить ни угрозы, ни страшные пытки в меркуловских застенках. Летом 1922 г. меркуловской контрразведке во Владивостоке удалось арестовать одного из руководящих работников владивостокской нелегальной комсомольской организации — Пчелкина, который имел непосредственные связи с работниками владивостокской нелегальной организации РКП(б). Несмотря на жестокие пытки, которым был подвергнут Пчелкин, он ничего не сказал своим палачам о товарищах по революционной работе³.

Руководимые ЦК РКП(б) большевистские организации Дальнего Востока организовали и возглавили мощный подъем всенародной революционной борьбы против империалистов и белогвардейцев. Партизанскому движению был придан организованный и планомерный характер. Намного выросла боеспособность и ударная сила Народно-революционной армии. В своей борьбе трудящиеся Дальнего Востока опирались на моральную и материальную поддержку Советской России и победоносной Красной Армии.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-34, оп. 1, д. 2, л. 163.

² ЦГАДВ, ф. Р-203, оп. 1, д. 2, л. 4.

³ Там же, л. 60.

3. Внутренние причины ослабления империалистической экспансии Японии в 1921—1922 гг.

Значительное влияние на внешнюю политику японского правительства оказывала экономическая и политическая обстановка в самой Японии.

В 1920—1921 гг. в Японии разразился экономический кризис. Он привел к резкому сокращению промышленного производства, падению экспорта. Так, например, добыча каменного угля сократилась с 31,3 млн. т в 1919 г. до 26,2 млн. т в 1921 г. Валовая ценность промышленной продукции химической промышленности упала с 776 млн. иен в 1919 г. до 508 млн. иен в 1921 г.¹

В это время было закрыто значительное количество промышленных предприятий. Газета «Джапан таймс» в марте 1922 г. писала, что согласно статистическим сведениям, опубликованным осакским городским управлением, в январе 1922 г. в Западной Японии закрылись 23 фабрики, а 31 фабрика уменьшила размеры своих операций, вследствие этого со службы было уволено 27 тыс. рабочих². Японский экспорт за 1921 г. уменьшился почти на 40%³.

Экономический кризис 1920—1921 гг. в Японии повлек за собой массовую безработицу, дальнейшее снижение жизненного уровня рабочих, арендаторов, серьезно затронул интересы мелкой буржуазии и интеллигенции. Обострилась классовая борьба в стране. Безработица продолжала увеличиваться и в 1922 г. Только в 92 рабочих конторах Японии работу просили 350 тыс. человек⁴.

В начале 1922 г. японская газета «Дзи-дзи» писала, что «рабочие всей Японии в настоящее время склонны к борьбе с капиталистами и что в рабочих пробуждается сознание, что каждый из них является членом всего рабочего класса Японии»⁵. «Джапан кроникл» в марте 1922 г. писала о широком рабочем движении за демокра-

¹ К. Попов, Экономика Японии (статистический материал), М. 1936.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 134.

³ К. Попов, Экономика Японии, стр. 42.

⁴ См. «Japan Chronicle», 24 августа 1922 г.

⁵ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 126.

тические свободы, развернувшимся в Токио, Осака и других городах¹.

Одним из показателей роста сознательности японских рабочих было их массовое вступление в профсоюзы.

В 1921—1922 гг. в Японии был ряд крупных стачек. В июне 1921 г. силой оружия была подавлена крупная забастовка 35 тыс. рабочих судостроительных верфей в Кобе. Во время этой забастовки рабочие выставили не только экономические, но и политические требования.

В стачках 1922 г. выявилось усилившееся чувство классовой солидарности рабочих. Корреспондент Дальта в Токио сообщал 12 марта 1922 г.:

«Протекающая больше 2 недель забастовка 4209 рабочих иокогамских доков является чрезвычайно характерной для состояния современной Японии. Забастовка протекает очень дружно... Выражения сочувствия стачечникам идут со всех сторон Японии и даже из Кореи и Маньчжурии... Бастующим рабочим обещана поддержка 18 рабочих организаций Токийского района, кроме того, поддержку обещают... (следовало перечисление нескольких профсоюзных организаций городов Осака, Кобе, Нагоя и т. д. — С. Г.)»².

На рабочих митингах и демонстрациях все чаще выдвигались политические лозунги. Тот же корреспондент сообщил из Токио:

«21 марта 1922 г. в Токио, Осака, Нагоя состоялись демонстрации рабочих казенных предприятий с целью протеста против предполагаемых сокращений. Участвовали тысячи рабочих.

В 1921—1922 гг. в Японии большого размаха достигло движение за прекращение интервенции на Дальнем Востоке, за признание Советской России. В октябре 1921 г. в городе Осака состоялся рабочий митинг, на котором обсуждался вопрос об отношении к Советской России. В сообщении о состоявшемся митинге говорилось: «...ораторы по русскому вопросу требовали, чтобы японское правительство эвакуировало свою армию с территории России и чтобы правительство Японии признало Советское правительство. Резолюция по данному вопросу была принята с энтузиазмом. В качестве практического шага

¹ «Japan Chronicle», 5 марта 1922 г.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 139.

решено было возбудить интерес населения к этому вопросу и послать копию резолюции комитету «Руки прочь от России» в Англию»¹.

Пропаганду за эвакуацию японских войск из Сибири вела лига «Руки прочь от России» («Тайро Хикансо до-сикай»). Лига «Руки прочь от России» была организована в сентябре 1921 г. Она вела борьбу: «1. За немедленную и безусловную эвакуацию из Сибири. 2. За немедленное и безусловное признание Советского правительства. 3. За немедленное открытие торговли с Россией. 4. За то, чтобы не было ни капиталистической эксплуатации, ни империалистической оккупации Сибири»².

14 мая 1922 г. во Владивостоке состоялся митинг японцев, проживавших в Приморье, на котором присутствовало около 700 человек. В резолюции, принятой на митинге, отмечалось, что политика интервенции привела к такому положению, что японским резидентам придется покинуть русский Дальний Восток «независимо от того, будет ли политика правительства идти за или против эвакуации японских войск»³.

Борьбу рабочих и других демократических слоев населения Японии против интервенции на Советском Дальнем Востоке возглавляли левые социалисты.

В Японии социалистические кружки и общества появились еще в 1918—1919 гг. В них шла упорная борьба между коммунистически настроенными элементами, анархистами и реформистами. В 1920 г. образовалась Социалистическая лига. В 1921 г. она была подвергнута жестоким полицейским репрессиям и вскоре распалась. Но деятельность левосоциалистических групп не прекратилась⁴.

Несмотря на жестокие полицейские репрессии, великие идеи Октябрьской социалистической революции распространялись среди японского трудового населения. Газета «Джапан уикли кроникл» в июне 1921 г. сообщала, что 28 мая 1921 г. 80 социалистов пытались собрать митинг в городе Йокогаме, когда же это им не удалось из-за противодействия полиции, то они пошли вдоль берега моря «...с пением революционных песен и с развевающимися

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 22, л. 139.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 21, л. 12.

³ «Japan Chronicle», 17 и 18 мая 1922 г.

⁴ См. «Japan Chronicle», 11 декабря 1921 г.

красными флагами. Произошло столкновение с полицией. Несколько демонстрантов было избито и арестовано»¹. Газета «Кокумин» от 25 ноября 1921 г. писала: «Войска, расположенные в разных частях города Токио, недавно получили агитационные воззвания, которые были распространены среди них группой социалистов. Точно установлено, что до 20 тыс. солдат токийского гарнизона получили такого рода воззвания». В феврале 1922 г. в Токио были преданы суду социалисты Кондэ Эйджо и 16 других по обвинению в распространении пропаганды среди войск. Газета «Джапан таймс» в феврале 1922 г. писала: «В июле и августе прошлого года эта группа обвиняемых занималась распространением социалистических идей среди рабочих фабрик и заводов, арендаторов земельных участков, народных учителей и солдат. Кроме того, обвиняемые вступили в связь со своими единомышленниками в Корее и Китае с целью распространения в этих странах печатаемых ими воззваний и прокламаций»². Полиция оказалась не в состоянии удушить революционное движение в Японии. Министр внутренних дел Японии, выступая в верхней палате в марте 1922 г., вынужден был заявить, что в листках «обнаруживается большевистская тенденция и количество их растет»³.

В июле 1922 г. была создана Японская коммунистическая партия. Базой для создания Коммунистической партии Японии послужили левые социалистические кружки и отдельные коммунистические группы. Большую роль в создании Компартии Японии сыграли Ватанабе Масаносуке и Сен-Катаяма. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. Компартия Японии на правах секции была принята в Коммунистический Интернационал. Несмотря на исключительно тяжелые условия, Коммунистическая партия Японии вела большую агитационную работу по объединению рабочего и крестьянского движения, а также возглавила борьбу японского народа против интервенции в Сибири.

Проводниками революционных идей в рабочем движении очень часто являлись также демобилизованные солдаты японской армии, побывавшие на Советском Даль-

¹ См. «Japan Weekly Chronicle», 8 июня 1921 г.

² «Japan Times», 11 февраля 1922 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 25, л. 125.

нем Востоке и познакомившиеся с большевистскими идеями и методами борьбы. Как известно, дальневосточные большевики уделяли много внимания революционной агитации среди иностранных военных частей. В листовках и прокламациях, написанных на японском языке, солдатам популярно разъяснялось, кто такие большевики и за что борются русские рабочие и крестьяне. Особенно быстро усваивали революционные идеи те из японских солдат и младших офицеров, которые владели русским языком.

В 1918—1919 гг. произошел ряд революционных выступлений в японских войсках в Сибири. В декабре 1920 г. во Владивостоке был арестован и осужден на два года каторжных работ подпоручик Ямада. Он обвинялся в сочувствии большевизму, ведении пропаганды среди солдат, а также в том, что он посылал из Сибири своим знакомым и родственникам письма, в которых правдиво освещалось положение на русском Дальнем Востоке. Командование было настолько встревожено ростом революционных настроений среди своих экспедиционных войск на русском Дальнем Востоке, что начиная с 1920 г. направляет в Сибирь части, состоящие в основном из призванных в армию крестьян, и избегает направлять на ДВ солдат из рабочих. В феврале 1921 г. во Владивостоке был организован под начальством майора Хонде специальный отдел контрразведки для борьбы с революционным движением в японских экспедиционных войсках¹.

Экономический кризис 1920—1921 гг. усилил борьбу внутри лагеря господствующих классов Японии как по вопросам внутренней, так и по вопросам внешней политики. Возросшие сопротивления интервентам со стороны трудящихся Дальнего Востока, огромные расходы на интервенцию, экономический кризис, подъем рабочего и крестьянского движений в стране усилили в некоторых кругах крупной японской буржуазии стремление к прекращению интервенции. Это стремление было тем более ощутительным, что международное положение Японии после Вашингтонской конференции ухудшилось в связи с прекращением действия англо-японского союзного договора. Англия стала активнее препятствовать японской экспансии в Китае. В начале апреля 1922 г. в английской газете «Таймс» появилась статья «Об агрессивных эле-

¹ ЦГАДВ, ф. Р-120, оп. 1, д. 12, л. 5.

ментах в Японии». Газета «Таймс» резко критиковала Японию за морские вооружения, за проникновение в Китай и «наметившееся желание эвакуировать войска из Сибири»¹.

Указанные круги рассчитывали путем дипломатического давления добиться тех льгот и привилегий на Советском Дальнем Востоке, которых им не удалось добиться военным путем.

4. Чанчуньская конференция

24 июня 1922 г. в Токио было опубликовано сообщение о том, что «японское правительство решило вывести все японские отряды из приморских районов Сибири к концу октября 1922 г.»² 14 июля 1922 г. представитель Японии в США Сабури сообщил государственному секретарю США: «Японское правительство, считая целесообразным уменьшить территорию, оккупированную ее войсками в Сахалинской области, решило удалить к концу сентября этого года все войска из районов, лежащих напротив острова Сахалина. Что касается северной или русской части острова Сахалина, то японское правительство намерено произвести его эвакуацию, как только будет получено удовлетворение за николаевские события»³. Таким образом, японское правительство официально объявило об эвакуации своих войск со всей территории Советского Дальнего Востока, за исключением Северного Сахалина. Газета «Ници-Ници» писала, что «эвакуация — небывалое военное поражение Японии»⁴.

Потерпев бесславное поражение в своих попытках захватить земли Советского Дальнего Востока вооруженным путем, японские империалисты пытались путем дипломатического нажима добиться осуществления хотя бы части своих захватнических планов. Еще во второй половине мая 1922 г.⁵ директор департамента по европей-

¹ «Japan Chronicle», 8 апреля 1922 г.

² «Foreign Relations», т. II, 1922, стр. 853.

³ Там же, стр. 855.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 30.

⁵ Большинство историков, писавших о Чанчуньской конференции, в том числе и автор статьи «Чанчуньская конференция», помещенной во втором томе Дипломатического словаря, ошибочно считало, что предложение о возобновлении переговоров между ДВР и

ским делам японского министерства иностранных дел Мацудайра по поручению своего правительства обратился через представителя Дальта в Японии Антонова с предложением к правительству ДВР возобновить переговоры. Предложение Японии было принято правительством ДВР при условии обязательного участия в переговорах представителя РСФСР.

Японское правительство согласилось на это. Местом переговоров был избран маньчжурский город Чанчунь.

Конференция начала свою работу 4 сентября 1922 г. На первом заседании делегации обменялись мнениями о процедуре ведения переговоров и плане работы конференции. Японская делегация стремилась сохранить ход переговоров в тайне и отклонила предложение русской делегации допустить представителей прессы на пленарные заседания. На заседании конференции 6 сентября 1922 г. глава японской делегации Мацудайра огласил декларацию японского правительства, в которой заявлялось, что правительство Японии намерено вести переговоры между ДВР и Японией и договор будет подписан только между ДВР и Японией. Таким образом, японская делегация стремилась исключить из переговоров РСФСР, несмотря на то что японское правительство ранее дало согласие на участие в переговорах представителей РСФСР. Японская делегация выдвинула следующие цели переговоров: «1) получение гарантий в безопасности личности и имущества японских граждан; 2) устранение прямой и косвенной угрозы границе ДВР и Японии; 3) отмена прежних ограничений в области промышленности на Дальнем Востоке для японских граждан»¹. В декларации японской делегации указывалось, что на Дайренской конференции было достигнуто соглашение по всем вопросам взаимоотношений между ДВР и Японией и разрыв произошел по вопросу о сроке эвакуации японских войск. Под тем предлогом, что Япония уже начала эвакуацию своих войск, японская делегация предложила подписать дайренский проект договора, обменявшись мнениями по нерешенным вопросам.

Японией было сделано японским правительством во второй половине июня 1922 г. («Дипломатический словарь», т. II, М. 1950, стр. 920), ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 17, л. 134.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 618—619.

В ответ на декларацию японской делегации представитель РСФСР заявил о желании «...раздвинуть рамки переговоров в целях установления взаимных прав и добрососедских отношений, которых желают Россия и ДВР...» Делегации РСФСР и ДВР на заседании 10 сентября опубликовали подробную декларацию, в которой изложили точку зрения своих правительств на характер переговоров. В ней подчеркивалось, что «...переговоры должны вестись между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой — и как переговоры, так и договор не могут ограничиваться одними дальневосточными вопросами»¹. В то же самое время делегации РСФСР и ДВР вполне справедливо отмечали, что «ограничение круга работ конференции исключительно дальневосточными вопросами привело бы к разрешению лишь тех вопросов, в которых заинтересована только одна Япония. С другой стороны, экономическая и политическая близость РСФСР и ДВР настолько тесна, что самостоятельное и независимое рассмотрение вопросов с каждой из них поочередно невозможно»². По мнению русской делегации, общее соглашение не могло быть простым повторением дайренского проекта, оно требовало улучшения в соответствии с изменившимися обстоятельствами.

На заседаниях 13 и 14 сентября шла упорная борьба между русской и японской делегациями. 14 сентября японская делегация от имени своего правительства заявила:

«1) Соглашение должно быть заключено между Японией и ДВР.

2) В основу переговоров берется дайренский проект.

3) Соглашение немедленно после подписания вступает в силу.

4) После этого возможно заключение временного торгового соглашения между РСФСР и Японией. Япония не имеет агрессивных целей, не хочет интервенции, но если ДВР соединится с Россией и права японских граждан страдают, то Япония вынуждена будет выступить на их защиту»³.

Таким образом, японские империалисты и после официального объявления об эвакуации своих войск шантажировали и угрожали, настаивали на принятии своих

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 44, л. 12.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 619.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 44, л. 26.

захватнических требований. Представитель русской делегации в ответ на угрозы заявил, что согласно инструкций правительств РСФСР и ДВР соглашение может быть подписано только между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, «и в этом пункте об уступках не может быть и речи, дайренский проект составлялся в другое время, сейчас обстоятельства изменились, и он нуждается в значительных поправках, вводить договор в силу без ратификации делегация не имеет права. Русский народ не боится угроз и надеется на свои силы»¹.

После долгих дебатов глава японской делегации объявил о том, что японская делегация считает конференцию законченной, так как обе стороны не могут прийти к соглашению. Глава русской делегации ответил, что он ничего не может добавить к своему заявлению, и хотел удалиться. Видя, что дипломатический шантаж не удался, глава японской делегации Мацудайра спешно выдвинул новые предложения вести переговоры между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией — с другой, но только по вопросам Дальнего Востока и территории ДВР. Японская делегация также отказалась от требования подписать проект дайренского договора без обсуждения.

На заседании конференции 19 сентября Мацудайра на основании инструкций своего правительства вновь настаивал на том, чтобы в согласованных уже в Дайрене статьях договора допускались только редакционные изменения, но не изменения по существу. Однако твердая позиция делегаций РСФСР и ДВР, согласившихся принять дайренский проект лишь «как канву для переговоров», заставила японскую делегацию уступить. Японская делегация 19 сентября огласила новый проект договора, в котором указывалось, что «договор по вопросам, касающимся ДВР, должен вступить в силу немедленно по его подписании, независимо от начала переговоров по вопросам, касающимся РСФСР в целом»². Делегат РСФСР отверг требование японской делегации и заявил, что договор вступит в силу «тогда, когда на русской земле не останется ни одного японского солдата»³. На вопрос русской делегации о сроках эвакуации японских войск глава

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 44, л. 26.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 621.

³ Там же.

японской делегации сообщил, что «Япония намерена эвакуировать Приморье к концу октября, Приамурье (т. е. низовья Амура. — С. Г.) — к концу сентября, а северный Сахалин — лишь после разрешения вопроса о николаевских событиях»¹. Причем глава японской делегации заявил, что Япония не намерена рассматривать вопрос о николаевских событиях на Чанчуньской конференции и будет решать этот вопрос лишь «с правительством, признанным хотя бы де-факто». Подобное заявление выдавало намерения японских империалистов продолжать оккупацию Северного Сахалина на неопределенный срок.

Русская делегация не могла согласиться подписать договор на столь невыгодных для себя условиях. В работе конференции был сделан перерыв. После перерыва на заседании конференции 23 сентября была оглашена вновь полученная инструкция от правительств РСФСР и ДВР. В инструкции указывалось, что «оба правительства соглашаются на предложенную японским правительством систему двух последовательных договоров и согласны на то, чтобы в первом договоре, заключаемом между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией — с другой, были разрешены лишь вопросы, касающиеся ДВР и Японии, с тем чтобы в этом же договоре было дано обязательство вступить в переговоры с РСФСР по вопросу о торговом соглашении, касающемся всей территории РСФСР... Вместе с тем оба правительства ни в коем случае не могут согласиться на такую постановку вопроса, согласно которой эвакуация русской части Сахалина ставится в зависимость от разрешения так называемого николаевского вопроса»².

Русская делегация вполне справедливо указала, что николаевские события являются следствием японской оккупации Сибири, и поэтому правительства РСФСР и ДВР не могут брать на себя ответственность за них. Японская делегация категорически отказалась назначить дату эвакуации Северного Сахалина. Японские империалисты стремились удержать за собой Северный Сахалин, на котором они к этому времени ввели свое военно-административное управление. Николаевский инцидент, не имевший какой-либо связи с японской оккупацией Северного Сахалина, являлся лишь предлогом для захвата природ-

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 621.

² Там же, стр. 622—623.

ных богатств Северного Сахалина. По вине японской делегации переговоры зашли в тупик. 23 сентября в работе конференции был назначен новый перерыв.

После перерыва 26 сентября состоялось последнее заседание Чанчуньской конференции. На этом заседании Мацудайра от имени своего правительства заявил следующее: «Японское правительство вынесло вполне определенное решение ограничить пределы применения основного соглашения лишь взаимоотношениями между Японией и ДВР, ввести это соглашение в силу немедленно по его подписании и отложить переговоры по остальным переговорам впредь до заключения этого основного соглашения»¹.

В этом же заявлении Мацудайра еще раз категорически отказался обсуждать вопрос об эвакуации японских войск с Северного Сахалина. Стало вполне очевидным то, что японские империалисты стремятся превратить Северный Сахалин в свою колонию. Согласиться на подписание договора на таких условиях Советская Россия и ДВР не могли. Делегация РСФСР и ДВР заявила: «Российская и Дальневосточная республики, занимающие не менее одной шестой части поверхности земного шара, имеющие 150 млн. населения, не могут допустить, чтобы их территория была оккупирована иностранцами в качестве гарантии разрешения какого бы то ни было конфликта. Договор же, в результате которого РСФСР и ДВР не достигают даже того, чтобы их территория освободилась от японской оккупации, такой договор не имеет для России и ДВР никакой цены»².

По вине японских империалистов Чанчуньская конференция была сорвана.

28 сентября 1922 г. министр иностранных дел Японии граф Утида вынужден был заявить: «...неуспех конференции совершенно не вызовет изменений в ходе эвакуации, и таковая будет закончена к концу октября из Владивостока и вообще из континента. Но что касается Северного Сахалина, то, как уже заявлялось, эвакуация японских войск будет произведена по разрешению николаевского инцидента»³.

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II, стр. 623.

² Там же, стр. 625.

³ «Владиво-Ниппо», 30 сентября 1922 г.

Несмотря на то что японское правительство решило эвакуировать свои войска с русского Дальнего Востока, не исключена была возможность новых провокаций со стороны японской военщины. В зоне расположения японских войск находились значительные силы белогвардейцев, организованные и вооруженные Японией.

Требовалась большая выдержка, революционная энергия и настойчивость для того, чтобы закрепить плоды победы над японскими империалистами и окончательно освободить русский Дальний Восток от японских и белогвардейских войск.

5. Разгром американской и японской интервенции и белогвардейщины. Воссоединение ДВР с Советской Россией

Непрерывные поражения интервентов и белогвардейцев привели к перегруппировке в лагере контрреволюции. Правое крыло контрреволюции, возглавляемое монархистами, настаивало на введении в Приморье, где пока еще хозяйничали японские войска, режима монархической диктатуры. На пост диктатора был выдвинут бывший колчаковский генерал М. К. Дитерихс. 10 июня 1922 г. Дитерихс прибыл из Харбина во Владивосток. Дитерихс заявил, что он не может принять власть из рук меркуловского «народного собрания» и объявил о созыве «земского собора», который состоял из монархического офицерства, буржуазии, крупных чиновников и контрреволюционного духовенства. Организаторы созыва собора ставили своей задачей укрепление белогвардейской власти в Приморье «для продолжения борьбы с большевиками». Собор направил делегацию к японскому императору с просьбой не выводить японские войска из Приморья и избрал «единоличным правителем края» генерала Дитерихса.

Лидеры контрреволюции, понимая неизбежность своего поражения в случае эвакуации японских войск, развили энергичную деятельность, направленную на мобилизацию всех сил черной реакции. Белогвардейцы готовили новые провокации на границах ДВР и мятежи внутри ДВР, которые должны были показать империалистам, что их дело еще окончательно не проиграно и что борьба против ДВР и Советской России будет продолжаться.

В борьбе против ДВР и Советской России белогвардейцы по-прежнему опирались на поддержку империалистов. 6 июля 1922 г. С. Меркулов посетил старшину консульского корпуса во Владивостоке и поднял вопрос о вводе в Приморье войск США, Англии и Франции «для охраны мирного населения от красных до укрепления приморской государственности»¹. Представители Дитерихса при поддержке японского командования вели переговоры с Чжан Цзо-лином об отводе белогвардейских войск в полосу отчуждения КВЖД в случае, если они будут вынуждены отступить из Приморья. Группа японских милитаристов, возглавляемая начальником генерального штаба Уэхара, выдвинула план объединения сил Чжан Цзо-лина и Дитерихса с целью создания русско-маньчжурского буферного государства под протекторатом Японии². По сообщению газеты «Кокумин», Уэхара в сентябре 1922 г. заявил, что создание русско-маньчжурского буфера — «необходимая гарантия для будущего развития Японии. Без буфера нельзя осуществить японские планы в Сибири и Маньчжурии»³.

Летом 1922 г. в ДВР была раскрыта и ликвидирована белогвардейская организация, ставившая своей задачей свержение правительства ДВР. Руководитель белогвардейской организации Захар Гордеев был связан с бывшими офицерами, состоявшими на службе в штабе и частях НРА. Белогвардейская организация действовала по директивам генерала Шильникова, находившегося в Маньчжурии. Шильников в письме к Гордееву сообщал: «Отношение правительства и Дитерихса к нашему делу благоприятное, помощь будет оказана, одновременно ведутся усиленные переговоры с Чжан Цзо-лином»⁴. Белогвардейцы подготавливали к началу июля 1922 г. контрреволюционные восстания в Забайкальской, Прибайкальской и Амурской областях, при этом они рассчитывали на поддержку кулачества. Одновременно из пограничных районов Маньчжурии в ДВР были перебросены белые банды.

Однако заговор белогвардейцев был своевременно разоблачен органами государственной политической

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 286.

² См. «Japan Advertiser», 29 сентября 1922 г.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 55.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 1546, л. 399.

охраны, а бандитские отряды, заброшенные на территорию ДВР, быстро ликвидированы.

Вскоре после своего избрания «правителем Приморья» Дитерихс переименовал белогвардейскую армию в «земскую рать».

К сентябрю 1922 г. белогвардейские генералы составили новый план наступательных операций против ДВР и Советской России. По этому плану войска должны были повести наступление из района Спасска на Хабаровск. Атаман Семенов, с которым Дитерихс установил контакт, должен был наступать из Маньчжурии на Читу. Чжан Цзо-лин должен был двинуть свои войска на Монголию, генерал Пепеляев — начать наступление на Якутск¹. Белогвардейские генералы на сей раз не особенно рассчитывали на успех новых авантюр. Концентрируя главные силы в районе Спасска, белогвардейское командование приняло меры к тому, чтобы обеспечить отступление на случай поражения в Маньчжурию через станцию Пограничная. В сентябре 1922 г. был издан указ о призыве в армию лиц мужского пола в возрасте от 18 до 43 лет. Трудящиеся всеми силами уклонялись от мобилизации, уходили к партизанам. Призыв добровольцев из имущих классов также не дал сколько-нибудь значительного пополнения для белогвардейской армии.

Японское правительство затягивало эвакуацию и тем самым оказывало активную поддержку белогвардейцам в их борьбе против ДВР.

После разрыва Чанчуньских переговоров довольно влиятельная группа японских милитаристов настаивала на продолжении оккупации Приморья. Милитаристы ждали лишь предлога, чтобы поставить перед правительством вопрос об отмене решения об эвакуации, готовы были пойти на новую провокацию. В таких условиях надо было всемерно избегать того, что могло бы дать японскому командованию повод для провокаций.

6 сентября 1922 г. «земская рать» при содействии японского командования начала наступление из района Спасска на север по линии Уссурийской железной дороги и заняла станцию Шмаковка. Это наступление было приурочено к началу Чанчуньской конференции с целью оказать давление на делегацию Советской России и ДВР.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-109, оп. 1, д. 15, л. 507.

Однако успехи «земской рати», начавшей «поход на Москву», вскоре прекратились. Части Народно-революционной армии перешли в контрнаступление. Решающие бои произошли под Спасском. Спасские укрепления, созданные японцами в 1921 г., состояли из семи бетонированных фортов, расположенных на сопках и в районе города. Окопами и проволочными заграждениями форты связывались в мощную оборонительную полосу протяженностью до 40 км. Спасские укрепления закрывали для Народно-революционной армии путь в равнинную часть Южного Приморья, к Никольску-Уссурийскому и Владивостоку. Японское командование передало эти укрепления, считавшиеся неприступными, армии генерала Дитерихса. В районе Спасска были сосредоточены значительные силы белогвардейцев, насчитывавшие около 7 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы с артиллерией и пулеметами¹.

Части НРА, наступавшие на Спасск, насчитывали 8 тыс. человек пехоты и 3 тыс. конницы, что было явно недостаточно для штурма столь мощных укреплений противника. Однако умелое использование артиллерии и ночные атаки дали возможность Народно-революционной армии избежать значительных потерь. Бои под Спасском длились с 7 по 9 октября. Бойцы и командиры НРА и поддерживавшие их партизаны проявили исключительный героизм. Были случаи, когда части НРА до четырех раз в течение одной ночи ходили в штыковые атаки. Трудящиеся Дальнего Востока напрягали все силы, чтобы быстрее изгнать интервентов и белогвардейцев, добиться воссоединения с Советской Россией и перейти к мирной жизни.

Значительную помощь Народно-революционной армии оказали партизаны Приморья, выступившие из района Анучино на линию Уссурийской железной дороги и ударившие по тылам белых. Белые вынуждены были часть своих войск из-под Спасска бросить против партизан. 9 октября 1922 г. Спасск был занят революционными войсками. В боях под Спасском было нанесено решающее поражение белогвардейской армии. 15 октября НРА заняла Никольск-Уссурийский. Разбитые войска Дитерихса отступали в Маньчжурию и во Владивосток под защиту японцев.

¹ См. П. Антохин, Из истории борьбы за власть Советов в Приморье, стр. 59.

Командование японской армии медлило с эвакуацией Владивостока, для того чтобы дать возможность бежать белогвардейцам. Оно стремилось сохранить кадры белогвардейцев для будущих авантур. С 20 по 25 октября очень остро стоял вопрос о том, как будет освобожден Владивосток, с боем или без боя. До последнего момента японское командование отказывалось назвать точную дату эвакуации Владивостока. Командование японской армии стремилось спровоцировать вооруженное столкновение во Владивостоке, для того чтобы подвергнуть город еще более беззастенчивому грабежу и взорвать уцелевшие форты владивостокских укреплений. 21 октября 1922 г. уполномоченному ДВР в полосе отчуждения КВЖД был вручен меморандум японского правительства, в котором указывалось: «Если Народно-революционная армия столь возбуждающе осмелится силой продвигаться к Владивостоку без предварительного контакта с японским командованием, едва ли сможет она обойтись без каких-либо столкновений с японскими войсками. При таких обстоятельствах... наша армия волей-неволей будет принуждена отложить свою эвакуацию из Приморья на некоторое время, что поведет далее к неизбежному осложнению налаживающихся отношений между Японией и Россией»¹.

Последние дни перед эвакуацией японских войск из Владивостока белогвардейцы и иностранные «коммерсанты» использовались для массового расхищения народного достояния. Из Владивостока уводились в американские и другие порты торговые и военные суда, увозились наиболее ценные грузы. На Русском острове, где находились американские войска, расстреливались политзаключенные и пленные бойцы НРА. Когда правительство ДВР и командование Народно-революционной армии обратились к консулу США во Владивостоке с требованием принять меры к прекращению грабежа и убийств, то консул США в ноте от 22 октября заявил, что США придерживаются политики нейтралитета «и вмешиваться в дела грабежа и вывоза русского достояния»² не будут, что за это должна отвечать только Япония, хотя всем было известно, что представители США во время интервенции активно поддерживали белогвардейцев и эсеров.

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 105.

² ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 17, л. 113—114.

В гавани Владивостока в то время находился американский крейсер «Сакраменто», а также военные корабли Японии и других держав с целью воздействия на ход событий в этом районе России¹.

В таких условиях владивостокская подпольная организация РКП(б) через профсоюзные организации предложила создать комитет общественных организаций для того, чтобы предотвратить дальнейшее расхищение грузов, не допустить угона судов и добиться мирной передачи власти в городе представителям ДВР². Но создание этого комитета было сорвано вмешательством японского командования. В информации владивостокской организации РКП(б) указывалось на то, что, опираясь на рабочих, подпольная большевистская организация могла сломить сопротивление белогвардейцев и взять власть в городе в свои руки. Профсоюзы по первому требованию были готовы объявить забастовку. В их распоряжении имелась группа организованной милиции. Но, имея возможность свергнуть белогвардейцев, большевики не могли этого сделать ввиду присутствия японских войск³. Однако, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, рабочие и служащие электростанции, трамвая и других предприятий Владивостока 19 октября 1922 г. по призыву большевиков начали забастовку.

Японское командование отвергало все предложения командования НРА о заключении соглашения об условиях передачи города Владивостока. В ноте РСФСР и ДВР японскому правительству указывалось, что на предложение командования НРА достигнуть соглашения о подробностях передачи города Владивостока, японское командование «потребовало под угрозой открытия военных действий отступления наших авангардных частей и категорически отказалось от заключения соглашения на предмет передачи города русской власти мирным путем»⁴. При таких условиях решено было стягивать в район Владивостока побольше войск, чтобы добиться значитель-

¹ В 1924 г. представители правящих кругов США предприняли попытку захватить у Советского Союза остров Врангеля, но также потерпели поражение.

² ЦГАДВ, ф. Р-110, оп. 1, д. 6, л. 229.

³ Там же, л. 230.

⁴ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 182.

ного перевеса над японскими, и одновременно продолжать переговоры с японским командованием. На 20 октября в Южном Приморье было сосредоточено 12 420 бойцов регулярных частей НРА. Кроме того, в партизанских отрядах этого района числилось около 2 тыс. человек¹.

Твердая и последовательная политика Советской России и ДВР, появление у Владивостока значительных сил Народно-революционной армии и партизан, возможность вооруженного выступления рабочих Владивостока заставили японское командование подписать соглашение об эвакуации Владивостока. 24 октября 1922 г. было подписано соглашение о выходе японских войск из Владивостока. 25 октября во Владивосток вступили части Народно-революционной армии.

24 ноября 1922 г. США вынуждены были отозвать свой крейсер «Сакраменто» из Владивостокской гавани и снять отряд своих войск с Русского острова².

В конце 1922 г. и в начале 1923 г. были ликвидированы белогвардейские банды в Якутии и на Камчатке, действовавшие в тесном контакте с американскими империалистами³.

С освобождением Владивостока интервенция и гражданская война на Дальнем Востоке в основном закончились.

В приветствии ВЦИК трудящимся Дальнего Востока, подписанном М. И. Калининым, заявлялось: «Заслушав сообщение о вступлении во Владивосток Народно-революционной армии, составляющей нераздельную часть РККА, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет посылает братский привет рабочим, крестьянам и воинам Дальнего Востока, вернувшим трудящемуся русскому народу его земли и вместе с тем выход к великим водным путям Тихого океана. Стойкость, выдержка и героизм верных сынов революции снова увенчаны славной победой. ВЦИК выражает твердую уверенность в том, что президиум ВЦИК и СНК при неизменной поддержке трудящихся масс всей нашей Великой Федерации и в неразрывной связи с населением Дальнего Востока сумеет

¹ ЦГАДВ, ф. Р-110, оп. 1, д. 6, л. 219.

² См. «Американо-английские империалисты — злейшие враги советского народа» (сборник статей), М. 1951, стр. 95.

³ В 1925 г. империалистическая Япония вынуждена была вывести свои войска с Северного Сахалина.

отстоять до конца земельное и иное достояние трудящегося русского народа от империалистических покушений»¹.

Сразу же после освобождения края от интервентов и белогвардейцев началось массовое движение рабочих и крестьян Дальнего Востока за восстановление Советской власти, за воссоединение ДВР с Советской Россией. В адрес правительства ДВР поступали сотни резолюций, принятых на собраниях рабочих и крестьян, с требованием установления Советской власти на Дальнем Востоке.

Отражая настроения трудящихся масс, Дальбюро ЦК РКП(б) выработало план восстановления Советской власти на Дальнем Востоке и осуществило его при активной поддержке трудящихся.

7 ноября 1922 г. во Владивостоке была провозглашена Советская власть. 13 ноября 1922 г. начало свою работу Народное собрание ДВР второго созыва. В этот же день оно вынесло следующее решение:

«В согласии с непреклонной волей всего трудового населения Дальнего Востока, в согласии с решениями, вынесенными на собраниях и сходах рабочих и крестьян, в согласии с теми наказами, которые нам дали наши избиратели, мы, представители рабочих и крестьян всего Дальнего Востока, постановляем: 1) Народное собрание Дальневосточной республики объявить распущенным. 2) На всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов...»².

16 ноября 1922 г. ВЦИК постановил объявить «Дальневосточную республику в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону³, нераздельной, составной частью РСФСР».

Попытка империалистов не допустить установления Советской власти на Дальнем Востоке потерпела поражение.

26 октября 1922 г., отмечая победу героической Красной Армии, освободившей Владивосток, В. И. Ленин писал: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие

¹ ЦГАДВ, ф. Р-1609, оп. 1, д. 19, л. 24.

² С. Цыпкин, А. Шурыгин, С. Булыгин, Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке, стр. 269—270.

³ Имеется в виду Северный Сахалин, который в это время был еще оккупирован японскими войсками.

народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма»¹.

Таким образом, планы японских и американских империалистов по захвату дальневосточных земель и установлению своего господства на русском Дальнем Востоке были сорваны.

Решающую роль в победе над врагом сыграла героическая борьба советского народа, возглавленная Коммунистической партией.

Следует также отметить, что Советское правительство с успехом использовало непримиримые противоречия между империалистами Японии и США по поводу раздела сфер влияния на Дальнем Востоке для того, чтобы ослабить натиск империалистов на Советскую Россию. Отмечая заслуги революционных войск, освободивших Владивосток и сбросивших в море последние силы белогвардейцев, В. И. Ленин говорил, «что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия»².

* * *

Интервенция и гражданская война, организованная японско-американскими империалистами на русском Дальнем Востоке, принесли неисчислимые бедствия и разорение трудящимся Советского Дальнего Востока. Американские и японские интервенты и белогвардейцы разрушали транспорт, рудники, фабрики и заводы, разоряли крестьянское хозяйство, творили насилия над мирным населением. Они нанесли колоссальный ущерб народному хозяйству, особенно транспорту, рыбным и пушным богатствам Дальнего Востока.

В 1924 г. специальная комиссия определила сумму ущерба, нанесенного интервентами Дальневосточному краю, в 625 786 226 руб.³ В сумму ущерба однако не были включены огромные убытки, причиненные американской интервенцией, а также ущерб, нанесенный народному хозяйству Северного Сахалина японскими интервентами. После ликвидации интервенции и гражданской войны на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 345.

² Там же, стр. 353.

³ ЦГАДВ, ф. Р-1612, оп. 2, л. 175, л. 59-63.

Дальнем Востоке партийным и советским органам пришлось провести огромную работу по восстановлению разрушенных интервентами отраслей народного хозяйства.

Американские и японские империалисты, потерпевшие поражение на русском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., не собирались прекращать борьбы за захват советских дальневосточных земель. Они считали свое поражение временным и готовили силы для нового наступления. С этой целью они сохранили кадры своих прислужников-белогвардейцев. Значительная часть армии Дитерихса при содействии японского командования отступила в Маньчжурию и была расквартирована в Гирине.

Вторая часть армии белогвардейцев была эвакуирована в Корею. Всего в корейский порт Гензен было перевезено 7500 белоэмигрантов. По указанию японского правительства руководители белогвардейцев в Маньчжурии — Семенов, Бакшеев и др. создали антисоветские организации. «...Японская военщина, подготавливая на протяжении ряда лет военное нападение на Советский Союз с целью захвата его территории, отводила большую роль белогвардейцам, которые должны были принимать активное участие в осуществлении японских агрессивных планов в отношении Советского Союза»¹. Однако все попытки японских и других империалистов отторгнуть от Советской России территорию Дальнего Востока были обречены на провал.

Опыт борьбы трудящихся Советского Дальнего Востока в 1918—1922 гг. против американских и японских интервентов и белогвардейцев служил и служит вдохновляющим примером для трудящихся, борющихся против империалистического господства, за свое социальное освобождение и национальную независимость.

¹ «Судебный процесс по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Семенова, Родзаевского и др. Обвинительное заключение», «Правда», 28 августа 1946 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ С 1918 г. ДО АПРЕЛЯ 1920 г.</i>	6
1. Подготовка и начало военной интервенции	—
2. Развертывание японской и американской интервенции на Дальнем Востоке	19
<i>Глава II. ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА РАБОЧИХ И КРЕ- СТЬЯН ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙ- ЦЕВ. ПОРАЖЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОЙ ИНОСТРАН- НОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ</i>	48
<i>Глава III. ОБРАЗОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕС- ПУБЛИКИ. АМЕРИКАНСКАЯ И ЯПОНСКАЯ ИНТЕР- ВЕНЦИЯ (апрель 1920 г. — апрель 1921 г.)</i>	72
1. Выступление японской военщины 4—5 апреля 1920 г. и начало второго этапа интервенции	—
2. Образование Дальневосточной республики. Попытки империалистов создать на русском Дальнем Востоке буржуазное государство	81
3. Поражение ставленников американско-японских импе- риалистов на выборах в Учредительное собрание ДВР	98
<i>Глава IV. АМЕРИКАНСКАЯ И ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕН- ЦИЯ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ в 1921— 1922 гг.</i>	105
1. Выступление империалистов и белогвардейцев против ДВР и Советской России весной 1921 г.	—
2. Организация и использование бандитизма японскими и американскими империалистами	117
3. Грабеж и эксплуатация оккупированных районов аме- риканскими и японскими империалистами	123

<i>Глава V. ДАЙРЕНСКАЯ И ВАШИНГТОНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ. НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ИХ РАЗГРОМ ПОД ВОЛОЧАЕВКОЙ</i>	133
1. Первый период работы Дайренской конференции . . .	—
2. Новое наступление белогвардейцев на ДВР в конце 1921 г. и его разгром	143
3. Сибирский вопрос на Вашингтонской конференции . .	154
4. Срыв дайренских переговоров Японией	164
<i>Глава VI. ПОРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ</i>	167
1. Переход революционных войск в наступление	—
2. Героическая борьба рабочих и крестьян во главе с РКП(б) против интервентов и белогвардейцев	170
3. Внутренние причины ослабления империалистической экспансии Японии в 1921—1922 гг.	178
4. Чанчуньская конференция	183
5. Разгром американской и японской интервенции и белогвардейщины. Воссоединение ДВР с Советской Россией	189

ГРИГОРЦЕВИЧ Станислав Силиверстович
Американская и японская интервенция
на Советском Дальнем Востоке и ее разгром
(1918—1922 гг.)

Редактор *Н. Микешин*
Художник *А. Завьялова*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Н. Трояновская*
Ответственный корректор *А. Пушко*

Сдано в набор 26 марта 1957 г. Подписано в печать 19 июля 1957 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6¹/₁. Условн. печ. л. 10,25. Учетно-изд. л. 10,73.
Тираж 15 тыс. экз. А-05181. Заказ № 266. Цена 2 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

- 2 р. 50 к. -

ц 13 к.

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1957